

А. ВАРШАВСКИЙ

**Колумб
Австралии**

**Издательство
ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»
Москва
1971**

(Документальная повесть
о Педро Кироце)

Художники И. Блюх, В. Зуйков

Отыскать во что бы то ни стало Южный материк — вот цель, которую поставил перед собой Кирос, один из самых замечательных мореплавателей времен Великих географических открытий. Кирос был прав, когда доказывал, что к юго-западу от островов Санта-Крус должен находиться материк. И он был прав, полагая, что к Южной Земле проще и легче добраться, идя из Перу, с востока на запад.

Два плавания совершил Кирос в неведомых в ту пору широтах Тихого океана. И не по его вине остались неосуществленными его гениальные проекты. Ему, человеку удивительной судьбы, предугадавшему существование Австралии и Антарктиды, с чьим именем связаны самые выдающиеся плавания конца XVI — начала XVII века, посвящена эта книга.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**СОЛОМОНОВЫ
ОСТРОВА**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МЕНДАНЬЯ

P

ассказывали: Упоминаемая в библии страна Офир, откуда привозил золото мудрый царь Соломон, находится где-то между Новым и Старым Светом, в Южном море, в южной части Тихого океана.

Говорили: Копи царя Соломона способны обогатить любого. Разве не написано в библии: «Царь Соломон также сделал корабль в Ецион-Гавере, что при Елафе, на берегу Чермного моря, в земле Идумейской. И послал Хирам (царь Финикийский. — А. В.) на корабле своих подданных корабельщиков, знающих море, с подданными Соломоновыми; и отправились они в Офир, и взяли золота чотыреста двадцать талантов (около 19 тонн. — А. В.), и привезли царю Соломону. Вдобавок к этому корабли Хирама, доставившие из Офира золото, привезли также много эбенового дерева и драгоценных камней... Ибо у царя был на море Фарсисский корабль с кораблем Хиравовым; в три года раз приходил Фарсисский корабль, привозивший золото, и серебро, и слоновую кость, и обезьян, и павлинов».

В 1564 году Педро де Аэдо обратился к испанскому наместнику в Перу с настоятельной просьбой предоставить ему полагающуюся в таких случаях лицензию: он хочет снарядить экспедицию, дабы открыть в Южном море острова, которые в просторечии именуют Соломоновыми.

Ответа не последовало.

Двумя годами позже тоже купец, тоже испанец, на сей раз Диего де Агуэра, написал аналогичное прошение.

Последовал отказ.

А идея-то носилась в воздухе! И отмахнуться от нее было не так-то просто. Тем более что в перуанских портах из уст в уста передавали рассказы еще об одном плавании — о плавании, совершенном в инкские времена. Утверждали, что в пятидесятых годах XV века правитель Тупака-Юпанки построил несчетное число балсовых плотов и, посадив на них не то 15, не то 20 тысяч воинов и моряков, отправился далеко в океан.

Хорошо знакомый с инкскими легендами испанский мореплаватель Педро Сармьенто де Гамбоа писал в памятной записке, поданной наместнику Перу Гарсиа де Кастро: «Тупак-Юпанки открыл далеко в океане острова Ачачумби и Ниньячумби, и возвратился оттуда, и привез черных людей, и много золота, и бронзовый трон...»

Сармьенто считал, что острова Ачачумби и Ниньячумби находятся к юго-западу от Кальяо, главного порта Перу, примерно на расстоянии в 600 лиг — две тысячи миль, на 23-м градусе южной широты. Именно это он и постарался втолковать Гарсиа де Кастро. Впрочем, наместник и сам был немало наслышан о странах, лежащих в океане, и о том, что между теми богатыми странами и Мексикой и Перу существовали издавна какие-то связи.

Как и всем испанским пришельцам, ему тоже не дает покоя мысль о золотых россыпях на дальних островах, и он не видит ничего невозможного в том, что там, вдали, за горизонтом, в океане есть еще неведомые европейцам богатые страны. Давно ли о Перу и других, теперь завоеванных испанцами царствах тоже рассказывали всякого рода любопытные истории? Многими ли сведениями первоначально располагали Кортес и Писарро? И разве 30 лет назад Альварес де Сааведра, отправившись далеко в океан, не открыл в Южном море большой остров, который в 1545 году вновь посетил Ортис де Ретес, окрестивший его — поскольку жители, как ему показалось, напоминают жителей Гвинеи — Новой Гвинеей?

В ту пору еще многое было неизвестно европейцам о безбрежном океане, который в 1513 году объявил собственностью испанской короны Васко де Бальбоа.

Но уже был нанесен на все карты бессмертный маршрут Магеллана — Эль-Кано, а острова, названные Магелланом Сан-Ласаро, на одном из которых он погиб в стычке с местными жителями, стали, под именем Филиппин, самым западным испанским плацдармом, сравнительно недалеко от таинственной Японии и вожделенных Молукк. И уже свершил свое прелюбопытнейшее плавание небольшой тридцатипятитонный барк «Сан-Лукас», который, опередив остальные четыре корабля из испанской эскадры Легаспи, бросил якорь на Филиппинах, а затем, направив свой бег на северо-северо-восток, попал примерно на 40 градусов северной широты в сферу действия мощного течения и попутных ветров и в августе 1565 года первым из европейских судов прибыл в Америку с запада. А месяц спустя, в тот же порт Акапулько в Мексике, проделав примерно тот же путь, пришел еще один корабль из той же эскадры. На его борту находился Урданета — мореплаватель и монах, подсказавший своим соотечественникам этот маршрут. (Вероятнее всего, к выводу о том, что севернее Филиппин есть мощное течение, возможно идущее к берегам Северной Америки, Урданета пришел на основании своих бесед на Молукках с малайскими мореходами)

Так или иначе, но теперь испанские мореплаватели знали, как им плыть в Тихом океане с запада на восток. Это был колоссальный успех. И ведь кроме того, Легаспи и Урданета побывали на ранее неизвестных испанцам островах, видели там бородатых и темнокожих островитян, очень дружелюбно встретивших пришельцев.

Де Кастро известно: один из его предшественников, вице-король Педро де Гаска, в 1549 году в своем донесении королю Карлу V, имея в виду южную часть Тихого океана, Южное море, писал: «Похоже, что оно усеяно многочисленными большими островами...»

Подействовали ли доводы Сармьенто, или де Кастро и сам внутренне был готов к тому, чтобы на свой страх и риск снарядить экспедицию, правда, как и полагалось, испросив на то разрешение короля, сказать трудно. Факт остается фактом: он отдает соответствующий приказ. Так в июле 1567 года в Калье начались необходимые приготовления. Все идет довольно успешно, а главное — быстро. Во главе экспедиции Кастро ставит своего племянника. Двадцатидвухлетнему Альваро Менданье де Нейре присваивается звание генерала — в ту пору в испанском флоте это соответствовало званию нашего нынешнего адмирала, адмиралом же называли заместителя командующего эскадрой. А дабы этому несколько молодому генералу было с кем посоветоваться, главным кормчим Кастро назначает старого морского волка, Эрнана Гальего, а сверхштатным кормчим — Педро Сармьенто.

В путь отправятся два корабля. На них 80 моряков, 70 солдат и четверо миссионеров-францисканцев: следовало ведь «позаботиться» и о «заблудших овцах», жителях тех стран, которые предстояло открыть.

В ноябре 1567 года экспедиция выходит в море. Корабли идут нехожеными путями, время от времени меняют курс, из-за этих перемен одна за другой следуют размолвки, а порой и открытые ссоры — то между Сармьенто и Гальего, то между Гальего и Менданьей. Упускают, вследствие очередного изменения курса, возможность выйти прямо к островам Фиджи, но все же на восемьдесят первый день пути впередсмотрящий весело оповещает всех, что видит высокий берег. Пора, давно пора! Пресная вода уже на исходе, сухарей и солонины тоже почти нет.

Не 600 лиг, а по меньшей мере 2 тысячи прошли корабли — одну треть земной окружности.

В своем дневнике Менданья запишет: «Поскольку найденная земля была обширна и высока, мы решили, что, должно быть, это материк. Находилась она в тот момент, когда мы ее приметили, в 15 милях, и весь этот день (7 февраля 1568 года) мы шли к ее берегам».

Увидев корабли, туземцы тотчас на множестве челноков поспешили к ним. Они были вооружены луками и копьями, но настроены мирно и, как писал Менданья, время от времени восклицали: «Табрика! Табрика!» Менданья решил, что, видимо, эти люди спрашивают, где капитан. Когда они снова издали свой клич, он знаками попросил их подойти поближе к кораблю, но они медлили. Тогда Менданья кинул за борт красивый красный колпак. Люди в одном из каноэ подобрали подарок и вручили его своему вождю. Вскоре человек двадцать туземцев, озираясь, поднялись на палубу корабля.

Менданья встретил их приветливо, приказал угостить испанскими яствами, вручил несколько колокольчиков и зеркал. То-то было удовольствия и радости!

...Легкие каноэ индейцев были сооружены на славу и напоминали полумесяц. И эти челноки были так быстросходны, что за час догнали корабль Менданьи, который на всех парусах, подгоняемый свежим ветром, шел в двух милях впереди!

Испанцы высаживаются на берег и пытаются договориться с одним из вождей; им нужно продовольствие. Но пришельцев слишком много. Вождь предпочитает скрыться. И весьма скоро выясняется, что на этом острове (в том, что они открыли довольно большой остров, а не материк, испанцы уже успели убедиться) особенно поживиться нечем. Кокосовые орехи, мучнистые клубни

ямса и тара — вот, собственно, и все. И чуть только отойдешь от берега — дикие, непроходимые джунгли и мириады комаров и москитов.

Таких чащоб испанцы, пожалуй, еще не видели, хотя среди солдат и матросов немало прошедших, что называется, огонь и воду авантюристов, исколесивших и Мексику и Перу. Пожалуй, только спутников испанца Орельяны, открывшего Амазонку, не удивили бы эти девственные леса, перевитые лианами, непролазные и непроходимые. И кроме того, остров горист, гигантские хребты пересекают его в разных направлениях, а в долинах сидят воинственные племена, и между собой эти островитяне постоянно враждуют.

К чужестранцам, проникшим в одно из селений, индейцы — так испанцы называют местных жителей — с самого начала отнеслись настороженно. Когда же испанский отряд попытался захватить в плен бежавшего вождя, они взялись за оружие. И хотя потом отношения немного наладились, беспокойно чувствуют себя здесь пришельцы и никак не удается им проникнуть внутрь острова.

...Неподалеку, как утверждают местные жители, есть еще острова. Может быть, там испанцам повезет больше?

По приказу Менданы матросы строят небольшой разведывательный корабль — бергантин. В начале апреля он отправляется в путь. Сведения, которые он доставляет месяц спустя, вроде бы вполне утешительны: есть все основания считать, что экспедиция подошла к какому-то архипелагу. Во всяком случае, бергантин разыскал еще один большой остров. Ему также, как и первому, нареченному Санта-Исабель, дают испанское название — Гуадалканал, в честь одного из андалуз-

ских городов. И поскольку на острове Санта-Исабел отношения с местными жителями продолжают оставаться напряженными (испанцы в ряде случаев прибегли к огнестрельному оружию, а это отнюдь не способствует умиротворению), Менданья принимает решение покинуть до лучших времен остров и перейти на Гуадалканал.

Беда, однако, заключалась в том, что, перебравшись на Гуадалканал, испанцы, образно говоря, попали из огня в полымя.

«Земля, — писал впоследствии о Гуадалканале Педро Сармьенто, — привлекательна с виду, довольно высока, густо населена, и пищи здесь вдоволь».

В том-то и дело, что она была привлекательна только с виду. Климат здесь был, пожалуй, еще похуже, чем на Санта-Исабель. Через три недели из строя выбыло 38 человек: лихорадка, малярия, желудочные заболевания. И снова, как на Санта-Исабель стычки с островитянами. Менданья пытается обуздать своих подчиненных. Какое там! Испанцы сеют смерть. Но и сами при этом несут потери.

Волей-неволей пришлось перебазироваться на следующий остров, Сан-Кристобаль. Здесь оказалось не легче.

А с золотом по-прежнему дела обстояли неважно. Не было золота на островах. Зато было вечное недоедание, были лесные засады, где незваных пришельцев на каждом шагу подстерегали гибель, колючие заросли, перед которыми были бессильны даже солдатские клинки, тучи москитов, гнилостные испарения. Всех или почти всех трепала лихорадка, кожа покрылась незаживающими язвами.

Искать золото? Основать город? Дал бы бог унести в целости ноги! И когда Менданья предложил отправить-

ся дальше, чтобы все-таки разыскать лучшие земли, его поддержал лишь один человек. Против командира выступил даже Гальего.

Корабли повернули обратно.

Они поворачивают обратно, к берегам Нового Света, поднимаются на северо-северо-восток, затем идут — маршрутом Урданеты — прямо на восток. Вновь бескрайние океанские просторы, штормы, и нигде ни одного клочка земли. Не хватает пищи, плохо с питьевой водой, паруса изодраны в клочья. Еле ползут оба судна, и лишь на 162-й день плавания оставшиеся в живых входят в мексиканскую гавань Колиму.

Все хорошо? О, нет. Злоключения продолжаются. Местные власти отказываются помочь отремонтировать корабли. У них, видите ли, нет соответствующих предписаний, а посему они не могут отпустить средства и материалы.

Менданья ведет свою эскадру дальше. Медленно ползут вдоль мексиканских берегов корабли. И когда они входят в гавань Реалехо, в Никарагуа, — снова осечка. В принципе именно здесь должны ремонтироваться суда, которые используются для казенных надобностей. Но начальник порта отказывается это сделать безвозмездно, и Менданье не остается ничего другого, как продать и заложить свое имущество и взять займы солидную сумму у Гальего: до Калья 2 тысячи миль, и корабли надо хоть как-то обновить, иначе они просто не дойдут.

Два месяца спустя суда бросают якорь в Калья. Из 117 человек, прибывших к Колиму, остались только 90. Нет на капитане и Сармьенто. Он порвал с Мен-

даньей и Гальего и высадили в Реалехо. По его мнению, все было сделано не так. Корабли отклонились от курса, которым шел Тупака-Юпанки. И кроме того, утверждает Сармьенто, Менданья не сумел как следует исследовать новооткрытые земли.

Что ж, пожалуй, кое в чем Сармьенто и прав. Да это фактически не отрицает и сам Менданья. Более того. Он-то как раз и считает, что коли ему все-таки удалось дойти до Соломоновых островов (а Менданья твердо верит, что именно так оно и есть!), то, разумеется, нужно продолжать поиски. К тому же, кто знает, быть может, где-то неподалеку находится и загадочный Южный материк, о котором сообщали еще античные авторы и который начиная с 1529 года появляется (хотя его еще никто не видел!) на многих картах — и примерно в тех же южных широтах, где довелось побывать экспедиции. Огромным треугольником — от берегов Новой Гвинеи и до Магелланова пролива и дальше, еще южнее, тянется этот никем еще не открытый материк. Во всяком случае, так считают многие ученые — географы и картографы. И никто еще не знает, кто прав — они ли или же очень немногочисленные их соперники, робко отрицающие существование материка.

А, собственно говоря, почему бы ему и не быть? Разыскал же нежданно-негаданно Колумб огромную твердь, перегоревшую океан! Твердь, о которой никто и не слыхивал. Кстати, открытие Америки тоже началось с открытия островов. И понадобились новые и новые экспедиции, чтобы уяснить: острова — своего рода преддверие к огромной суше, уже успевшей так изрядно обогатить испанскую корону.

...На открытых Менданьей островах отвратительный климат! Там непроходимые чащи! Верно, конечно.

Но разве это хоть в какой-либо степени может свидетельствовать о том, что здесь нет желанного золота? Или драгоценных камней, жемчуга, пряностей?

Менданья не знает, что он, по сути, открыл новый путь — из Перу в Меланезию. Он не знает, что в конце декабря 1567 года всего лишь несколько десятков миль отделяли его корабли от того архипелага, который впоследствии он сам же назовет Маркизским. Он не ведает ничего и об архипелаге Туамоту, который тоже вполне мог бы ему встретиться. Не знает он и того, что на обратном пути, источенные червями, с обветшавшими парусами, поврежденные бесконечными штормами, его корабли с поредевшим экипажем — одни умерли от лихорадки, другие сложили головы в боях с туземцами, третьих сломила цинга — прошли примерно в 200 милях от поистине райских Гавайских островов.

Но что поделаешь! Еще многое было неясно. Еще во многом приходилось действовать наугад. Эпоха крупных и неожиданных географических открытий в полинезийской и меланезийской частях Тихого океана, напомнимшего — это тоже еще выяснится лишь впоследствии — гигантский колокол или огромную перевернутую чашу, едва только начиналась.

Да, всего этого Менданья не знал. Но он не мог не сознавать того, что в силу обстоятельств беспрецедентное плавание оказалось незавершенным, что он вынужден прекратить исследование вновь найденных земель.

Еще по дороге в Перу он решает при первой же возможности продолжить поиск.

А между тем за те 20 месяцев, что Менданья был в пути, утекло немало воды, и не только в том, наиболее

удаленном от европейских и перуанских гаваней уголке Южного моря, где испанский флотоходец открыл цепь новых островов, но и в Перу тоже.

Здесь на смену сеньору Гарсиа де Кастро приходит надменный вельможа, вице-король дон Франсиско де Толедо. И ему, право, нет никакого дела до планов Мендандьи. Мало ли по каким причинам дядюшка послал юнца-племянника в дорогостоящую и в общем неоправдавшую себя экспедицию. Возможно, что это свидетельствует лишь об одном: сделано сие было в ущерб государственным интересам, сеньор де Кастро явно превысил свои полномочия, и, что тоже не исключается, совсем не бескорыстно. В ущерб же государственным интересам потому, что, как считает новый вице-король, незачем отправлять какие-либо экспедиции на поиски новых стран. Незачем, ибо дал бы бог справиться с тем, что уже открыто.

Свое отношение к экспедиции Мендандьи и вообще к попыткам новых открытий Франсиско де Толедо четко и кратко, как это ему и было свойственно, выразит, беседуя с Сармьенто (к тому времени тот успел уже прибыть в Перу и пытался через Мендандью подвигнуть все же вице-короля на новую экспедицию в Южное море): «У нас нет рук, чтобы сохранить то, что имеется здесь, в Индиях, так что бессмысленно посылать людей за две тысячи миль для новых приобретений».

Если уж сам вице-король был такого мнения, то что же удивительного, что и чиновник, который опрашивал Мендандью и его спутников, написал:

«Открытые острова имеют весьма ничтожное значение... ибо в ходе всех открытий не было найдено никаких признаков пряностей, золота и серебра и иных источников дохода, а населяют эти острова голые дикари».

Напрасно пытается Менданья, быть может и сам в это веря, доказывать, что открытые ими земли и есть те, о которых рассказывается в библии, что ему удалось найти золотоносный Офир. Напрасно доказывает, что копи царя Соломона стоят новой экспедиции.

Волшебные земли за горизонтом не интересовали Толедо. И вовсе не потому, что он не понимал, какое, в принципе, значение могло иметь завоевание новых земель в далеких просторах Южного моря. Сделать планомерную эксплуатацию природных и людских богатств Перу основой основ испанской политики в подвластной ему стране, обеспечить главное: максимальное поступление денег в королевскую казну — вот в чем видит свою основную задачу Толедо.

Все, что могло хоть в какой-то степени помешать решению этой задачи, отвлечь, к примеру, людские и денежные резервы, он считал делом нестоящим, в лучшем случае преждевременным.

А уж если Толедо что-нибудь забирал себе в голову, переубедить его, как правило, было немислимо.

Но и Менданья, однако, был человеком настойчивым и упорным. Как показали последующие события, если де Кастро в свое время и порадел двадцатидвухлетнему племяннику, назначив его начальником эскадры, то, право, племянник этого стоил. Менданья вовсе не собирается, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, расстаться со своими планами. Сводятся они вкратце к тому, что открытый им архипелаг следует превратить в цветущую колонию. Для этого надобно отправить туда несколько сот людей: земледельцев, ремесленников, неплохо, если бы хоть часть переселенцев была вместе с женами и детьми. Джунгли необходимо расчистить, освободив место для плантаций. Надо заложить города и

постепенно продвигаться вдоль островов. Мало-мальски освоив открытое, можно будет продолжать плавание. Нет, складывать оружие Менданья не собирается.

...Проходит год, другой, третий. Все по-прежнему. Не действуют ни объяснительные записки, ни попытки склонить на свою сторону местных чиновников. Когда-то они все угодливо исполняли его желания: теперь он для них никто. Им известно, что вице-король не жалуется Менданью и не одобряет его планы. Этого достаточно, вполне достаточно, тем более что состоящий в родстве с самим герцогом Альбой вице-король успел навести немалый страх на своих подчиненных. Они безоговорочно выполняют любые его приказания и знают, что в разговоре с ним можно затрагивать только те темы, которые его интересуют. Да и то разговор, как правило, сводится к тому, что грозный вице-король задает вопросы. Собеседнику в лучшем случае предоставляется право коротко на них ответить.

И Менданья приходит к выводу: если он хочет осуществить свои замыслы, ему следует попытаться уверить в своей правоте короля. Удастся это или нет, покажет будущее, но иного выхода, во всяком случае в ближайшее время, Менданья не видит.

Он прав. Иного выхода действительно нет, хотя поступок сей достаточно опасен. Толедо и так недолюбливает Менданью. «Фантазер и выскочка», — отозвался он однажды об изрядно надоевшем ему неугомонном мореходе.

Обращаясь через голову вице-короля к Филиппу II, Менданья тем самым теперь превращает Толедо в своего открытого и злейшего врага. И мертвую хватку этого могущественного врага Менданья еще почувствует — и весьма, весьма основательно.

Но все это будет потом, а пока — сейчас 1574 год — одержимый своими планами Менданья отправляется в Испанию. Самое любопытное, что Филипп II, на аудиенцию к которому, преодолев все препятствия, все-таки попадает Менданья, не только благосклонно выслушивает его, но и проявляет живейший интерес к его просьбам. Проходит еще какое-то время — и вот уже на руках у Менданья долгожданный королевский указ. Подателю сего указа предписывается заселить открытые им земли испанскими колонистами (вот так-то, интересно, что скажет Толедо!), превратить Соломоновы острова в испанскую военную базу южнее экватора — с тем чтобы, опираясь одновременно на Филиппины, расположенные севернее экватора, Испания могла владычествовать на Тихом океане. В знак королевской милости — если все задуманное осуществится — Менданье будет пожалован титул маркиза и предоставлено право управлять Соломоновыми островами. Пока же ему разрешается набрать в Перу (так дешевле) войска и поселенцев. А вице-королю Перу вменяется в обязанность представить Менданье деньги и корабли.

Казалось бы, все в порядке? Именно так и думает Менданья, когда с королевскими грамотами в кармане, завербовав в Испании нескольких солдат, отправляется в обратный путь.

Первый удар ему был нанесен в Панаме, куда он прибыл в 1577 году.

Панама подчинялась вице-королю Перу, и весьма возможно, что именно от него тамошний правитель получил кое-какие указания. А если и не получил, то, во всяком случае, не сомневался, что неприятностей за не слишком вежливое обхождение с Менданьей у него не будет. Вдобавок у сеньора Лоарте были свои старые счета с

Кастро. Мог ли он пропустить такой отличный случай и не отомстить — если не самому Кастро, то хотя бы его племяннику!

Предлог? А предлоги, если они нужны, всегда находятся. В крайнем случае — уж чему-чему, а этому испанские чиновники и в метрополии, и в Новом Свете обучены прекрасно — недолго, при желании, что-нибудь придумать или спровоцировать.

Все начинается с мелкого, казалось бы, недоразумения. У одного из нанятых Менданьей солдата таможенный чиновник отбирает сумку. В ней, кроме белья, ничего нет, и Менданья требует, чтобы сумка была возвращена. Чиновник отвечает грубостью. Менданья вскипает: будет тут всякая таможенная шушера придирааться и еще дерзить ему, испанскому идальго, флотоводцу, открывателю новых земель. Да как смеет таможенник так с ним разговаривать, как смеет оскорблять людей, которых он, Менданья, нанял для службы по повелению самого короля!

Но у таможенника свои инструкции. Видя, что Менданья, не чуя подвоха, сам идет навстречу его желаниям, тот продолжает вести себя вызывающе. Завязывается ссора. Она заканчивается тем, что Менданью по распоряжению Лоарте запирают в кутузку. Это жалкая глинобитная хижина, в ней кишмя кишат всякие насекомые. И вообще это тюрьма для негров. Менданья чужд расовым предрассудкам. Но оскорбление, нанесенное ему, оглушительно. В кутузку вместе с неграми! Лоарте знал, что злые языки разнесут об этом весть по всему Перу. Но именно этого он и добивается.

Из тюрьмы Менданья в конце концов выходит. Однако и в Перу его ожидает немало неприятностей. Толедо прекрасно искушен в чиновничьем крюкотворстве. И он

знает, что если то или иное дело нельзя по каким-либо причинам похоронить сразу, то это можно сделать, «медленно поспешая». Способов много. Можно вообще засунуть дело куда-нибудь в дальний ящик, можно вежливо обещать, что все будет исполнено, — и не выполнить обещания.

Итак, на вооружение взята тактика оттяжек и проволочек. Нет, Толедо, конечно, не против полученных предписаний. Избави бог! Приказ короля для него, разумеется, закон. Но ведь снарядить подобную экспедицию — дело серьезное. Нужны корабли, припасы, люди. Нужны, прежде всего, средства. А где их взять, если их и так не хватает? Пусть сеньор Менданья немного подождет: вот уж в следующем году наверняка удастся все наладить.

То нет денег, то нет людей, то нет продовольствия... Он выдвигает все новые и новые аргументы, должностные подтверждает, что поступить иначе не в его силах, и фантазия его неистощима. А когда выведенный из себя Менданья где-то на пятом году бесконечных оттяжек вновь, на сей раз письменно, обращается в Мадрид, умоляя, чтобы ему прислали провиант из Испании, то вице-король, который через своих секретных агентов или, быть может, от друзей при мадридском дворе незамедлительно узнает об этом, даже рад представившемуся случаю. Вот теперь-то он поговорит с Менданьей по-иному. Упрямый мечтатель не хочет понять, что все его попытки безнадежны, пока он, Толедо, находится в Перу? Что ж! Зато теперь представляется отличный случай показать ему, что значит власть в руках человека, повелевающего территорией, величиной в несколько Испаний*. Власть в руках наместника, хотя и обязанного

* В вице-королевство, помимо собственно Перу, входили Чили, значительные области нынешней Аргентины, Парагвая, Уругвая, Боливии.

отдавать королю отчет в своих действиях, но наделенного колоссальными правами как в военных и финансовых, так и в судебных делах.

Толедо обвиняет Менданью в клевете и сажает его в тюрьму. Пусть на досуге поразмыслит о том, как вступать в пререкания с начальством и писать жалобы.

Из очередной кутузки Менданью через несколько месяцев выпускают. Но отношения с Толедо испорчены вконец. Не приходит никакого ответа и из Испании: видимо, друзья вице-короля в Совете по делам Индии положили письма под сукно.

Менданья решает вообще исчезнуть с горизонта сиятельного вице-короля.

Прощай, Лима! Сеньор Менданья живет в своем небольшом поместье, он больше не беспокоит всемогущего Толедо. Он вообще никого не беспокоит, этот изрядно утомленный человек, не желающий, однако, расставаться со своей мечтой.

Идут годы, и кое-что меняется.

Прежде всего в самой Испании. Она хотя и кажется еще невиданно мощной и удачливой, эта колоссальная монархия, властвующая чуть ли не в половине Европы, в Новом Свете и во многих других странах земного шара, но на самом деле уже начинает утрачивать свои прежние позиции.

Пока этот необратимый процесс только начинается, и о закате испанской империи начнут говорить позже. Но уже все знают, что испанские войска вынуждены отступать в маленьких и, казалось бы, таких слабых Нидерландах. Ничего не могут поделывать испанцы и с небольшой островной монархией, до чьих берегов так и не сумели добраться тяжелые испанские корветы и

20-тысячный десантный отряд. Неудачной оказалась и попытка покончить с ненавистным соперником одним ударом, с помощью флота и войск, коль это не удалось осуществить с помощью испытанной, увы, давшей осечку попытки заключить брачный союз. Елизавета наотрез отказала Филиппу III!

Конечно, можно было отправить в родовое поместье возглавлявшего Великую Армаду герцога Медину-Сидонию, можно было даже сделать вид, что ничего, собственно, особенного не произошло, просто испанскому флоту немного не повезло: буря, ветры. На самом деле проигран был не бой, не сражение. Была проиграна война. И все с большим успехом продолжает сумевшая отвести сильнейшую опасность Англия наносить урон флоту, казне и престижу Филиппа II.

Правда, считающий себя могущественнейшим в мире монархом (да так это, собственно, и есть, хотя могущество сие далеко не беспредельно), Филипп все так же рассылает свои указания, приказания, установления и статуты, твердо веря в их спасительную силу, король-канцелярист, не желающий ни слышать, ни понимать того, что неладное творится в его государстве. Но бесконечные королевские рескрипты, распоряжения, предписания, до мелочей регламентирующие все и вся, уже давно не могут что-либо изменить.

«Золото Америки погубило Испанию», — скажет впоследствии один из испанских экономистов XVII века. Как ни парадоксально звучат эти слова, по сути они правдивы. Золото, из-за которого были загублены на корню целые цивилизации, осуждены на пожизненное рабство миллионы людей в Перу, Мексике, Венесуэле, Колумбии; золото, в погоне за которым, творя бесчисленные преступления, прошли с мечом и крестом из кон-

да в конец весь Новый Свет все эти Писарро, Кортесы, Бальбоа, Орельяны, Альмагро и прочие захватчики и завоеватели; золото, которое каждый год на десятках судов под военным конвоем привозили из Америки в Испанию, пот и кровь индейцев, доходы от захваченных земель и ограбления населения, этот чудодейственный, неожиданный-негаданный, неслыханный по своим размерам золотоносный дождь, который оказал колоссальное влияние на торговлю, промышленное производство, мореплавание чуть ли не всей Западной Европы, для самой Испании стал истинным бедствием.

И не только потому, что, как отмегил Маркс, «под звон мечей в потоках золота, в зловещем зареве костров инквизиции исчезли испанские вольности», но и потому, что пока рыцари наживы, не щадя ни своей, ни чужой крови, ослепленные видениями сказочной золотоносной страны Эльдорадо, вторгались в инкские и ацтекские города, прорубались сквозь джунгли Амазонки, устраивали повальные грабежи в Чиапасе, на Эспаньоле — везде, где только ступала нога белого пришельца, испанская корона сумела создать целенаправленную, жесткую систему казенных привилегий и соответствующего государственного надзора, выгодного для королевской казны, но чрезвычайно стеснительную для торгового сословия, ремесел, земледелия.

Так и не успев расцвести, клонится в Испании к упадку мануфактурное производство. Земля, за которой осуществляется скверный уход, не дает урожая. Растут государственные долги — ежегодно тратятся доходы пяти будущих лет на бесконечные войны, на подкупы чужеземных князей и кардиналов, на внешнеполитические авантюры и католические заговоры по всей Европе: очень хотелось Филиппу II стать всемирным владыкой и наса-

дять на всех известных к тому времени материках единую и, разумеется, испанскую веру — и катастрофически падает цена звонкого металла.

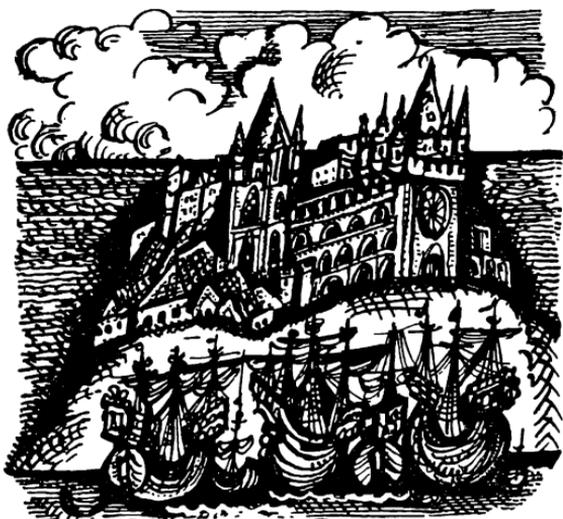
...В своем рабочем кабинете надменный и чопорный Филипп II, чуть приволакивая ногу — мучает подагра, все чаще подходит к большому глобусу. Не возместить ли потери в Европе приобщением к католической вере чернокожих, желтокожих, краснокожих язычников, чьи земли и богатства могут оказаться живительными для его казны?

Кое-какие перемены или, во всяком случае, изменения на авансцене происходят и в Перу: своенравного Толедо, умудрившегося без малого 20 лет просидеть в вице-королевском кресле, сменяет на его посту Мартин Энрикес, затем вице-королем становится маркиз Гарсиа Уртадо де Мендоса.

Столь долго и тщательно маринованный проект, с которым в свое время прибыл из метрополии Менданья, внезапно в глазах нового вице-короля приобретает вес.

Конечно, и тут все идет далеко не так гладко, как хотелось бы Менданье. Это тем обиднее, что он уже далеко не молод.

Но, кажется, наконец-то дело начинает сдвигаться с мертвой точки!

9 ГЛАВА ВТОРАЯ

КИРОС

ород был не очень велик, но древен, отчаянно древен. Некогда здесь обосновались кельты и недаром, видимо, избрали это место: кругом с севера, юга, запада, востока вздымались холмы, на которых удобно бы-

ло в случае вражеского нашествия установить оборону, и словно щитом прикрывали они возникшее тут поселение. Впрочем, это не помешало железным римским легионам взять штурмом город, и сам Юлий Цезарь, не очень-то склонный к напыщенным речам, на сей раз, изменив своему обыкновению, назвал взятый город «Юлианской щедростью». Впрочем, римлянам пришлось отсюда уйти: судьба города была неотделима от судеб Пиренейского полуострова. И точно так же, как кельты в свое время потеснили коренных жителей, иберов и, возможно, и финикийцев, устраивавших торговоперевалочные пункты не только на побережье, римлян сменили пришедшие с востока племена вестготов. А затем здесь появились мавры.

Но и они оказались лишь временными властителями. В XII веке свергла Эвора иго пришельцев. В память о том и сейчас еще возвышается серо-коричневый с зубчатыми стенами и остроконечными башнями один из старейших и красивейших в стране кафедральных соборов, божий храм и одновременно крепость. Его принялись строить в 1186, а освятили лишь в 1250 году.

Долго еще после того, и по праву, считалась Эвора вторым в королевстве городом. Была и королевской резиденцией, вымощенная тяжелым, грубым булыжником, с узкими, порой не разъехаться двум экипажам, улицами, носившими удивительные названия: «Переулок топора», «Улица благородных дев», «Проезд кошек», «Улица маленького дьявола»; с домами, сумрачными и высокими, каменной вечной кладки — здесь жила знать; на окраине домики были поменьше, приземистые, с деревянными аркадами; в центре города располагалась просторная, как и полагалось, центральная площадь. На этой площади по приказу короля Жуана II казнили в конце XV века его лютого врага герцога Браганд-

ского. А несколько десятилетий спустя, когда по всей Португалии принялись преследовать «инакомыслящих», на старой площади слышны были песнопения монахов и стоны их жертв. Со всей округи свозили в инквизиционный суд людей, и многие тысячи из них, к вящей славе Христовой, сожгли в те годы в Эворе.

И это здесь, в Эворе, некогда, в школьные годы, учился Васко да Гама, который первым из европейцев провел свои корабли в Индию и тем самым открыл новую главу в истории колониальных завоеваний Португалии.

От Эворы недалек путь к небольшому городку Синиш с его крытыми красной черепицей, окрашенными в розовый и желтый, зеленый, оранжевый цвета домиками. В Синише родился да Гама, и здесь испокон веков чуть ли не все, от мала до велика, были рыбаками и мореходами. Впрочем, до Лиссабона было еще ближе, миль 50 по прямой.

К шестидесятым годам XVI века он давно уже стал центром огромной империи, начало которой было положено еще во времена завоевания — в 1415 году — Сеты, крепости на африканском берегу Гибралтарского пролива. С той поры неприметная, расположенная на задворках Европы Португалия успела превратиться в одну из крупнейших в мире морских держав. Ее трехмачтовые каравеллы, легкие, быстрые, ведомые опытными кормчими, уверенно шли по проложенным Диасом, Кабралом, Васко да Гамой дорогам к захваченным опорным пунктам и землям в Африке, Индии, Индокитае, Бразилии. Шли за пряностями, за шелками, за золотом, за драгоценными камнями. И разбойничьи эти пути были не менее кровавыми, чем те, которые проложили испанские конкистадоры.

Твердо известно одно: Педро Кирос родился в 1565 году в Эворе. Новые моря, берега далеких островов, дальние походы в те времена манили с детских лет многих. Удивительно ли, что и босоногий мальчишка из Эворы, даже не видя моря, успел увлечься бескрайними просторами и дальними землями; быть может, не все еще открыто, быть может, и на его долю остались нехоженые пути и неведомые земли.

К сожалению, до сих пор не обнаружено никаких документов, которые дали бы возможность установить, кто были родители Педро Кироса, где жил он в Эворе, где учился, когда оттуда уехал. Во всяком случае, поместья у родителей Кироса не было, не принадлежали они, очевидно, и к чиновной знати. И вообще, очень похоже, что то ли лишился их Педро еще в юности, то ли, рано покинув семью, привык надеяться только на свои силы и не вспоминал о годах, проведенных в отчем доме.

Повторяю, здесь — область догадок, не подкрепленная никакими точными данными. Ясно одно: мальчик рос любознательным и способным и, несомненно, посещал школу, ибо грамоте и счету был обучен хорошо.

Не исключено, что посещал он ту же школу, что и Васко да Гама, хотя настаивать на такой версии трудно: да Гама был из знатной и богатой семьи и скорее всего учился в привилегированной школе.

...Педро бродил по тем же улицам, что и за три четверти века до него да Гама, и вряд ли что-либо с той поры основательно изменилось в облике Эворы. Разве что несколько более заштатным выглядела она после того, как лет сорок с лишним перестал наведываться сюда королевский двор. Город жил чинной, обыденной жизнью, и все большее число его граждан связывало

свою судьбу с далекими морями и землями; запах корицы, от которого, как писал один хронист, обезлюдело королевство, чувствовался и в Эворе.

Мираж? Вероятно, так. Но море все сильнее вторгалось в жизнь и деяния португальцев. И Педро был далеко не единственным из своих сограждан, кто в поисках счастья отправился в Лиссабон. Было ему тогда лет 12—15.

И снова мы не знаем, как это было. Поехал ли он туда сам по себе или там были у него родственники, а быть может, туда перебралась вся семья?

Великий поэт Камоэнс написал о Лиссабоне: «Ты, благородный Лиссабон, вознесся над многими другими городами». Оставим на совести поэта эпитет «благородный». По отношению к Лиссабону с его сокровищницами, полными награбленного в Африке золота, с его бесконечными складами, ломившимися от скупленных за бесценок заморских товаров — гвоздики, мускатных орехов, перца, камфоры, шелка, хлопчатобумажных тканей, кардамона, сандалового дерева, что потом (и за какие проценты!) перепродавались в Нидерланды, Англию, Италию эпитет «благородный» звучал в лучшем случае иронически. Но то, что Лиссабон к тому времени вознесся над многими другими городами, не только в Португалии, бесспорно. Он действительно вздулся, словно на дрожжах, раздался вширь, город богатых дворян и купцов, а за старой городской стеной выросли новые кварталы пышных домов.

Как и любой портовый город мира, Лиссабон тоже делился на две части: Верхний город (он и впрямь был верхним, расположенным на склонах самого большого из здешних холмов, с Кастелью, древней цитаделью, за-

ложенной еще во времена императора Августа) и Нижний.

В Нижнем городе тянулись (отстроены после прибытия побывавших в Индии флотилий) бесконечные депо для хранения восточных пряностей, и гудел словно улей огромный рыбный рынок. А чуть повыше располагались арсеналы и королевские товарные склады. Там снаряжались отправляемые в дальний поход плоскодонные суда с высокой прямоугольной кормой и таким высоким носом, что бушприт, наклонный или горизонтальный брус на носу судна с резным изображением того или иного святого-охранителя, мог служить, а порой и служил четвертой мачтой для четырехугольного переднего паруса. Каждый из отправлявшихся в дальние странствия кораблей имел на борту по полдюжине якорей и минимум дюжину тяжелых кованых пушек и бомбард. С помощью оружия привыкли разговаривать в дальних странах капитаны и команды кораблей.

В Нижнем городе располагались и доки, находились многочисленные мастерские гончаров, ювелиров и других ремесленников, на каждом шагу встречались лавочки, торговавшие всевозможной снедью, одеждой, оружием и, конечно, таверны и кабаки — утеха пришлых и своих собственных моряков. Венецианцы, генуэзцы, флорентийцы, фламандцы, испанцы, англичане — кого только нельзя было увидеть на узких, кривых, грязных улицах портовой части Лиссабона.

...Прямо на мостовой предлагали свои товары лоточники: жареную рыбу, оливковое масло, овощи; расхаживали булочники с большими плоскими корзинами на голове; в жаровнях жарились каштаны; там и сям хлопали крыльями и гоготали выставленные на продажу в клетках гуси, куры, индейки. Вонь стояла непереносимая, в отбросах и кучах мусора рылись одичавшие со-

баки и кошки, на папертях многочисленных церквей зывали к милосердию увечные и грязные, в рваных рубищах нищие — среди них немало бывших солдат, бедняков, посланных в заморские страны и там потерявших здоровье; были и бесстыдно обобранные, брошенные на произвол судьбы люди, доведенные до сумы в самой Португалии.

В Верхнем городе все было тише, пристойнее. Тут стояли виллы состоятельных и знатных горожан, окрашенные в традиционные яркие цвета, крытые цветной черепицей, окруженные садами. Стояли принадлежавшие сильным мира сего дворцы, и самый большой из них, в мавританском стиле, с узкими стрельчатыми башнями и высокими крышами — дворец короля.

Один из злейших недругов Кироса, старательно выискивавший в его биографии «компрометирующие» факты и не жалевший при этом черной краски, много лет спустя желчно напишет о том, что юноша в бытность свою в Лиссабоне проводил время в основном на Rua Nova, тесной и шумной улице в Нижнем городе, возле порта. Улица и впрямь пользовалась довольно скандальной известностью. Но зато тут можно было встретить только что вернувшихся из дальних странствий моряков, загорелых, пропахших морем и солью, видевших такие чудеса, о которых никто, кроме них, и понятия не имел.

...Он подсаживался к этим отчаянным парням, и, словно наяву, перед ним возникали гордые корабли, бесстрашно идущие сквозь бури и штормы, дальние бухты, окаймленные буйной и сочной зеленью. Черные люди с блестящими глазами, вооруженные луками и копьями, шагали по им одним ведомым тропинкам, ведя за собой моряков к спасительным ручьям, сочные, невиданные фрукты гроздьями свисали над головой.

Впрочем, отнюдь не всегда все было так идиллически мирно. Нередко корабли, подождав, пока туземные каное подойдут на расстояние выстрела, открывали огонь из бомбард. Случалось, бородастые пришельцы сносили с лица земли целые деревни. И плавания вовсе не всегда были легкими. Море есть море, с ним шутки плохи. Далеко не каждый был способен переносить тяготы штормов и штилей, нехватку продуктов, смертоносный зачастую климат. Немало молодых людей, отправившихся в дальние страны, гибли в сражениях с островитянами, умирали от цинги, становились жертвами жестокости и вероломства своих собственных командиров. На неизвестных берегах затеряны были их могилы, а то и прямо в море сбрасывали умерших в саванах из парусины или мешковины, с грузом на ногах, как и полагалось по морскому обычаю.

Среди завсегдатаев Rua Nova было немало и настоящих преступников. Но были и настоящие моряки, смелые, ловкие, сноровистые, любившие и хорошо знавшие свое нелегкое ремесло.

Кирос слушал их пересыпанные солеными словечками, хмельные рассказы и запоминал то, что ему было важно и нужно. Иногда он переспрашивал, и тогда собеседник прямо на залитом вином столе чертил схему похода или объяснял любознательному юнцу, какой должна быть оснастка, как ловчее всего крепить к борту сосуда с водой или заделывать грозную течь. Что ни говори, тут порой попадались великие мастера своего дела, от дедов и отцов унаследовавшие немало секретов мореходного искусства.

Настал такой день, когда Педро и сам оказался на борту корабля. Он писарь. И в его обязанности входит аккуратно вести приходо-расходную книгу (это доверя-

лось далеко не каждому), а также хранить ключи от кассы и сейфа. Но по прошествии какого-то времени он становится суперкарго, и простые матросы, как и полагается, обращаясь к нему, говорят теперь «сеньор» и «ваша милость». Занимается его милость тем, что тщательнейшим образом следит за разгрузкой и погрузкой корабля, следит за тем, чтобы провиант был в достатке, а люди досыта накормлены, следит за поступлением денег и за тем, как они тратятся, и еще за многим другим. Ибо суперкарго — это и торговый агент, и бухгалтер, и эконо́м, и кассир. А прежде всего — доверенное и ответственное лицо, весьма необходимое на торговых кораблях.

Сколько времени проплавал Кирос в должности суперкарго, какие страны посетил — мы не знаем. Поскольку, однако, главные грузовые потоки из Португалии шли в Антверпен и Плимут, а в саму Португалию товары в основном поступали из Африки, Индии, Явы, Суматры и Камбоджи, то не исключено, что он ходил этими ставшими уже традиционными маршрутами. Весьма возможно, что он успел побывать и в гаванях Нового Света. Очень уж он неплохо и не понаслышке знал, как выяснится впоследствии, некоторые эти гавани.

Сметливый юноша умудряется, как он об этом потом сам расскажет, постоянно читать, пусть урывками — ведь так интересно рассказывалось в книгах о дальних и близких временах и людских судьбах, об открытиях и путешествиях, о тайнах природы и тайнах жизни. Но одновременно он присматривается к действиям рулевых, ведет беседы с капитанами, учится водить судно по компасу и карте, не чурается никакой работы.

И наступает такой день, когда Педро поручают прокладывать курс корабля.

Вероятно, примерно к этому времени Кирос переходит служить в испанский флот.

Нет, он не делает это тайно, как, скажем, в свое время Магеллан. Нужды в этом не было. Все обстояло проще.

Обстоятельства сложились так, что в 1578 году, когда Киросу едва исполнилось 13 лет, португальский король Себастьян решил завоевать Мавританское государство в Африке. Смысл похода был прост — захватить новые богатые земли на побережье Африки. Но поелику их населяли «неверные», язычники — мусульмане, то официально речь шла о «славе господиней». Идеи крестовых походов еще находили в эту пору своих сторонников. Себастьян получил благословение духовенства (еще бы, такая затея вполне устраивала португальских епископов), собрал под свои знамена отборное 15-тысячное войско, благополучно переправился в Африку, и вот тут-то удача покинула его. Мавры заманили португальцев в ловушку и за один день уничтожили 10 тысяч новоявленных крестоносцев. Король пропал без вести, вероятнее всего, был убит.

После такого разгрома пришлось отказаться от завоевания Мавритании. Но неудавшийся поход повлек за собой еще одну, совсем непредвиденную заботу. Вдруг выяснилось, что под угрозой находится самостоятельность самой Португалии! Детей у Себастьяна не было, братьев и сестер тоже. И престол занял его дядя, кардинал Энрике, старый, больной и тоже бездетный — как известно, служители католической церкви давали обет безбрачия. С его смертью оборвалась династия. А одним из главных претендентов на португальскую корону, наиболее могущественным и опасным, становился не кто иной, как Филипп II Испанский.

Уж он-то прекрасно понимал, какое богатство можно было прибрать к рукам, получив португальскую корону. Правда, в самой-то Португалии дела обстояли ненамного лучше, чем в Испании. Она тоже превратилась в своего рода транзитный рынок для иностранных купцов. Но Португалии принадлежали обширнейшие колонии, и заполнить их было весьма и весьма заманчиво.

Прежде всего по испытанной методе пустили в ход деньги. И к тому времени, когда испанские войска, тотчас после смерти Энрике, вторглись — безо всякого предупреждения — в Португалию (35 тысяч отборных, закаленных в боях солдат и офицеров, прошедших боевую выучку на полях чуть ли не всей Европы, против не более чем 10 тысяч деморализованных и значительно уступавших им в вооружении и боеспособности португальцев), вопрос был, собственно, предрешен. Крепости, чьих командиров подкупили агенты Филиппа II, сдались без боя, и в сентябре 1581 года испанские войска вошли в Лиссабон.

Теперь всем Иберийским полуостровом владел один хозяин. Соединенное королевство именовалось «Испания и Португалия», и услужливые историки доказывали, что все свершилось должным образом: ведь Филипп II — это всем известно — приходится внуком Мануэлю Португальскому.

Разумеется, Португалии была предоставлена «автономия»: Филипп II был достаточно осторожен, чтобы не восстанавливать против себя португальскую знать прямым вмешательством в ее доходы и дела. Разумеется, на всех приемах торжественно провозглашались здравицы за воссоединение (наконец-то!) в едином государстве братских народов, и сам король дал торжественное обещание печься о благе новых подданных.

Таковым «новым подданным» оказался и Педро Кирос. Но о том, что он по рождению, по крови не испанец, а португалец, ему будут напоминать всю жизнь.

Итак, Педру Кейрош, или на испанский лад — Педро Кирос, португалец, человек еще молодой, сведущий в мореходстве, имеющий диплом португальского кормчего и, следовательно, полную возможность служить сколько ему угодно на португальских кораблях, вдруг совершает весьма важный для себя шаг: отправляется в Испанию.

И сразу возникает вопрос: зачем? Вряд ли так уж плохо было ему в родной стране. Все-таки он сумел добиться многого: кормчий — должность уважаемая и интересная, и, наверное, если бы речь шла только о карьере как таковой, Кирос мог быть более или менее спокоен за свое будущее. Так же как и многие другие, сумел бы он, если б пожелал, пуститься в предпринимательство и спекуляции.

Но нет, не прельщала Педро карьера спекулянта и скоробогача, другого закала был человек. Это исключалось. И судя по его поступкам, исключалась вообще португальская сфера плаваний. На это, очевидно, были немаловажные резоны. Если взять в расчет последующие события, есть все основания предполагать, что у молодого моряка была действительно весьма и весьма основательная причина перебраться из Лиссабона в Севилью. Во всяком случае, ничуть не меньшая, чем в свое время у Колумба или Магеллана.

Справедливости ради следует заметить, что у обоих прославленных исследователей не было другого выхода, поскольку их планы, как известно, не получили поддержки в Португалии. Но и Киросу не приходилось рас-

считывать на осуществление своей идеи, если он останется в Португалии. Не только потому, что в этом «автономном» государстве ничто в конечном итоге не решалось без соответствующей санкции испанского монарха. Но и потому, что его замыслы непосредственно относились к компетенции Испании. Ибо то, что интересует Кироса, на многих глобусах и атласах его времени носит название: Terra Australia incognita — Неизвестная Южная земля.

Свое начало она — так ее обычно изображают картографы того времени — берет где-то в районе Новой Гвинеи (что собой представляет эта самая Новая Гвинея, тоже еще не ясно: самостоятельный ли остров или оконечность Южной земли) и, расширяясь, тянется через южные широты Южного моря к Магелланову проливу.

Отправиться на поиски Неизвестной Южной земли можно было только из Перу — при соответствующем разрешении, конечно.

Все было, однако, непросто. Помимо всего прочего, тот, кто хотел служить на судах испанского королевского флота, подвергался строгому экзамену в так называемой Торговой палате, которая еще со времен Америго Веспуччи была одновременно и своего рода навигационной школой и школой картографов. Ни один корабль не мог выйти без ее ведома из Севильи, главной испанской гавани, и никто не вправе был ступить на палубу корабля, идущего в Новый Свет без ее разрешения. Что уж там говорить о тех, кто вел корабли, о кормчих, которым доверялись секреты атлантической службы. От них требовали не только знания географии, космографии, морского дела, правил кораблевождения, но в довершение всего еще и доскональнейшего знания

маршрутов, по которым шли корабли в Новый Свет и обратно.

Кроме того: в испанские владения в Америке допускали только тех, кто мог доказать, что в числе их родственников и предков нет иудеев и мавров. Не разрешался въезд и новообращенным — тем, кто, отрекшись от веры отцов, перешел в католичество.

С этой стороны Киросу как будто не угрожали неприятности. Но вот экзамен, несмотря на то, что у него был диплом португальского кормчего, ему держать пришлось. Экзамен проводила целая комиссия во главе с главным кормчим испанского флота. В нее входили космографы, служившие в палате, и пять-шесть опытных кормчих. Как потом вспоминал Кирос, это было нелегкое испытание. Дотошно и строго проверяли кормчих в Торговой палате. Вдобавок следовало иметь еще и определенный стаж плаваний.

...И вот наконец получен еще один диплом. Официальные преграды позади. Кирос отправляется в Перу. К сожалению, мы не знаем точно, когда это было. Известно лишь, что в 1590 году у него родился сын. Жена Кироса, донья Анна Чако́н де Миранда, родом из Мадрида, была чистокровной испанкой, дочерью лиценциата Хуана Коведо де Миранда.

Взял ли Кирос с собой семью сразу, приехала ли она потом? Увы, и о семейной его жизни мы осведомлены очень плохо.

Небыстро совершались путешествия через Атлантику в те времена. В одиночку суда не пересекали океан: в гвинейских и антильских морях разбойничали пираты, и давно уж корабли из Севильи, равно как и в Севилью, ходили большими эскадрами, 30—40 торговых судов и не меньше десятка конвойных, военных. Снарядить

такую флотилию было задачей хлопотливой. По три-четыре месяца длились приготовления, да и через океан шли не слишком ходко. Порой приходилось неделями стоять у Канарских островов или у Малых Антильских, пережидая бури. И штиты тоже частенько задерживали флотилии.

В Карибском море корабли обычно расходились: те, которым надобно было попасть в Мексику, поворачивали на северо-запад, к Гаване и Вера-Крусу. Остальные направлялись в гавань на Панамском перешейке, носившей звучное имя Гавани Господнего имени. Дальше начинался переход посуху, дорогой, проложенной конкистадорами вдоль тихоокеанского берега — в Перу.

Расположенная на западе вновь открытого материка, омываемая водами безбрежного Тихого океана, эта страна была одним из основных плацдармов, захваченных испанцами в Новом Свете.

В своем большинстве завоеватели населяли города. Что же касается коренных жителей — индейцев, те в основном жили в деревнях и умирали там же. Умирали раньше времени от голода, побоев, изнурительного, непосильного труда; их буквально сжигали со света, не зная никакого удержу в своей алчности, бесчисленные большие и малые новоявленные «господа», владельцы земельных угодий, «хозяева» копий, торговцы, чиновники.

«...Так уж повелось, что сюда попадают ненавистники всякого рода, люди надменные, много о себе мясущие, и они только и думают, как бы побыстрее нажить деньгу», — отметил в своем дневнике один из их современников.

«Городом волхвов» нарек новую столицу Перу основавший ее 6 января 1535 года, в день «Святого крещения и трех волхвов», Франсиско Писарро. Ему хотелось, чтобы она находилась на побережье, но в то же время и не вполне на берегу моря. Такое место на плоской и унылой прибрежной равнине удалось разыскать в долине небольшой реки Римак. Чуть смягченное на испанский лад наименование это стало вторым, более прозаическим названием города. Лимой именовали его, и был он расположен в восьми милях от моря, морскими воротами Лимы был бойкий порт Кальяо.

Настанет еще время, когда в середине XVII века каменщики и архитекторы, прибывшие из Испании, в первую очередь из Андалузии, окончательно придадут Лиме ее характерный испано-мавританский облик.

Пока же каменных домов в городе было немного. В основном же их возводили из адобы — кирпичиков, смешанных с соломой и овечьим пометом, а потом высушенных на солнце. Эти постройки белили, украшали верандами, резными деревянными балконами, и, право, они со своими дверьми-порталами почти не отличались от обычных испанских домов, даже решетки на окнах были. Разумеется, немало насчитывалось в Лиме простых, без всяких затей глинобитных хижин.

Город был велик. В Новом Свете он уступал по величине лишь Мехико и, пожалуй, превосходил его в ту пору по значению. Он был просторным, все улицы его не чета извилистым и узким улочкам Эворы, да и Лиссабона и Севильи, были прямыми как стрела. С завидным постоянством и через строго определенные промежутки их пересекали под прямым углом переулки. Помимо широкой Пласа Майор, главной площади, с ее традиционным собором (здесь, в столице, он был особенно велик, хотя сложен не из камня, а из не-

обожженного кирпича), с домом архиепископа и зданием Аудиенсии, верховной канцелярии, в Лиме насчитывалось еще 32 других площади — в основном перед церквями, которых уже успели построить множество.

...От Мексики до Чили — везде поселения сооружались по одному и тому же плану: квадраты кварталов, просторная главная площадь, на ней друг против друга собор и дворец управителя, в городах поменьше — церковь и дом местного главы власти. И даже пригороды походили друг на друга: в сырых и грязных глинобитных хижинах, в землянках жили здесь коренные обитатели страны.

Знал ли Кирос о злоключениях Менданья, о том, что после 23-летнего перерыва, происшедшего отнюдь не по вине мореплавателя, тот теперь вновь собирается в Южное море? Весьма вероятно. И уж наверное не мог не знать о его первом путешествии. Шутка ли сказать: единственная, да к тому же относительно недавняя экспедиция, отправившаяся в южные широты Тихого океана и увенчавшаяся успехом — после путешествия Магеллана и последовавшего за ним Лоайсы, который Магеллановым же маршрутом пришел к Молуккским островам.

На Молуккские острова и на Филиппины испанцы ходили теперь из мексиканской гавани Акапулько, возвращались еще севернее, а Южное море по-прежнему оставалось таинственным и малоизученным.

...А может быть, Кирос и в Перу-то отправился, прослышав о том, что Менданья продолжает добиваться исполнения своей мечты?

Шумит под полуденным солнцем южный город. Кого только ни увидишь на его улицах: солдат в потертых

кожаных куртках, опоясанных яркими перевязями; индейцев, боязливо крадущихся вдоль стен; матросов, успевших уже с утра обойти близлежащие кабаки; важных чиновников колониальной администрации, едущих в красных возках в свои учреждения; монахов, одетых в черное. Один за другим тянутся караваны: ламы, мягко переставляя лапы, бредут мимо облицованных мрамором особняков и глинобитных хижин, мимо колодцев и беседок, лавок и питейных заведений, кафедрального собора и бесчисленных часовен; безропотно доставляют они золото и серебро, пряности, ткани, фрукты, все, чем богата страна, ее горы, ее народ.

...Двое мужчин сидят в высоком прохладном кабинете. Перед ними на столе квадрант, циркули, навигационные таблицы, пергаментные свитки, книги. И большая морская карта *map del Sur*, Южного моря, с нанесенным на ней маршрутом к отысканным Менданьей в дальних даях островам. Эти двое склонились над картой.

Один из них, естественно, возглавит экспедицию. Другой станет ее главным кормчим.

Кое-кто не забудет попенять Менданье на его выбор: не кажется ли сеньору, что Кирос молод? Что есть люди более опытные, чем он? Но Менданья твердо стоит на своем, он имел возможность убедиться в незаурядных познаниях молодого кормчего, в широте его замыслов, в бескорыстной преданности делу. И непрощенные советчики уходят ни с чем.

...Пройдет, однако, еще немало времени, прежде чем флотилия Менданьи наконец-то ляжет на желанный курс.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В ПУТЬ

так, 9 апреля 1595 года! Окончены последние приготовления, позади предотъездная шумиха. Из Кальяо, гавани Лимы, выходят четыре корабля. И уже с самого начала начинается непредвиденное. В гавани

Череппе, севернее Кальяо, куда корабли заходят, чтобы взять на борт несколько семей будущих переселенцев, завербованных в долинах Трухильо и Сенья, моряки альмиранты (так по традиции именуется судно, на котором находится адмирал — по-испански альмиранте, — заместитель командующего флотилией) видят крепкий, хороший галеот, груженный мукой и сахаром. Несколько офицеров во главе с адмиралом (им известно, что Менданья даны права приобрести в случае необходимости для своей экспедиции, за плату, конечно, любое подходящее судно) решают завладеть кораблем. Но просто так этого не сделаешь. Не согласится Менданья, поднимут шум владельцы галеота. С какой стати им отдавать судно? И в ход идет хитрость. Заговорщики устраивают на своем корабле течь и докладывают Менданье, что нужно, пока не поздно, обменять альмиранту (поди поплыви на ней, коли она с самого начала того и гляди затонет) на этот корабль.

Менданья не очень хочет совершать этот обмен, но течь серьезная, офицеры настаивают, и он вынужден согласиться. Стоимость приобретенного таким образом судна на шесть с половиной тысяч серебряных песо больше, чем альмиранты. Владельцы судна вынуждены подчиниться вице-королевскому предписанию и согласиться на обмен. Но один из них в сердцах заявляет: будь по-вашему. Но пусть бог проклянет это судно.

Бывший владелец — лицо духовное. И матросам, да и офицерам, даже тем, кто участвовал в проделке, подобные речи не очень нравятся. Дело, однако, сделано. Пора в путь — и так произошла непредвиденная задержка.

Нет, еще не все. Уже появляются первые признаки будущих разногласий. Пока они весьма приглушенны, но тем не менее ясно: Педро Манрике, командир взя-

того на борт отряда пехоты, — человек неуживчивый, властный, самоуверенный. К тому же он груб, бранчив, задирист. И — корабли еще не отошли от берегов Перу — успел перессориться со многими, в том числе с Менданьей и Киросом.

Если называть вещи своими именами, то все это — и история с обменом, и трения с Манрике — результат плохой подготовки экспедиции. Не очень хорошо были подобраны корабли, и первоначальная альмиранта действительно была плохим судном. Затянули с набором команд, хотя и по не зависящим ни от кого обстоятельствам — мало было хороших и опытных моряков.

Споры вызвал и маршрут кораблей. Менданья настаивал на том, что нужно идти прямо к Соломоновым островам и уже оттуда вести дальнейший поиск. Кирос же, хотя и был согласен с таким планом, не прочь был пройти к открытым Менданьей островам более южным маршрутом: хотелось разведать, нельзя ли таким путем достичь берегов Южного материка.

Смущало и то, что с самого начала экспедиция приобрела характер своего рода семейного предприятия многочисленного, после недавней женитьбы Менданьи, клана его родственников. Меньше всего этих родственников интересовали исследования и открытия. Они думали об одном: как бы поскорее добраться до «своих» островов. Менданья далеко не всегда мог, да и не хотел, вероятно, противостоять натиску родичей. А помимо всего прочего, не прошли для него бесследно тяжелые годы вечного ожидания: немолод был человек, не очень здоров. И, очевидно, внутренне опасаясь, как бы в силу каких-либо непредвиденных обстоятельств, от него не зависящих, вновь не отменили или не отсрочили экспедицию, на многое Менданья смотрел сквозь пальцы.

И вот эта нервная обстановка, это отсутствие крепкой руки дало себя знать с самого начала. Даже запастись достаточным количеством воды и продовольствия в Кальяо не сумели.

Кирос был меньше всего повинен в конфликте с Манрике, да и возник этот конфликт в известной степени как следствие нечеткого разграничения обязанностей между моряками и солдатами. Надо сказать, что и те и другие оставляли желать много лучшего. Немало всякого портового сброда оказалось на кораблях, и с некоторыми пришлось тут же расстаться.

Из Череппе — несколько матросов были задержаны властями по обвинению в мародерстве — корабли ушли, так и не успев набрать воды. Ее взяли в другом месте, в гавани Пайта, на севере Перу.

Все? Теперь, кажется, все. И 16 июня 1595 года эскадра выходит в открытое море. Курс — на запад.

На флагманском судне, как полагается, развеивается королевский штандарт. Гремят барабаны, режут трубы. Затем следует общая молитва: да ниспошлет господь бог счастливое плавание.

Четыре небольших корабля — словно скорлупки в океанском просторе. По обычаю два из них носят мужские имена и два — женские. Впереди — «Сан-Херонимо», капитана, флагманский корабль. На нем — Менданья, его юная (увы, слишком юная) супруга — ей всего 20 с небольшим лет, донья Исабель де Баррето, ее сестра Марианна, которая незадолго до этого вышла замуж за Лопе де Вегу, адмирала эскадры, и три брата Баррето — Лоренсо, Луис и Диего (не сумел Менданья устоять перед уговорами своей многочисленной родни. Таким образом, на кораблях оказалась целая

группа лиц, поставленных или точнее поставивших себя в привилегированное положение, а это еще даст свои результаты). Здесь же, на флагмане, Кирос, а также главный викарий экспедиции.

Второй корабль, тот самый, что был захвачен в Черепе, — альмиранта «Санта-Исабель». Капитан — Лопе де Вега.

За ним следует галеот «Сан-Фелипе» под командованием Фелипе Корсо и фрегат «Санта-Каталина»; небольшой и верткий, он свободно проходит там, где это не удается другим кораблям, и может заходить в реки и бухты.

Четыре судна — всего в общей сложности 378 человек, среди них по меньшей мере 30 женщин с детьми. У одной их семеро. Другая взяла с собою четырех. Есть на кораблях и незамужние, и вдовы, которые надеются найти свое счастье. И многие действительно его находят: 15 свадеб будет отпраздновано за время пути.

Сейчас это кажется странным: на судах, отправляющихся в немыслимую даль, в труднейшую экспедицию, — и вдруг женщины! Но так оно и было, и не последнюю роль здесь играло то обстоятельство, что речь, между прочим, шла об основании новых колоний. Это во-первых. А во-вторых, наши представления о той или иной эпохе всегда нуждаются в каких-то коррективах. В данном случае это и есть тот необходимый корректив к нашим стандартным представлениям об эпохе конкисты: женщины довольно часто наравне с мужчинами отправлялись в дальние страны, делили с мужчинами все опасности похода — испанки, мулатки, индианки, негритянки.

Каравеллы идут на запад. И пока перед ними расстилаются лишь волны и море, воспользуемся случаем и

расскажем о том, как были снаряжены корабли Менданы.

Под палубой — в ту пору и понятия еще не имели о холодильниках — в бочках, бадьях и глиняных кувшинах хранился провиант. Прежде всего железный рацион, в который входят продукты первой необходимости: сухари, оливковое масло — последнее и поныне в чести у испанцев. И конечно, пресная вода, которая ценится на вес золота.

Это основа основ.

Кроме того, есть фасоль, чечевица, сыр, солонина, сардины, мука, рис, вяленая рыба, мед. Входили в рацион изюм, фиги и, уж конечно, лук, чеснок, уксус, соль. Везли моряки и несколько коров и коз. В приспособленных под свинарники помещениях хрюкали откормленные свиньи, там и сям кудахтали куры, блеяли овцы.

Не позабытыми оказались различные семена: редиски, капусты, маиса, клубни сладкого картофеля. Часть межпалубных помещений занимали дрова, необходимые для приготовления горячей пищи. Вино хранили в бурдюках и обращались с ним бережно. В будние дни его не пили вовсе. Стаканчик-другой полагался лишь по праздникам, немного вина давали больным, чтобы скорее выздоравливали, да еще немного вина расходовалось во время мессы.

Список припасов на этом, разумеется, не кончался. Были еще тюлений и рыбий жиры, которыми смазывали все необходимые орудия труда, были запасы всех этих орудий — для будущих колоний, — были бочки и ящики со смолой и ворванью, с гвоздями, болтами, шурупами, льняное масло, кокосовое волокно, парусина, запасные канаты. Над килем лежали служившие одновременно и балластом свинцовые пластины, их в случае

надобности накладывали изнутри на обшивку для защиты корпуса корабля. Имелся запас лекарств и хирургических инструментов.

Порох хранился в задней части трюма, там же находились и снаряды — каменные и свинцовые пушечные ядра. Вооружение каждого корабля состояло из пушек — тяжелых и легких, четырехсантиметровых фальконетов. Везли корабли и полное вооружение для мушкетеров: щиты, мечи, кинжалы, панцири, мушкеты, запасы одежды, тросы.

В трюмах хранились также пестрые хлопчатобумажные ткани, стеклянные бусы, медные тазы, колокольчики, чей звон приводил в восторг туземцев еще во времена Колумба, красные шляпы, множество крестиков — для будущих новообращенных, зеркальца, рыболовные крючки, иглы, кольца, ожерелья, запястья.

И все это умещалось в небольших в общем кораблях: самый крупный из них имел не более 140—150 тонн водоизмещения!

Более месяца плыли корабли на запад, и жизнь постепенно налаживалась. Как только солнце поднималось над горизонтом, раздавался хор юнг, которые, как и полагалось по старому обычаю, встречали зарю радостным гимном. Затем следовала общая молитва. После молитвы не грешно было и позавтракать. А дальше каждый занимался положенным ему делом. Матросы босиком, в шерстяных штанах и в куртках с широким вырезом несли вахту. Взбирались на реи, высматривали из «вороньих гнезд», прикрепленных к мачтам корзин, не видны ли берега. Солдаты чистили свое оружие. Все, кто был свободен, выходили на палубу подышать свежим воздухом, насладиться дневным светом. Внизу во внутренних помещениях было темно, огонь обычно не

зажигали, опасаясь пожара, а что касается воздуха, то он был поистине ужасен. Только офицерам и дамам дворянского происхождения полагались хоть и крохотные, но все же мало-мальски пристойные каютки, на палубе, в обеих надстройках — на корме и на носу. Самой привилегированной частью корабля считалась надстройка на носу.

Каюта, которую занимали капитан и его семья, тоже, конечно, не была большой, но зато обладала тем неопределимым преимуществом, что при ней имелась уборная. Прямо под капитанской каютой располагалась рубка, в которой находились компас и другие навигационные приборы — угломерная линейка, астролябия, квадрат. Именно здесь было царство Кироса, или, во всяком случае, одно из его царств. Определить широту удавалось сравнительно просто, хотя и не без погрешностей. Гораздо сложнее было установить в море долготу. Вот уж что мучало моряков вплоть до XVIII века, когда был изобретен хронометр. А до этого кормчие, определяя долготу, порой ошибались на 50—60 градусов. Именно из-за этого «теряли» уже открытые острова, именно из-за этого случались — наша экспедиция этого тоже не избежит — жестокие просчеты, в том числе и во времени. Как часто приходилось Киросу досадовать на то, что в небе южного полушария нет Полярной звезды... Ведь для определения долготы надо было вести сложные вычисления, отсчитывая отрезки пройденного за день пути, и, следовательно, знать скорость ветра и течения. Такие расчеты были весьма не просты, и ежедневно на совещании штурманы тратили немало времени, чтобы прийти к согласию.

...Когда кончалось «измерение солнца», Кирос входил в навигационную рубку, наносил широту и пройденный отрезок пути (в общем на глазок) на карту и в

дневник корабля. Карты были из хорошего пергамента, но сведения, которые они содержали, увы, далеко не всегда были достоверными.

Так, за делами подходило время обеда. Устанавливались столы на средней палубе между носом и кормой — для простых смертных. Офицеры обедали в кают-компани. Когда же оловянные миски и прочую посуду убрали на место, а палубу очищали от объедков, наступал блаженный час отдыха. Все, кто был свободен, укрывались где-нибудь в тени, а знатные дамы затворились в своих каютах.

К вечеру на борту становилось оживленнее. Там и здесь собирались группами: разговаривали, пели, танцевали, играли. Вспыхивали бурные всплески смеха, в ходу были и охотничьи рассказы, и морские; присяжные балагуры острили напропалую, и остроты эти порой бывали не для нежных ушей. Иногда приходилось вмешиваться офицерам, случались и ссоры.

Нет, уж чего-чего, а шуму хватало и днем и вечером. Тихо было только ночью. Ибо ночью всем, за исключением вахтенных, полагалось спать. Полагалось, чтобы везде была полнейшая тишина. Любой подозрительный шорох, любая, даже негромким голосом отданная команда, крик невзначай угодившего за борт человека — все должно было быть слышным. И лишь в последнем случае разрешалось, более того, соответствующими правилами предписывалось поднять оглушительный шум, дабы отпугнуть от несчастной жертвы акул.

Доставленному на борт утопленнику следовало пером пощекотать небо: пусть его как следует вырвет, пусть выйдет соленая морская вода, которой он успел наглотаться. Затем для подкрепления дать ему горя-

чего винного супа, потом оливкового масла. Предписывалось тщательно растереть грудь и живот, чтобы «взбодрить и разогреть кровь».

Человек за бортом — такое в общем случалось редко. Обычно ничто не нарушало сонную тишину. Свет мерцал только в штурманской рубке да в кормовом фонаре. Вахтенный офицер, тщательно прикрыв лампу, совершал свой обход в ночи. Ничто не должно было укрыться от его взора. Крепко ли стоят мачты, не проникла ли вода в трюм, все ли в порядке в пороховом погребе, на месте ли кувшины с питьевой водой, на месте ли помпы, канаты, якоря (они ведь могут понадобиться в любую минуту), в порядке ли рулевое управление, выдерживается ли заданный курс — забот у вахтенного офицера было немало. И если вахту нес главный кормчий, то в его обязанности входило также найти ориентир для штурмана — какой-нибудь предмет на корме корабля. Он указывал на этот предмет рукой, и данный его жест называли «благословением кормчего».

...Педро Кирос любил эти ночные часы, когда корабли, словно призраки, скользили в ночной тиши, подгоняемые попутным ветром, когда можно было хоть как-то отойти от дневных забот и остаться наедине с собой и своими мыслями. Был ли он доволен судьбой? О, да, безусловно. Правда, совмещать обязанности капитана корабля и главного кормчего всей экспедиции было нелегко. Но он ведь и не стремился к легкой доле.

Ветер наполнял паруса, почти бесшумно скользили по спокойным водам корабли.

Они шли вперед в открытый океан.

21 июля перед вечером с мачты донесся крик: «Вижу землю». И правда, вскоре даже те, кто находился на па-

лубе, увидели несколько островов в предвечерней дымке, благоухающих, с нежной и красивой зеленью. А вскоре к кораблям подплыли на своих челноках и местные жители, высокие, красивые, статные, могучего телосложения люди с бронзовой кожей и цветами в волосах, белозубые, добродушные.

Первый остров, открывшийся глазам испанцев, получает имя Санта-Магдалина. А вся группа — ибо Менданья не сомневается, что найден целый архипелаг, — название Маркизских островов, или, уж если быть точным: остров Маркиза де Мендосы — в честь вице-короля Перу Гарсиа Уртадо де Мендоса.

Вблизи острова были еще красивее, чем издали.

Вместе с отрядом моряков Кирос плывет к берегу.

Иисус Мария! Наконец-то он видит первые острова в Южном море. Никем раньше не упомянутые, ни на одних картах, даже тех, тайных, что хранятся в Севильской торговой палате, не помеченные. Зеленые холмы и горы вздымают к прозрачному голубому небу свои вершины, узкие долины обрываются у самого моря. А оно было синее, прозрачное, а волны, тихие и ласковые, набегали, омывая желтовато-белые скалы, врываясь между ними, образуя бухточки. Вот мыс, а за ним, как сказочное видение, на добрых полмили отлогий чудесный берег, обрамленный нежной изумрудной травой. Чуть поодаль — целая роща пальм, с пышными кронами. Неподалеку бежал ручей, и видны были между деревьев крыши небольшого строения.

Какая своеобразная страна! Заброшенные за тридцать земель от Нового Света, посреди океана, люди ходят тут лишь в набедренных повязках, но у них есть удобные легкие дома, замечательные плоды, вкусные корни, разнообразные овощи, которые они разводят

на отвоеванных у зеленой чащобы землях. У них превосходные лодки, у них — пусть не из железа, но достаточное число необходимых орудий труда, у них немало украшений.

И свой сложившийся уклад жизни.

Кирос любуется жителями — сильными, здоровыми, такими высокими, что испанцы рядом с ними кажутся карликами. В дневнике он запишет, что среди островитян можно различить две расы — одну с более светлой кожей, другую потемнее. Его внимание привлекает на следующем острове — Санта-Кристина — татуировка туземцев. Станным кажется ему, что у некоторых индейцев светлые волосы (лишь впоследствии он узнает, что они крашенные). И словно замороженный глядит он на ходкие, с балансиром, двойные челноки островитян. Его интересует все: и как их делают, из какого дерева, и каким образом они так легко меняют курс в открытом море. Он вслушивается в звуки незнакомого языка, запоминает особенности произношения.

А чуть позже, в деревушке, Кирос восторгается деревянными домами, крытыми тростником, с полом, приподнятым над уровнем улицы. «Их селение, — запишет он, — расположено так, что дома стоят по обе стороны квадратной площади, либо с севера и юга, либо с запада и востока, а везде вокруг очень высокие и толстые деревья. Дома, видимо, общие, и они открыты дождю и ветру... Должно быть, много людей живет в каждом доме, ибо там немало постелей». Он любуется циновками, утварью и инструментом островитян, мастерски изготовленными из рыбьей кости и раковин. Видит кур и свиней и тут же про себя отмечает, что собак, вероятно, здесь не знают: стоит залаять увязавшемуся с моряками корабельному псу, как островитяне убегают во все лопатки.

Очертания островов, береговая линия, ветры, сила прибоя, места, пригодные для гавани, — этим он займется в последующие дни. И подробным изучением флоры и фауны. Его радует, что на этих дивных, покрытых густым лесом гористых островах, таких праздничных и ласкающих глаз, великое множество разнообразных и очень красивых цветов, что здесь много птиц. Их гомон и щебетание, их пестрое оперение доставляют ему истинное удовольствие. Жители островов неплохие земледельцы и еще лучшие рыболовы — ловкие, сноровистые. На острове много превосходной пресной воды, здесь выращивают в достатке сахарный тростник.

Здесь мягкий, здоровый климат.

Все это Кирос со свойственной ему аккуратностью заносит в дневник. Но и иные, менее приятные новости тоже. Ибо, увы, взаимоотношения между испанцами и местными жителями складываются далеко не так, как того хотели бы Кирос и Менданья.

Да, уж с кем-кем, а с ангелами люди Менданьи не имеют ничего общего. Искатели приключений и авантюристы, привыкшие творить на захваченных землях все, что им вздумается, они и здесь занимаются грабежами и убийствами.

Все начинается с того, что один из островитян прихватывает кусок солонины — ему и невдомек, сыну лесов, что испанцы сочтут это кражей. Следует предупредительный залп, и находившиеся на борту адмиральского корабля туземцы испуганно прыгают в море. Но один не успевает. И вот, в нарушение категорического приказа Менданьи, морской пехотинец хватается за мушкет и тщательно прицеливается. Выстрел.

Кровь окрашивает палубу.

Островитяне отвечают градом копий и камней. Снова

залп, первые убитые падают в воду — и мир нарушен. Теперь на берег приходится сходить под усиленным конвоем. Набрать дров, запастись водой — все становится проблемой. И напрасно Менданья пытается исправить зло (он-то по собственному опыту знает, что значит восстановить против себя местных жителей). Подарки, попытки переговоров. И все тщетно. Так приветливо встретившие незваных пришельцев, островитяне теперь, после жестокого урока, держатся совсем по-иному. Чуть ли не по всему острову звучат их боевые трубы-раковины, а когда воины убеждаются, что ничего не могут поделать против огнестрельного, неведомого им оружия,

они уходят в глубь острова и с вершины поросшего лесом холма скатывают вниз на испанцев огромные камни. По утрам и ночью раздается их боевой клич. Боевые действия поддерживают те, кто остался в поселке.

Война!

Кирос впоследствии напишет, что не правы, конечно, были испанцы. Они первыми применили оружие, и если называть вещи своими именами, то иначе, как преднамеренным массовым уничтожением людей, их акцию никак не назовешь. Чего, собственно, могли опасаться четыре хорошо вооруженных корабля, с пушками и отрядом пехоты? Ведь у туземцев не было даже стрел. И сурово добавит: тяжкое преступление, отвратительные бесчинства. «Их нельзя совершать! Их нельзя поощрять! Их нельзя допускать и нельзя терпеть. За такие дела нужно карать при первой же возможности...»

Да, Кирос на стороне слабых. Кирос видит в островитянах людей и с ужасом вспоминает, как дробили голые тела островитян тяжелые мушкетные пули, как испанцы вешали невинных людей, как один из мушкетеров безжалостно прикончил отца, пытавшегося спасти раненого сына.

Прямую ответственность несет за содеянное Манрике. Солдафон признает в разговоре с аборигенами лишь язык силы. И он только усмешается, когда Менданья пытается урезонить его. Манрике знает: сместить его не так легко.

...И все-таки что-то странное происходит с Менданьей. Ведь начальник экспедиции — он! И уж кто-кто, а Менданья прекрасно понимает, как недопустимы, как, наконец, просто опасны подобные действия. Устал он? Скверно ли себя чувствует — может быть, уже начала

подтачивать могучий некогда организм смертельная хворь, что вскоре сведет Менданью в могилу? А может быть, не хочет он до поры до времени обострять отношения с Манрике — ведь главная цель впереди, не добралась пока еще экспедиция до Соломоновых островов, и вновь открытый архипелаг интересует его постольку-поскольку? Конечно, генерал объявил его владением испанской короны, конечно, он охотно оставил бы здесь колонистов. Но что поделаешь, если никто, ни один человек, не изъявляет теперь на это своего согласия.

Единственно, что удастся сделать Менданье на Санта-Кристине, — посадить немного маиса.

...Медленно уходят вдаль, скрываясь за горизонтом, Санта-Магдалена, Сан-Педро, Исла-Доминика, Санта-Кристина, по нынешнему Фатухива, Мотане, Хиваоа, Тауата. По меньшей мере 200 островитян были убиты испанцами, и всего лишь трое пришельцев заплатились за свой разбой.

У испанцев пока что настроение довольно бодрое. Они открыли красивые острова и с нетерпением ждут встречи с Соломоновыми островами, которые — так считают они — должны быть где-то не очень далеко. Богатые и счастливые Соломоновы острова, о которых так много говорилось во всех портах Перу.

Менданья тоже полон нетерпенья. Ему кажется, что суда идут слишком медленно, и он верит, что вот-вот покажутся открытые им земли.

Сейчас мы знаем, что Менданья ошибался в своих расчетах. Но это неведомо никому из его спутников и ему самому тоже. А поелику до желанных островов недалеко, то стоит ли слишком беречь продукты?

Все сыты, довольны, работы немного, ветер хорош. Отлично! Еще несколько дней — и они придут в ска-

зочную страну и уж там-то сумеют разбогатеть. У них будут деньги, толпы слуг.

Проходит неделя, другая, а островов все нет и нет. Впереди — как ни напрягает зрение впередсмотрящий — до самого горизонта лишь голубая поверхность воды. Берега не видно. Не видно ни птиц, ни каких-либо признаков близкой суши.

Черт возьми! А может быть, генерал сам не знает, где его острова? Да и есть ли они? Кто не слышал о том, что в некоторых широтах острова уходят порой под воду? А могли ведь корабли и просто пройти мимо!

Впрочем, на какой-то срок страсти утихают. По курсу корабля два острова! Оба маленькие, плоские, но все же это клочки суши посреди бесконечной, бескрайней пучины. Один нарекают именем Сан-Бернардо (вероятно, нынешний Дейнджер-Айленд), второй, еще меньший по размерам, еще более уединенный, называют Ла Солитариа.

А потом вновь море и волны. И никаких признаков суши. Тревога закрадывается в сердца, ведь уже миновали все сроки.

...Еще пока нет открытого мятежа. Но всеобщее раздражение нарастает, и все более явными становятся давно, уже с начала плавания, назревавшие конфликты.

Солдаты издавна не в ладах с матросами. А сейчас раздоры усиливаются. Солдаты убеждены — и в этом их поддерживает Манрике, — что без них вся экспедиция пойдет прахом. Ведь именно они завоевывают дальние страны.

А морякам давно уже надоели эти сытые бездельники, не знающие, куда приткнуться, и изнывающие от скуки, но не желающие и пальцем пошевелить, чтобы чем-нибудь помочь.

Враждебные отношения заходят так далеко, что в них оказываются вовлеченными даже офицеры. И если Манрике горой стоит за своих солдат, правда, поколачивая их в минуты гнева всем, что под руку попадет, то Кирос волей-неволей принимает сторону моряков.

Неважные отношения складываются у Манрике и с Менданьей. И все более заметна рознь между командирами и матросами. В какой-то степени тут виноват и сам Менданья. Но в том-то и беда — это становится все явственнее, — что Менданья 1567 года и Менданья 1595 года совершенно различные люди. Тогда он был полон сил, энергии, решимости. Сейчас это сломленный жизнью, больной человек, подпавший под влияние жены и поэтому терпящий все выходки ее многочисленной родни, а они все больше наглеют. Кирос испытывает это на себе. Он даже вынужден обратиться к Менданье с просьбой уговорить старшего из братьев Баррето, дона Лоренсо.

Внезапно и, что самое непонятное, в тот момент, когда суда оказались вблизи земли, исчезает альмираанта — ее так никогда не найдут, она не придет ни в один из испано-португальских портов. И страсти разгорятся еще больше. Следов кораблекрушения не видно, море спокойное, рифов как будто нет. Конечно, в тумане, а до этого был туман, судно могло и затонуть и потеряться. Но к тому моменту, когда запропастилась альмираанта, туман рассеялся, и отнести ее не могло далеко. Да и земля была, что называется, перед самым носом, в пределах видимости.

Мятеж матросов? Не исключено. Но скорее всего свою роковую роль сыграли натянутые отношения между братьями Баррето и адмиралом Лопе де Вега. Он им

приходился родственником? Бесспорно. Только родственные эти связи были далеко не самыми теплыми.

Альмиранты нет. Зато — и это на время отвлекает от грустных и тревожных мыслей — впереди земля.

Эта новая земля — совсем иная, чем те острова, которые месяц назад покинули моряки. Здесь нет таких прекрасных легких красок, все как-то угрюмее, что ли. Черная земля и черные люди с кожей цвета эбенового дерева, и тела их испещрены татуировкой. На шее и на руках кольца из темных стеблей, уши и нос украшают перламутровые раковины. Волосы курчавые, толстые, стрижка короткая. Такое впечатление, что это совсем другая раса! (О полинезийцах и маланезийцах в ту пору еще никто ничего не знает.)

Несмотря на исчезновение судна, настроение поднимается. Правда, это опять не Соломоновы острова, как весьма скоро убеждается Менданья (куда они только запропалились?), но все же острова, все же твердая земля. И не такая уж плохая! Верно, местные жители более воинственны, чем те, которые им встретились на Маркизах. Они вооружены луками и своего рода пращами, но Менданье удается на первых порах завести дружбу с одним из местных вождей. Это уже кое-что.

...Вновь с великим удовольствием бродит по острову Педро Кирос, вдыхает аромат трав, радуется щедрости тропической земли. Стоянка для кораблей найдена удобная. Неподалеку от берега чистый прозрачный ручей. Сколько угодно сухостоя, это тоже приятно; на корабле кончился запас дров. В деревнях у островитян он видит хижины, видит верткие, быстрые лодки, в которых свободно размещаются 20—30 воинов; видит, что местные рыбаки используют по меньшей мере три вида сетей и ставят возле берегов своего рода капканы для ры-

бы: когда начинается отлив, в этих своеобразных садках остается немалая добыча. Есть на острове куры, свиньи, голуби. И сколько угодно кокосовых пальм, банановых деревьев, сахарного тростника. Есть хлебное дерево, индиго, съедобные корни (которые надо варить или поджаривать, в противном случае у человека начинает кружиться голова).

Нет, природа и тут достаточно щедра, тут тоже изобилие солнца и влаги.

Экспедиция явно сбилась с пути, хотя его, Кироса, вины нет: он ведь только выполнял приказания Менданьи. Зато удалось открыть еще один неизвестный остров.

На совещании, созванном Менданьей, Кирос выступает за то, чтобы на острове, его называют Санта-Крус, оставить колонистов.

Три каравеллы покачиваются на волнах в тихой бухте на острове Святого Креста. И если дальнейшие события принимают совсем не тот характер, которого хотелось Менданье, если остаются буквально считанные дни относительно мирной жизни, то виноваты в этом пришельцы, и только они.

Но пока все обстоит более или менее благополучно. Забыты дни тяжелого перехода, вечная теснота, нехватка воды и продовольствия. Под ногами твердая земля, у всех много вкусной и сытной пищи, сколько угодно овощей, воды, есть возможность пополнить изрядно оскудевшие запасы и учредить на острове колонию.

Как и полагается, остров объявляется собственностью его величества короля Испании. На берег, так же как это делается всегда, в последний раз на Солитарии, вынесен крест, все принимают участие в мессе. Потом солдаты берутся за работу.

Стучат топоры, падают деревья, появляются первый блокгауз, за ним другой — вскоре на земле островитян вырастает укрепленный военный лагерь, обнесенный рвом и валом и охраняемый часовыми.

Начальствует в лагере Манрике. Менданья, а также его супруга, равно как и матросы, остаются на кораблях.

Такова дислокация, и она очень быстро приводит к неожиданным результатам. Впрочем, неожиданным — в данном случае не совсем верно. Правильнее было бы усмотреть здесь известную закономерность...

Один из местных вождей, обласканный Менданьей, делает все, чтобы помочь пришельцам. А Менданье он клянется быть первым другом. Имя вождя — Малопа. Верный своему слову, он щедро снабжает испанцев продовольствием — и тех, кто остался на кораблях, и тех, кто находится в лагере. Манрике видит в Малопе потенциального союзника Менданьи и боится, что в случае дальнейшего обострения отношений он может представить реальную опасность.

В лагере вообще много недовольств. Удальцов Манрике крайне раздражает твердый приказ Менданьи щадить островитян и их имущество. Они полагают, что это ни к чему. Для них война и военный грабеж — основа основ, а им не дают развернуться. И еще не ясно, из каких соображений. Не исключено, что лишь по той простой причине, что жена Менданьи, Исабель (она и сама не станет отрицать своих слов), вместе с Менданьей рассматривают остров как свою собственность — они снарядили эскадру! А посему пусть солдаты не рассчитывают здесь на какие-либо доходы, им будет уплачено, но они не получают ни земель, ни богатств.

Слухи ползут, люди распаляются, они готовы на все ради золота. А похоже, что его-то и собираются забрать

себе родственники Исабель. Ее братья Лоренсо, Луис и Диего живут вместе с солдатами в лагере? Ну и что? Тем хуже, ибо эти шпионы наверняка доносят обо всем Менданье.

Так завязываются узлы ненависти. Исабель, естественно, становится на сторону братьев, и ей все больше и больше не по нраву Манрике. О, эта старая бестия тоже не отличается кротостью характера. У него давно происходят стычки с Лоренсо, в коих виноваты оба. Но начальник-то Манрике. Зато у Лоренсо — сестра!

...Впоследствии Кирос, при всем уважении к Менданье, не мог не осудить бездеятельности последнего. Менданья, правда, болел. И все же вмешайся он вовремя, возможно, события приняли бы другой оборот.

Увы, дела идут все хуже и хуже. Солдаты чуть не в открытую готовятся к мятежу. К ним присоединяется капитан галеота Корсо, который обещает отвезти их к богатым островам. Менданья, Баретто для солдат становятся людьми, мешающими им. И даже над головой Кироса пролетает шальная пуля. Несколько пуль летят в сторону кораблей.

В этой обстановке Кирос считает необходимым попробовать все же как-то утихомирить враждебные партии. Человек умный, он не может не понимать, чем грозит начавшаяся смута.

Он отправляется на берег, один и без оружия. Но его призывы к благоразумию, его доводы никто не хочет слушать. Более того, слышны возгласы: «Долой! Пусть убирается!» Два или три солдата обнажают шпаги. Того и гляди они пустят их в ход.

Вмешивается Манрике, он приказывает не трогать Кироса. Но покинуть лагерь, и покинуть его так ничего и не добившись, Киросу все же приходится...

Видя, что положение все усложняется, Менданья наконец решает действовать. Знал ли Кирос, каковы его планы? Вероятнее всего, нет. Скорее всего он думал, что речь идет просто об аресте Манрике и о предании последнего военному суду. Но все вышло несколько по-иному.

Поговорив с Манрике, который на следующий день, следуя примеру Кироса, прибыл на корабль, один и без оружия, но держался нагло, Менданья отпустил его. А утром — солнце еще не взошло — приказывает Киросу сопровождать себя. Менданья при шпаге. Он велит вооружиться и Киросу и, прихватив по дороге капитана галеота, который начинает понимать, что на карту поставлена и его собственная жизнь, съезжает на берег. В условленном месте его встречают братья Баретто с группой верных им солдат.

...Лагерь еще спит. Часового возле хижины Манрике снимают без шума. Вооруженная ватага врывается в помещение.

Манрике не успевает схватиться за оружие, по сигналу Менданьи один из солдат всаживает ему кинжал в бок. Следует еще несколько ударов, и Манрике бездыханный падает на пол. Один из ударов шпагой наносит его бывший союзник, Корсо, капитан галеота.

Начинается избиение сторонников Манрике. С криками «Да здравствует король!», «Смерть мятежникам!» братья Баретто и несколько наемников врываются в хижину, пытаясь свести счеты со своими недругами.

И вот тут-то бешенство овладевает Киросом. С ума, что ли, они все посходили? Честно ли это, убивать спящих людей?

Со шпагой в руках преграждает он путь убийцам. Побойще приказывает прекратить и Менданья.

Головы Манрике и еще одного убитого выставляют

на всеобщее обозрение. Несколько наиболее рьяных противников Манрике обезоруживают. Остальные, видя, что Манрике убит, клянутся в верности Менданье.

Фелипо Корсо, который всадил шпагу в грудь Манрике, спешит к донье Исабель. У него свои заботы. Пусть от него узнает жена Менданьи, как счастливо закончилось задуманное.

На этом, однако, дело не заканчивается. Еще до того, как Менданья появился в лагере, человек 30 наемников отправились — так они ответили в ответ на окрик с корабля — за продовольствием в деревню. Генерал, словно предчувствуя беду, еще раз велел напомнить им, чтобы они ни при каких обстоятельствах не трогали Малопу.

И вот теперь в лагерь прибегает солдат с сообщением, что Малопа убит!

А произошло все это так. Отряд при подходе к деревне разделился. Человек 12 пошли дальше. Оставшиеся под командованием Хуана де Буинтраго вошли в деревню. Вождь встретил их приветливо. И вот тут-то, отведя несчастного в сторону под предлогом переговоров, один из мушкетеров выстрелом в упор размозжил ему голову. Все произошло так внезапно и так быстро, что Буинтраго не успел помешать злодеям. И вместо того, чтобы остановить убийцу, дал ему возможность убежать в лагерь.

Молча выслушивает новость Менданья. Еще один удар по его планам! Ведь он уже видел в Малопе союзника, считал, что тот поможет ему. Теперь все усилия могут пойти прахом: кто знает, как развернутся события, ведь убийство Малопы — вызов всему племени.

Менданья приказывает снять с кольев головы Ман-

рике и второго убитого, наводит в лагере порядок и устраивает засаду.

...Сначала возвращается отряд, который ничего не знал о происшедшем, поскольку в деревню не заходил. Командующего отрядом адъютанта Манрике и еще одного солдата, приемного сына Манрике, тут же арестовывают, остальных обезоруживают.

Несколько часов спустя в лагерь возвращается второй отряд. Хуан де Буинтраго — это всем известно, лучший друг Манрике, и его хватают, едва только он входит в ворота крепости. А затем, обвинив в попустительстве убийству Малопы (сам убийца тоже пойман и ждет своего часа), приговаривают к отсечению головы.

Остается еще убийца Малопы. Того гляди и ему отрубят голову. Но за него вступается Кирос. Не потому, что хочет оправдать его. Просто Кирос считает, что и так уже пролито много крови и каждый человек на счету. И он не очень уверен, что Менданья прав, расправляясь со своими противниками такими методами. Конечно, за мятеж полагается казнь. Но обвиняемому следует предоставить возможность защищаться. В особенности если все так запутано, как здесь. Не пошел ли Менданья в некоторой степени на поводу у своих родственников и прежде всего своей жены? И не сам ли он в какой-то мере, вовремя не вмешавшись, дал разгореться пожару?

Убийцу отводят на корабль. Через неделю он умирает, уморив себя голодом.

А на острове тем временем происходит то, чего тщетно хотел избежать Менданья. Восстание! Туземцы не желают иметь никаких дел с испанцами. Все попытки примирения срываются. Менданья посылает им голову

- Буинтраго, но и это не помогает. Чаша терпенья островитян переполнилась. Они окружают лагерь и осыпают испанцев градом стрел и камней, оглашают окрестности своими криками и не хотят идти на мировую.

В первый же день ранено 24 участника экспедиции, в том числе и Лоренсо Баретто. И не удивительно, смекалистые воины целят либо в лоб, либо в ноги. И поэтому шлемы, щиты, панцири не спасают испанцев от крупных потерь.

Военные действия не прекращаются ни днем, ни ночью. Худо становится с провиантом — островитяне его больше не доставляют, а дороги заняты их отрядами. И не только дороги. Весь лес кишмя кишит разъяренными индейцами. Такое впечатление, что, прекратив междоусобицы, они все выступают против пришельцев!

Раны не заживают или заживают плохо: туземцы смазывают кончики стрел каким-то ядом. К ранам добавляются болезни. Свирепствует отчаянная дизентерия, и многие солдаты бродят еле живые, а то и вовсе от слабости не могут головы поднять. Каждый день умирают люди. Их косят не только раны и дизентерия, но и страшнейшая тропическая малярия, злейший бич здешних райских мест. Не помогают ни настойки, ни молитвы, день ото дня положение становится все тяжелее.

«Посеявший ветер пожнет бурю» — эта древняя поговорка, наверное, не единожды приходит на ум Менданье. Столько лет усилий, такую жестокую борьбу пришлось выдержать, чтобы суметь снова отправиться в манящие дали безбрежного моря — и неудача за неудачей! Эти его Соломоновы острова, которые словно в прятки надумали с ним играть, хотя вроде бы по всем расчетам давно полагается им показаться. (Менданья не знает и так никогда не узнает, что ошибся не только

в определении расстояния от Маркизских островов до Соломоновых, но и примерно на 350 морских миль уменьшил расстояние от Перу до Маркизов.) Неудача на Маркизских островах. Исчезновение альмиранты, — а на ней было 180 человек, чуть ли не половина всей экспедиции.

Как ему тогда, в Черепле не хотелось брать это судно. Будто чувствовал: не пройдет впрок обмен.

По ночам со всех сторон видны боевые костры островитян, слышны боевые выкрики размахивающих тяжелыми палицами и копьями воинов, гремят барабаны. И ни днем, ни ночью не чувствуют себя в безопасности пришельцы. Они — в полукольце, в их распоряжении клочок береговой кромки да на скорую руку срубленный форт.

Неужто все пойдет прахом?

В глубине души Менданья понимает, что есть и его вина в том, что происходит. Слишком много всякой портовой швали стали участниками экспедиции. Неважно получилось и с маршрутом. Не сумел он ни сплотить, ни подчинить своей воле солдат и матросов, а когда наконец попытался, то провидение вновь оказалось не на его стороне.

...Припасы более не поступают. Лишь под охраной солдат удается собрать в лесу ягоды. В осаде живут испанцы, и положение с каждым днем становится все хуже.

Перечисляя в своем дневнике беды, обрушившиеся на экспедицию, Кирос упомянет неважный климат (он оказался здесь далеко не таким ласковым, как на Маркизских островах), а также неблагоприятное время года: днем яркое, палящее солнце, от которого не знаешь куда деваться, а ночью с гор спускается туман. Сырость

такая, что не только прибрежный песок, все кругом мокро, как после дождя, одежду хоть выжимай, от холода не спасают ни одеяла, ни плащи, а разводить костры опасно. Спать приходилось зачастую на голой земле.

Умирает духовник Антонио де Серпа, умирает капитан фрегата Алонсо де Лейва. Число больных все увеличивается.

Менданья тоже болен. Он лежит в хижине, день ото дня ему становится все хуже. С ним в лагере Исабель и ее родственники.

Все меньше сил. И наступает день, когда Менданья понимает: живым ему с этого острова не выбраться.

18 октября, так и не добравшись до Соломоновых островов, так и не исполнив задуманное, сломленный неудачами и недугами, Менданья умирает. Восемь офицеров несут покрытый черным сукном гроб. Короткая заупокойная молитва. Гроб опускают в могилу.

Лоренсо Баретто, новый главнокомандующий, делает попытку договориться с островитянами и для этой цели избирает Кироса. Аборигены не скрывают своей неприязни к белым. И все-таки, когда Кирос объясняет им, в каком тяжелом положении находятся испанцы, и просит прекратить военные действия, соплеменники Малопы соглашаются. И даже приносят испанцам продовольствие.

Вспоминая впоследствии об этом, Кирос напишет, что ему было стыдно за своих земляков.

...Несколько дней спустя Лоренсо тоже умирает.

В экспедиции растет недовольство. Бежать, бежать с этого острова. Напрасно Кирос пробует урезонить солдат. Они не хотят ни о чем слышать. Кирос с неболь-

шой группой матросов хочет остаться, он считает, что земли тут хорошие, что можно сыскать более здоровый уголок. Пожалуйста, пусть остается. Пусть остаются те, кому здесь нравится.

Исабель считает, что нужно возвращаться. Назначенная Менданьей его преемницей и руководительницей экспедиции, получившая громкий титул губернаторши, она тоже не хочет больше оставаться на острове, и ей нужен Кирос. Кто, кроме него, в состоянии повести корабли к родным берегам?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ДОРОГА ДОМОЙ ИДЕТ ЧЕРЕЗ ФИЛИППИНЫ

К

орабли в скверном состоянии, люди устали. Возвращаться надо через Манилу, а карт не хватает. Поскольку Менданья потерял Соломоновы острова и расчеты оказались неверными, трудно установить с точ-

ностью исходную точку и соответственно произвести мало-мальски точное исчисление. Впереди незнакомое море.

Весь груз ответственности — на плечах Кироса. Он единственный человек, который в состоянии найти выход из очень нелегкой ситуации.

Но ему дьявольски трудно, Ко всем неурядицам — а их не перечесть — прибавляется еще и то обстоятельство, что он, став, по сути, руководителем злосчастной экспедиции, формально лицо подчиненное. Во главе экспедиции согласно посмертной воле Менданьи стоит его жена. И этот, с позволения сказать, адмирал, право, оставляет желать много лучшего. То, что донья Исабель ровным счетом ничего не смыслит в морских делах и корабельных порядках, это понятно. Беда, однако, в том, что, будучи человеком властным, она чуть ли не на каждом шагу вмешивается — и совершенно зря — в эти дела. Естественно, сие не может не раздражать Кироса. С доньей Исабель он не ладил и прежде. Теперь же нередко получается так, что стоит Киросу принять какое-либо решение, как она тут же его отменяет. Приходится тратить время и силы, чтобы образумить вздорную женщину, которая никак не хочет понять, что речь идет отнюдь не об увеселительной прогулке и что она находится не в своем поместье.

При всем этом Исабель весьма и весьма себе на уме. Дабы не расписываться в неудаче экспедиции (а фактически, несмотря на то, что открыты новые острова, так оно в какой-то степени и есть, ибо ничто из того, что было задумано, не выполнено), «адмирал» объявляет: корабли идут в Манилу, поскольку им необходим ремонт. А затем, пополнив экипаж и запасы продовольствия, они возвратятся назад.

Впрочем, может быть, ей и в самом деле кажется, что это так?

Но что там думать о возвращении, когда неизвестно, как добраться до этой Манилы. Неведомы толком ни расстояние, ни маршрут. И все же это единственный реальный выход. Вернуться в Перу тем же путем, только в обратном направлении немислимо из-за ветров и течений. Пройти севернее, пересечь океан, пользуясь маршрутом Урданеты, в принципе возможно, но ведь и Урданета и все его последователи отправлялись в путь из Филиппин. Отсюда же, из южных широт, в Перу, минуя Филиппины, напрямик еще никто никогда не ходил. Тем более с кораблями, изрядно потрепанными бурями, с крайне скудным запасом продовольствия, с командой, в которой насчитывается больше больных, чем здоровых, да к тому же озлобленных и перессорившихся между собой людей, по горло сытых выпавшими на их долю приключениями и вообще давно отчаявшихся попасть домой. Положение усугубляется еще и тем, что глава экспедиции умер, командующий отрядом солдат, умевший держать их в руках, убит, а недовольство «адмиралом» и ее родственниками продолжает расти.

Итак, корабли идут в Манилу. Но прежде — так хочет Исабель — надо поискать Сан-Кристобаль, золотой остров Менданьи. Может быть, там нашла себе прибежище альмиранта, с потерей которой Исабель никак не хочет примириться. Не потому, что ей жалко людей. Все проще: альмиранта, а также ее груз в основном составляли собственность семьи Менданьи — Баретто. А там, где речь идет о ее собственности, Исабель шутить не любит.

Где-то как будто неподалеку должен быть остров. Но где?

Уступая «матери-командиру», Кирос действительно некоторое время ищет остров. Постепенно, однако, эта затея нравится ему все меньше. С провиантом беда, его очень мало. Обветшали паруса, рвутся канаты, каждый день находят новые неполадки. На корабле много больных и нетрудоспособных. Предложение Кироса (вполне разумное предложение!) бросить оба маленьких судна и перевести всех людей на капитану Исабель отвергает начисто. Ей думается, что следует поступить иначе: забрать всех больных с капитану и превратить галеот в своего рода лазарет. Против этого, однако, возражает Кирос: суденышко маленькое, еле держится на плаву, больных и раненых можно разместить только на палубе. Они же погибнут!

Перепалка продолжается. А тем временем Кирос решительно меняет курс флотилии. Проходит несколько дней, с кораблей уже виден лесистый берег. Кирос думает, что это Новая Гвинея. Задерживаться нет времени, и эскадра идет дальше. Кирос не знает, что он допустил ошибку: не Новая Гвинея это вовсе, а те самые Соломоновы острова, куда они с Мецданьей так хотели попасть и которые он тщетно искал по приказанию Исабель.

Словно виденье, исчезает высокий берег. Теперь впереди лишь море и волны.

Медленно, ужасающе медленно ползут корабли. Рации приходится снизить: кружка воды в сутки, две три ложки затхлой мучной похлебки без масла. Каждый день умирают люди. На корабле прогнило все дерево, мачты держатся каким-то чудом. А донье Исабель все нипочем. У нее свои собственные неприкосновенные за-

пасы: вино, молоко, мясо. У нее все есть, и она даже свои туалеты велит по-прежнему стирать в пресной воде. И устраивает скандал, когда Кирос просит ее не делать этого. То, что Исабель вздорна, мелочна, тщеславна, то, что от нее порой не добьешься правдивого слова, Кирос знал и раньше. Теперь выясняется, что она жестока и до крайности бессердечна.

А положение становится все более грозным. В один из серых, сумрачных дней от флотилии уходит галеот. Его капитан Фелипе Корсо давно недоволен: ему хотелось возглавить экспедицию. Не получилось. Теперь, считает он, когда того и гляди погибнет капитана, пора улизнуть: сумеет он привести свой корабль в Перу или хотя бы на Филиппины — все почести за открытия, совершенные в этом плавании Менданьей и Киросом, достанутся ему.

Исчезает и второй корабль, фрегат «Санта-Каталина», правда, по иным причинам. Там не хватало людей, открылись многочисленные течи, которые не удавалось заделывать, судно еле держалось на плаву. Кирос вновь попытался договориться с «адмиралом»: пусть люди с фрегата перейдут на капитану. Но донья Исабель и тут осталась верна себе. Ее это не устраивает. К тому же у нее нелады с капитаном фрегата: как посмел Диего де Вера, не испросив ее согласия, вырыть тело Менданьи и везти его на своем корабле? Нет, нет, она ничем не может помочь.

Кирос, у которого тоже не хватает людей, все же посылает де Вера троих моряков. Большого сделать он не может.

И происходит неминуемое: корабль исчезает из виду. Кирос возвращается назад, ждет два дня.

Тщетно.

На рассвете 3 января 1596 года показывается остров Гуам, известный еще со времен Магеллана. Множество челноков с островитянами подходят к кораблю. Бананы, кокосовые орехи, коренья, свежая вода, золотистая рыба, рис. Но туземцы просят за свои дары железо. Его мало. Нельзя и высадиться. Подойти вплотную к берегу Кирос не решается: как бы не посадить судно на мель. А спустить лодку невозможно: сгнил весь кабель.

Корабль разворачивается и идет дальше. 13 дней спустя показывается мыс. Мыс Святого Духа? Филиппины? Похоже, что так.

Погода прескверная, небо обложено тучами, туман. Корабль останавливается у входа в бухту. Ветер дует с северо-востока. Бухта открывается на восток. Может получиться так, что из-за ветра корабль не сумеет выйти из бухты, Кирос решает не спешить. Тем более что уже вечерет.

Как всегда, вмешивается Исабель. Она приказывает Киросу войти в бухту. «При такой погоде?» — спрашивает Кирос. И когда Исабель повторяет приказание, Педро взрывается: «Не поведу. Тем более ночью».

Утром видно, насколько он прав. Едва только судно ложится на ветер, как летят реи, трещат и рвутся латаные-перелатаные, созревшие паруса, рвутся канаты. Еле удается вывести судно в море.

Оно ползет вдоль береговой кромки. Рифы справа, рифы слева, и всю последующую ночь напролет Кирос ведет промеры дна. Утром он видит еще одну бухту. Она открывается на север. В нее, пожалуй, можно войти.

...Три филиппинца встречают их на маленькой лодчонке. Да, все верно, это действительно мыс Святого Духа, если судно идет в Манилу, оно на правильном пути. И Филиппины по-прежнему удерживают в своих

руках испанцы, хотя один лихой английский корсар и попытался было с ходу атаковать столицу.

Местные жители привозят на корабль снесь. Три дня и три ночи на капитане только и делают, что жарят, варят и едят. И далеко не все, несмотря на предупреждения, достаточно умеренно: несколько человек умирает.

Немного отдохнув, матросы производят самый неотложный ремонт...

Две недели спустя, 23 января 1596 года судно проходит между островом Самар и юго-восточной оконечностью Лусона. Вскоре остается позади и Сан-Бернардино, островок в устье канала. На следующий день путешественники в гавани Нивалон, на побережье Лусона. Местные жители выносят к кораблю мясо и фрукты. Но много не приобретешь: все, что можно было бы обменять, на исходе.

Судно осторожно идет вдоль берега Черного острова, и вот показывается Гальбан. Отсюда до Манилы примерно с полсотни миль.

Как они трудны, эти последние мили!

Под тем предлогом, что необходимо приобрести провиант, Исабель посылает обоих своих братьев на берег. Никакого провианта они не привозят и сами не возвращаются. Зачем им это! У них твердое задание: прискакать в Манилу до того, как туда придет корабль.

Еще немного, и виден наконец долгожданный порт. Оба маленьких острова, охраняющие вход в бухту, — вот они, рукой подать. Ветер, резкий, порывистый ветер не дает, однако, многострадальному кораблю войти в гавань.

Их замечают с берега, и к кораблю подходит лодка. В ней — гребцы, дежурный офицер и представитель гу-

бернатора. На Кироса высокие гости не обращают никакого внимания (вот они, результаты «разъяснительных бесед» братьев Баретто!). Они обращаются с приветствием к Исабель.

И все же, отдав дань славословию, офицер сокрушенно качает головой, когда видит, в каком состоянии корабль и люди. И не может сдержать гнева, когда, поговорив с людьми — в большинстве случаев они похожи на живые мощи, так отошдали, так измучались, он вдруг замечает несколько откормленных свиней. «Неужели у вас, — говорит он Исабель (а именно ей принадлежат животные), — в бóльшей чести свиньи, чем люди?» Исабель не удостаивает его ответом, но все же велит — иначе поступить в присутствии свидетелей невозможно — заколоть двух боронов и накормить команду.

Впрочем, сейчас это не имеет особого значения. К кораблю одна за другой подходят лодки. В них свежий хлеб, вино, фрукты, овощи, куры. А когда успешный уже стать знаменитым «Сан-Херонимо» приближается к Кавито, гавани Манилы, губернатор высылает навстречу местных матросов.

11 февраля 1596 года. Корабль в гавани. Гремят пушки, раздаются приветственные залпы мушкетов. Трехмесячное хождение на краю гибели закончилось.

Если бы Кирос осуществил только это беспримерное плавание, а он первый проложил путь из Кальяо до Санта-Круса и оттуда в Манилу, — этого было бы достаточно, чтобы имя кормчего осталось в памяти людей. Но все почести, поелику Менданыи нет, приходятся на долю доньи Исабель. Это в ее честь устраивают праздники и приемы, это с ней беседует губернатор. Пройдет еще какое-то время, и наследница Менданыи, которой очень хочется, чтобы в ней видели и наследни-

цу его деяний, выходит замуж. Ее супруг — морской генерал, дальний родственник Менданьи, Фернандо де Кастро. С ним она и поедет в Мехико все на том же «Сан-Херонимо». И поведет многострадальный корабль Педро Кирос. Не из любви к чете Кастро, конечно, а из-за того, что он единственный, кто думает о деле, о том, чтобы начать все сызнова. А для этого ему необходимо попасть в Перу, и он не хочет ждать другой оказии.

Из четырех судов, покинувших в свое время Перу, невредимым вернулось только одно. Судьба альмиранты так и осталась неясной.

Мы уже говорили: сие вовсе не может служить доказательством, что она пошла ко дну, хотя полностью исключить подобный вариант тоже, разумеется, нельзя. Сейчас известно — чуть ли не целые флотилии судов покоятся на дне того океана, который Магеллан имел неосторожность окрестить Тихим. Но ведомо и другое. Следы пребывания каких-то, во многих случаях, очевидно, потерпевших кораблекрушение, испанских мореходов иногда находят на самых отдаленных из тихоокеанских островов.

«Санта-Каталину» разыскали у берегов одного из Филиппинских островов. Все немногочисленные члены экипажа были мертвы. Галеот отнесло к берегам острова Калугуин. Большая часть матросов погибла. Оставшиеся в живых вели себя хуже разбойников, и их, в том числе и капитана Фелипе Корсо, отправили в тюрьму, в Манилу.

...Из четырех — одно. Из 378 человек на Филиппины прибыло не более 60.

Значит ли это, что все свелось к тому, что 60 испанцев переселились кружным путем на Филиппины?

Нет, конечно. Было совершенно выдающееся плавание, был открыт новый архипелаг и разведаны неведомые ранее пути в бескрайних просторах океана.

И все же — пока, во всяком случае, — главное остается неосуществленным.

...Он бродил по плохо замощенным улицам Манилы, прислушивался к разноязычному говору, — в ходу был и китайский, и японский, и малайский, и испанский, здесь как бы проходила граница между востоком и западом, — наблюдал за кипучей жизнью порта — из Минданао, из Молукк, Камбоджи, Сиамы, Японии, Китая доставляли сюда товары — и все думал о своем. Там, далеко в *Mag del Sur* ждут его сказочные острова, там ждет его таинственный Южный материк.

И вот снова Лима. Три года прошло с того времени, как Кирос отправился в путь вместе с Менданьей. Один возвратился он в Город Волхвов; Исабель и матросы остались в Акапулько.

У него нет ничего. Ни денег, ни кораблей. Он один, и надо все начинать сызнова. В городе, где у него немало недругов и завистников.

— Станный человек, — говорят о нем. — Не хочет заниматься тем, чем занимаются другие: водить корабли из Перу в Мехико, ну, на худой конец, ходить из Акапулько в Манилу: дорога проложена, можно, если пойти на некоторый риск, отлично нажиться — на вине, на китайском шелке, да мало ли на чем делают деньги оборотистые люди. Но искать какие-то острова, плыть в неведомые дали?

— О, нет, — говорят другие, — он очень хитер, этот Кирос, он хочет разбогатеть сразу, одним махом. В своей корысти он не останавливается ни перед чем. Сколько христианских душ загубил он вместе с Менданьей —

ведь почти никто не вернулся из тех, кто с ними отправился в странствия.

И вот он снова здесь, и поди объясни им, что не затем прибыл он в Перу, чтобы жить так же, как они, что не золото интересует его, а неизведанный материк, далекие острова, открытия, поди объясни это им.

Впрочем, он никому ничего и не собираетсЯ ни объяснять, ни доказывать. За исключением вице-короля. Во-первых, потому, что он обязан представить отчет (не передоверять же это донье Исабель, да и что, собственно, толком может она сказать?), показать карты, рассказать о совершенных открытиях. А во-вторых, кроме вице-короля, ему просто не к кому обратиться со своими планами.

Дом на Пласа Майор, где в положенные часы принимал просителей вице-король, был хорошо знаком Киросу. Здесь он не раз бывал вместе с Менданьей, здесь им сказал несколько напутственных слов маркиз де Мендоса, в честь которого назвали они далекие острова. Мендосу за это время успел сменить другой чиновник, но в апартаментах, предназначенных для приема посетителей, все оставалось по-прежнему. Как и раньше, в первом зале висели портреты всех вице-королей (к ним добавился портрет Мендосы), холодные, официальные портреты, долженствовавшие внушать почтение к власти и к ее представителям: этот зал был предназначен для приема индейцев и метисов. Кастильцев, арагонцев и сынов Лузитании — после «воссоединения» иногда в Лиме попадались и таковые — полагалось принимать во втором зале. В третий зал — в нем висели портреты короля и королевы — имели доступ только дамы, если они хотели побеседовать с вице-королем

наедине. Именно поэтому, вероятно, в этот зал вел еще и отдельный ход.

...Шумной и пыльной, как всегда, была разудалая Лима, и, когда он шел сюда, шел, а не ехал в экипаже, поскольку не было у него экипажа и не на что было его нанять, Кироса буквально оглушили — отвык, видно, за три года — неугомонные крики бродячих лоточников, продавщиц воды, разгуливавших с кувшинами на плече — в кувшинах плавали дольки лимонов и апельсинов, — торговцев овощами, фруктами, цветами. Чем ближе к площади, в которую вливалось по меньшей мере восемь улиц, тем оживленнее и многочисленнее становилась толпа, было утро, и до сестры еще далеко, в этот знойный и душный летний день.

Да, было очень жарко, и когда Кирос шел по Каменному мосту (всего в Лиме их было три: Каменный, Деревянный и еще один, безымянный, который просто так и называли — мост), он обратил внимание на то, что Римак, который всегда был не слишком полноводной речушкой, почти совсем пересох и ребятишки с веселым визгом пускали кораблики посередине потока.

Часы на соборной башне показывали десять часов утра, когда Кирос вступил в парадный подъезд. Голова его была свежа и только сердце билось чуть чаще обычного.

— Итак, вы полагаете...

— Ваше сиятельство, — торжественно начал он, — я убежден, что, кроме известных всем четырех материков — а ведь давно ли никто и понятия не имел о том самом Новом Свете, что открыл Колумб и где сейчас находимся мы с вами, — существует еще и пятый материк, Южная земля. Это о ней писали еще древние гео-

графы. Это о ней говорил Птолемей, это она уже семьдесят с лишним лет нанесена на многие современные карты. Возьмите атлас Ортелия 1570 года. Возьмите атлас Меркатора 1589 года! Вы увидите эту пока еще не найденную, но, по расчетам ученых, существующую землю. Правда, не все верят в эту землю. Ну что ж! Задача как раз и состоит в том, чтобы доказать: ее противники ошибаются. И лучшее тому свидетельство — острова. Я их видел сам, зеленые, густонаселенные, южные острова. Пока что правило: много островов — значит вблизи материк — всегда оправдывалось. Вспомните хотя бы того же Колумба! Сперва нашел он острова, а затем и материк, лежавший за ними.

Наша экспедиция закончилась не очень счастливо, что говорить. Но она раздвинула горизонты. Мы положили к ногам его величества гирлянду островов. Дайте мне хотя бы одну-единственную каравеллу, пусть небольшую, тонн на шестьдесят, и я открою для Испании новый мир. Маркизские острова, Санта-Крус, Соломоновы острова — это только начало. Нужно идти дальше — на юг, на юго-запад. Там будущее, там лежат земли, еще никем не обмерянные. И может быть, такие же большие, плодородные, богатые, как Новый Свет.

Он говорит не спеша, убежденно, чувствуется, что он давно и не единожды все это продумал, нет, выстрадал душой и теперь рад поделиться своими помыслами, планами и догадками.

— Все затраты окупятся с лихвой, — продолжает развивать свою мысль Кирос, — продвинувшись на юг, получив новые плацдармы, Испании легче будет разговаривать на Востоке. И к Островам Пряностей доплыть будет проще, не говоря уже о том, что само по себе сулит открытие нового материка.

Разумеется, все это непросто, нужно время, нужны средства. Но все, решительно все можно преодолеть. Южный материк этого стоит!

Вице-король внимательно слушает Кироса. О чем он думает? О королевских инструкциях, в которых снова и снова повторяется одно и то же требование — денег! Испания в войне — объявленной и необъявленной — чуть ли не со всей Европой. Она воюет с Францией, она все еще пытается навязать свою волю восставшим Нидерландам. И, как выяснится весьма скоро, все усилия Филиппа II окажутся тщетными. Ибо примерно в то же время, когда Кирос ведет свой разговор с вице-королем, король вынужден подписать два договора — и расписаться в собственном бессилии. Один из договоров — это соглашение с Францией. О нем французский канцлер скажет: самый выгодный мирный договор за последние 500 лет. И действительно, Испания обязуется убраться с французской территории, вернуть все завоеванные города и крепости. Другой документ носит несколько иной характер, но также достаточно красноречив: признав фактически, что он уже не претендует на верховенство над всеми Нидерландами, Филипп II, пытаясь спасти хоть что-нибудь, передает права на оставшуюся часть инфанте Исабелле.

...Еще месяц-другой, и 30 июня 1598 года немощный, больной старик, которого не любили даже собственные дети, но верноподданно превозносила под влиянием страха вся Испания, этот монарх, чье царствование ознаменовалось дымными кострами инквизиции, одетый, как обычно, во все черное и с орденом Золотого Руна на шее, в последний раз покинет Алкасар, замок своих отцов в Мадриде. Состояние Филиппа II тяжелое, он не может ехать в экипаже. Сооружают паланкин, и два

здоровых лакея несут короля. Дорога неровная, каменная, король грузен. Шесть дней уходит на то, чтобы проделать путь, который в обычных условиях занимает не больше шести часов — к Эскориалу, выстроенному Филиппом II дворцу-мавзолею. Здесь проведет он последние 53 дня своей жизни.

13 сентября 1598 года, процарствовав сорок с лишним лет, он скончается где-то около трех часов ночи, строго-настрога запретив вскрывать свой труп и бальзамировать его.

Всего этого вице-король, разумеется, не знает. Но он осведомлен о том, что разорение в Испании все растет, что король удвоил таможенные пошлины, утроил налог с продажи товаров. Он знает: целые флотилии кораблей дремлют на приколе в Севилье и Лиссабоне — торговля падает, коммуникации растянуты.

Все хлопотнее поддерживать «морской мост» между двумя материками. Новый Свет яростно атакуют с флангов, с фронта, с тыла на своих быстрых судах англичане. Даже в Кальяо ворвался двадцать лет назад, наведя панику на все побережье, английский корсар Фрэнсис Дрейк. И ушел-таки благополучно! Даже Испанию в 1589 году он навестил, разграбил гавань Коруньи, совершил лихой разбойничий налет на Лиссабон. А Клиффорд, а Фробишер и многие другие «морские псы», разгромившие в 1588 году Непобедимую Армаду! У Канарских островов, у Азорских островов перехватывают англичане суда, плывущие из Индий, коршунами выют-ся возле Новой Гренады...

Где уж тут организовывать новые экспедиции! Что же касается проектов Кироса, то, по всей вероятности, моряк в общем прав. Действительно, на многих картах предположительно нанесена большая Южная

земля, и именно там, где Менданья с Кирсом разыскали свои острова. Весьма возможно, что Кирос действительно был неподалеку от Нового материка. Чем черт не шутит... Но стоит ли этим сейчас заниматься? И возможно ли? У него, Луиса де Веласко, и так забот полон рот. Конечно, интересно было узнать, что же произошло с эскадрой Менданьи, но факт остается фактом: из четырех судов вернулось одно, колонии основать не удалось, погибло более двух третей матросов, солдат и переселенцев. А суда нужны здесь, и люди нужны здесь! И вообще, подобно Толедо, Веласко также считает, что незачем гнаться за приобретениями новых земель, справиться бы со старыми. Тем более что ему твердо ведомо: поелику у Кироса нет доказательств, что на островах есть драгоценные металлы, все равно в Совете по делам Индий их зачислят в «никчемные земли».

Вслух он об этом не говорит. Вслух он говорит о том, что найти таинственный материк, а тем более закрепить его за Испанией дело, несомненно, благородное. Он ценит упорство в достижении цели, которую проявляет Кирос. (А что, ему и в самом деле симпатичен этот невысокого роста, худощавый человек, чьи суждения немногословны и свидетельствуют об остроте ума и обширных знаниях. К тому же у Кироса есть план, хватка. Мечты? Ну что же, разве, в конце концов, все не начинается с мечты? Такие вот, одержимые идеей, и открывали новые материка. Увы, прошли те времена, когда империя нуждалась в расширении своих границ!) И добавляет: к сожалению, я не смогу предоставить даже один корабль без прямого указания короля. Такие времена, такие ныне трудные времена. Пусть сеньор Кирос уж не обессудит.

Что поделаешь? Луис де Веласко, видно, скроен из

другого теста, чем его отец, который основал в Мехико университет, послал экспедицию на поиски Флориды и отправил Легаспи на Филиппины.

А может быть, действительно всему виной другие времена?

Ничего, ничего тут не добьешься, это ясно. Веласко сказал все достаточно определенно. Надо ехать в Испанию. Это тоже ему без обиняков сказал вице-король. И даже пообещал снабдить необходимыми бумагами.

Медленно свертывает свои карты и записки Кирос. Вице-король любезно провожает его до двери. Желаю удачи, говорит он. До скорой встречи.

Через семь лет состоится эта встреча. И не в Лиме, а в Мадриде. Веласко к тому времени станет председателем Совета по делам Индий. А Кирос...

Медленно бредет по притихшей Лиме (час отдыха уже наступил, сиеста) усталый мечтатель.

Значит, снова в путь. В путь, ибо Кирос не собирается сдаваться, а в Перу ему разговаривать больше не с кем.

Дорога не ближняя. Но иного-то выхода нет!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В ЕВРОПЕ

ГЛАВА ПЯТАЯ

ТЕРПЕНИЕ, ЕЩЕ РАЗ ТЕРПЕНИЕ

Ехать в Испанию — это означало вновь вернуться в Панаму, откуда он только что прибыл и где чуть ли не все жители (а к этому времени в городе с его четырьмя улицами насчитывалось по меньшей мере

500 испанских домовладельцев и 53 португальских, итальянских и прочих) были либо торговцами, либо торговыми агентами: муку ввозили из Перу и Никарагуа, какао — из Гуаякиля, вино — в основном из Перу.

...22 дня занимает обратная дорога. Кирос спешит, он не хочет терять ни минуты. Он пересекает дерешеек и к концу лета прибывает в Картахену, главную гавань в Новой Гренаде, нынешней Колумбии. Отсюда испанские корабли отправляются в Европу. Но сейчас все они стоят в порту. «В чем дело, — спрашивает Кирос, — что случилось?» — «О, — отвечают ему, — сразу видно, что вы прибыли издалека». И в самом деле, кто из местных жителей не знает о том, что близ берегов курсируют английские корабли! Граф Кемберленд, который по приказу королевы Елизаветы за год до этого отобрал у испанцев Пуэрто-Рико в отместку за поражение, нанесенное знаменитому Фрэнсису Дрейку, привел под Картахену целую эскадру — 20 кораблей: соперничество на морях, борьба за новые земли продолжается. Английские моряки знают, что еще 10 лет назад их королева сказала: морские пути никому не заказаны. Устаревшей практике абордажного сражения они предпочитают лихое маневрирование и стрельбу с дальней дистанции. Без фрегатов эскорта — а они еще должны прийти — ни одно испанское судно не отваживается выйти из гавани. Да и приказ есть соответствующий.

Надо ждать. Ничего не поделаешь. А чтобы время не пропадало зря, Кирос пишет вице-королю Перу подробный отчет об экспедиции Менданы. И одновременно отправляет подробный план своей экспедиции — на тот случай, если с ним что-либо случится. И тоже отправляет его вице-королю.

Наконец появляются испанские военные корабли.

27 дней спустя Кирос в Гаване. Приближается к концу 1598 год. Пока же испанцы грузят свой серебряный флот — он состоит на сей раз из 30 судов и «стоит» ни много ни мало 13 миллионов дукатов (ровно на такую сумму везет он товаров и серебряных слитков). Наступает середина января 1599 года.

Флот выходит в море. И снова неудача. Налетает сильнейший ураган, часть судов тонет, многие, в том числе, и то, на котором находился Кирос, получают основательные повреждения. Еле-еле добирается оно назад, в Картахену. Из Испании присылают свежие суда. На это, однако, уходит без малого год!

...Январь 1600 года. Состоящий из 20 судов серебряный флот — вновь на пути в Европу. Без особых приключений 52 дня плывут корабли. 25 февраля, приветствуемые, как и полагается, орудийными выстрелами, они входят в гавань Сан-Лукар де Баррамеда в устье Гвадалквивира.

Еще немного — и Севилья. Кирос на испанской земле. В кармане у него шесть песо. Это все его состояние.

Это все его состояние, если не считать драгоценных карт, записок, рекомендательных писем. Кирос мог бы спокойно повторить за древним мудрецом: «Все мое ношу со мной», ибо так оно в действительности и есть. Но пока что, оставив все в трактире, он отправляется в город.

...Здесь когда-то он держал экзамен в Торговой палате, отсюда уезжал в Перу. Сейчас он вернулся, кормчий, который не только знает секреты атлантической трассы, но и водил корабли в такие места, каких в глаза никто не видывал в Севилье.

Как же все-таки быть? Ехать в Мадрид, ко двору

Филиппа III или не ехать? Медлить нельзя, времени и так прошло много. Но прямой путь отнюдь не всегда наикратчайший. И отнюдь не всегда наилучший.

А что, если сделать по-другому? Не к королю отправиться, а к папе, сначала к папе. Надо ехать в Рим? Да, разумеется, путь удлинится довольно основательно. Но зато он, возможно, станет более верным. Разве не в интересах папы приобщить к святой католической вере, единственной истинной вере, миллионы заблудших душ, которые населяют Южную землю? И если ему удастся добиться благословения папы и, может быть, получить у него рекомендательные письма, то ведь и к королю будет попасть легче. Не откажет же тот человеку, у которого рекомендательное письмо самого папы, не откажет ведь он Киросу — в чем, собственно, в пустяке — в разрешении открыть для него же, для короля, новый материк!

Именно так. Надо заинтересовать своим планом папу. Если это удастся, легче будет получить аудиенцию у короля. А к папе можно отправиться вместе с паломниками, вон сколько их собралось у пристани; начало нового века, святой год, кто только и зачем только не отправляется нынче в Рим! Денег понадобится немного, в крайнем случае и подаянием пробавляться можно.

В Севилье, на одной из улиц, так же как Rua Nova в Лиссабоне, усеянной кабаками и тавернами, Кирос находит лавку не то старьевщика, не то продавца краденых вещей. Хитрый андалузец не торопится набавлять цену, он ждет, пока Киросу надоест торговаться, и в конце концов покупает у него за бесценок его костюм. Но Кирос и этому рад. На полученные гроши он приобретает немудреное одеяние странника.

...Весна! Полный надежд, шествует Кирос с посохом

в руке по щедрой земле Андалузии. Травы поднялись рано, с веселым щебетанием носились птицы. Гранатовые и апельсиновые рощи стояли словно в желтоватобелом мареве, и небо было высокое и ясное.

Потом вместе с остальными паломниками он втискивается в старую, того и гляди развалится на ходу, посудину, что, скрипя по всем швам, отходит от набережной в Барселоне и все-таки умудряется дойти до Генуи. Все с той же толпой прибывших для молитв и покаяний Кирос, питаясь подаваниями доброхотов, которым уже успело изрядно надоест бесконечное шествие кающихся и расчесывающих себе спины под грязными рубищами паломников, останавливаясь на ночлег, где бог пошлет: на монастырских подворьях, возле бесчисленных церквей, на постоянных дворах, а то и просто посреди поля, — в конце концов все же прибывает в Вечный город. В город на семи холмах, пославший некогда свои железные легионы на завоевание Эворы.

Но это было давным-давно.

Сейчас о былой мощи напоминали только немногочисленные остатки зданий и храмов Древнего Рима. Время и люди немало потрудились над тем, чтобы их разрушить. Там и сям возле древних храмов возвышались на фоне убогих домов римской бедноты прочные квадратные и круглые башни-крепости — дань феодальным междоусобицам и бесконечным войнам с иноземными захватчиками.

Впрочем, войны и междоусобицы продолжаются и сейчас. Половина Италии под иноземным владычеством. Но в Риме относительно спокойно.

Здесь, на Ватиканском холме, стоит дворец наместника святого Петра — множество старых и новых зда-

ний, домов, церквей, местами соединенных переходами и обнесёнными темной стеной с низкими круглыми башнями. И знаменитый Бельведер и еще более знаменитая Сикстинская капелла, расписанная многими великими художниками и в первую очередь бессмертным Микеланджело.

Отсюда, из Ватикана, идут распоряжения всей христианской пастве — в страны романских языков в основном, ибо в Германии со времени Лютера целые княжества и королевства приняли ложную веру; неблагополучно и в Швейцарии, ставшей оплотом кальвинистов, и совсем плохи дела в Англии. И это отсюда недавно было послано в Венецию злодейское требование: «Указанный брат Джордано Бруно должен быть отослан к трибуналу инквизиции Рима».

...В ночь с 16 на 17 февраля 1600 года на башне Братства усекновения главы Иоанна Крестителя зазвонил колокол.

Римляне знали: предстоит сожжение еретика. Из тюремной башни Торре ди Нона Бруно повели через мост. Внизу нес свои холодные воды Тибр. Затем по улице, которая нынче называется Корсо, процессия вышла в переулок Лучников, примыкавший к площади Цветов — Кампе ди Фьоре.

Ночь уже кончилась, но и утро еще не наступило. При свете факелов с Бруно сорвали одежду. На него накинули грубую ткань, пропитанную серой и размазанную языками пламени. Она едва доходила ему до колен. Потом вспыхнул костер.

Так в Ватикане расправлялись с инакомыслящими.

С верными слугами господними, в частности с паломниками, обращались совсем по-иному: их водили по Ватикану, они присутствовали на торжественных бого-

служениях, удаивались великой чести лицезреть самого папу: он служил свяную мессу в огромном новом соборе, соборе св. Петра.

Кироса не интересуют ни собор св. Петра, ни старые церкви и соборы, хотя вообще-то он человек набожный. Ему нужно получить аудиенцию у папы. Задача достаточно сложная: Кирос успевает в этом убедить довольно скоро. В Риме наплыв паломников, и многие из них как о величайшей милости мечтают о том, чтобы побывать в покоях папы, поцеловать его туфлю. Такое счастье выпадает, однако, очень немногим, да и то преимущественно тем, кто может внести значительный дар на нужды господни.

Дар у Кироса есть — целый материк, который он собирается открыть, вот денег нет.

...Вспомнил ли он, что Диего де Сориа, глава Доминиканского ордена в Маниле, очень тепло относившийся к Киросу, рассказывал ему, что знаком с испанским послом при папском дворе? Были ли у него взятые на всякий случай рекомендательные письма? Трудно сказать. Известно лишь то, что он обратился за содействием к послу. Все-таки он был подданным испанского короля, и к кому еще было обращаться ему в чужом городе, в чужой стране, да еще по такому чрезвычайному поводу?

Как у всякого порядочного испанского гранда, у испанского посла в Риме Антонио Фернандеса де Кардоны и Кордовы, герцога Сеса было еще много всяких других титулов, свидетельствовавших о том, что он принадлежал к знатному и богатому роду и владел большими и малыми поместьями в различных уголках Испании. Он действительно был и богат и знатен, пред-

ставитель его королевского величества при дворе наместника святого Петра и за годы пребывания в Риме успел неплохо освоиться с нелегкими своими обязанностями. И самое главное — наладить сравнительно неплохие отношения с папой Климентом VIII, которому в свое время испанский монарх всячески мешал занять папский престол.

Сеса был не только ловким дипломатом, но и хорошо образованным человеком, помимо латыни, владел греческим и еще полудюжиной новых языков, увлекался естественными науками, неплохо разбирался и в астрономии и в географии. Со слов Диэго де Сориа, успевшего прислать своему знатному покровителю подробное письмо, Сеса знал об экспедиции Кироса. Манильский доминиканец очень тепло отзывался о мореплавателе, хвалил его знания, мужество, верность поставленной цели. Узнав о том, что некий капитан Педро Кирос просит посла принять его, Сеса отменил поездку на бал.

Манильский приор писал Сесе, что Кирос хочет продолжить дело, начатое Менданьей, — в интересах католической церкви и испанской короны, и теперь Сеса услышал то же самое из уст самого Кироса. Услышал он и подробности о необыкновенном плавании, увидел карты, расчеты, с большим интересом узнал о том, что у Кироса широкие планы и что он полон решимости открыть Новую землю, в существовании которой уверен.

Сесе введена история географических открытий. А вдруг Кирос прав? Что далеко за примерами ходить? Не так ли было с Колумбом? С Магелланом? Последнему даже пришлось защищать свой проект перед целым ученым синклитом...

А почему бы, кстати, и в данном случае не посоветоваться с учеными? Нет, это не должно восприниматься как своего рода экзамен, не дай бог! Кирос человек увлекающийся, он одержим своей идеей и охотно о ней говорит. Он и не заметит, что дружеское собеседование с учеными станет одновременно своего рода испытанием. Конечно, Сеса на стороне капитана. И не только потому, что его увлекает мысль Кироса разыскать еще один материк. А и потому также, что дипломату удобно и выгодно показать, что он печется о благополучии того государства, в котором аккредитован. Тем более если речь идет о государстве, претендующем на роль духовного центра мира. Почему бы не пообещать папскому престолу многочисленного приращения паствы? Или, во всяком случае, такой возможности? Это наверняка будет приятно папе и в то же время лишний раз засвидетельствует, что в делах веры испанский двор не только считается с интересами папы, но даже готов пойти на некоторые материальные издержки.

Да, он на стороне Кироса, которого ему, видно, прислал сам бог. Но не худо бы и проверить расчеты португальца. Все-таки он, герцог Сеса, собирается представить Кироса папе. И папское благословение вместе с письмом посла должно открыть Киросу доступ во дворец испанского монарха.

Игра затеяна интересная, но Сеса, и в этом он, наверное, прав, хочет точно знать свои козыри.

Кто откажет герцогу Сесе, человеку обходительному и отнюдь не профану в науке, в просьбе посетить его дом и принять участие в обсуждении одного любопытного проекта? И поэтому в назначенный день и час в обширном особняке герцога собираются мореходы, математики и географы, коим были вручены пригла-

шения, и среди них немало известнейших, как, например, старенький, правда, уже Кристоф Нагель из Бамберга, знаменитый математик, крупнейший авторитет в области эвклидовой геометрии и вычислительных методов в астрономии, человек, чье имя связано с введением так называемого григорианского календаря. Здесь крупные картографы, здесь кормчие, отнюдь не понаслышке знающие Атлантику, побывавшие на Островах Пряностей, в Перу и даже проделавшие путь на Филиппины. Здесь механики, хорошо знающие Кардана и профессора Падуанского университета Галилео Галилея.

...Время было сложное, емкое, проговоречивое. Еще только первые шаги делало опытное знание. И они были нелегки.

Зреют семена конфликта между узаконенной догмой и свободным исследованием, и все яснее становится тем, кто над этим размышляет, что теории надо проверять на практике.

...Именно эти слова Роджера Бэкона, знаменитого ученого и изобретателя, сказанные еще в XIII веке, напоминает один из почтенных картографов, невысокого роста, в монашеской одежде старик, многие годы изучавший все сведения о неисследованных уголках земного шара.

— Давно ли, — продолжает он свою мысль, — многие считали по примеру древних зону южных широт необитаемой, более того, опасной для жизни. И все это на основании того, казалось бы, незыблемого постулата, что жара якобы увеличивается и концентрируется по мере продвижения от полюса к тропикам. Но, как справедливо заметил в своей «Естественной истории» Акоста, подытоживший результаты многих путешест-

вий, в указанной зоне живут люди, там нет и особой сухости воздуха. Жарко, конечно, но все зелено, и воды достаточно, в июне месяце даже слишком много: дожди идут денно и нощно.

Что же касается Южной земли, то, как, должно быть, известно всем здесь собравшимся, знаменитый картограф Меркатор в примечании к своей карте 1569 года достаточно определенно отметил: существуют три континентальные массы: Старый Свет, известный еще древним, Новая Индия, то есть Америка, и Южный континент. Того же мнения придерживается и автор опубликованной в Венеции «Географии» Ливии Сануто. А вот что пишет Лансело Вуазен, чей трактат, вышедший в 1582 году во Франции, так и озаглавлен «Три света» — я тут только одну выдержку прочитаю: «Неоткрытыми осталось больше земель, нежели открытых в новые времена, и они вряд ли уступят последним во всякого рода богатствах и чудесах природы». Простите, я на минуту еще задержу ваше внимание. Вот еще одно интересное место: «Беря в расчет примерную величину этой суши и место ее расположения, следует признать, что там должно быть не меньше чудесных вещей, нежели в уже известных нам мирах. Тот, кто сумеет открыть эту землю, сравняется в славе с Колумбом и Магелланом».

Как в свое время Колумб, как некогда Магеллан, так и Кирос стоит теперь перед учеными-экспертами, с той только разницей, что тем знаменитым мореплавателям приходилось защищать свои взгляды чуть ли не против всех, а Киросу этого делать не нужно: большинство присутствующих на его стороне. Но отвечать на их многочисленные вопросы далеко не всегда просто.

Конечно, он помнит то место из сочинений Акосты,

которое упомянул только что выступивший сеньор. Акоста считает, что море никогда не уходит от суши дальше чем на тысячу лье. И еще он говорит в своей книге: «Недалеко от островов, нареченных Соломоновыми, есть большая суша, весьма возможно, что она спускается к югу до Магелланового пролива». Акоста даже пишет, что земля эта столь же велика, как Европа, Азия и Африка, вместе взятые. А разве сам Меркатор не поместил эту пока еще неведомую землю на своей карте? Да, конечно, он помнит, что не все географы и картографы единодушны в данном вопросе. Южной земли нет в «Космографии» Апиана, вышедшей в свет в 1540 году. Нет и на картах Баттисты Аньезе. Ее не пометил и Себастьян Кабот, знаменитый навигатор, но его карта относится к 1544 году. И отмечал он на ней только то, что было твердо известно. Но разве земля, открытая Колумбом, разве пролив, открытый Магелланом, были помечены на картах? Он, Кирос, верит в существование Южной земли, верит Меркатору, назвавшему ее пятой частью света, верит тому, что в далеком океане видел собственными глазами: многочисленные, ранее никому не известные острова, которые, по его мнению, являются своего рода форпостом Южной земли.

Кирос рассказывает об инкских легендах, вспоминает плавание Сармьенто и Менданди, рассказывает о своих плаваниях. Понимает ли он, для чего Сеса назвал сюда всех этих гостей? Понимает. Он прямодушен и простодушен, Кирос, но он совсем не простак.

Для большинства собравшихся у Сесы гостей идея о существовании Южной земли, конечно, не нова. Но рассказ человека, побывавшего в такой редкостной экспедиции, как Кирос, чрезвычайно любопытен.

Они с большим вниманием выслушивают его. И довольно быстро убеждаются, что приехавший из Перу капитан обладает весьма основательными познаниями и в навигационном искусстве, и в географии, и в астрономии, и во многих других областях.

Воодушевившись, Кирос чертит схемы, показывает карты, рассказывает о своих проектах.

Итак, чего же хочет капитан Кирос?

Весьма немногого. Поскольку населенные острова всегда свидетельствуют о том, что где-то за ними находится материк, следует разыскать этот материк. И к вящей славе церкви обратиться в христианство местное население.

Об обращении туземцев Кирос упоминает вовсе не только потому, что ему надо заручиться поддержкой папы. Он искренне верующий католик и не менее искренне убежден, что обращение местных жителей в христианство — благо прежде всего для них самих. Его слова вызывают всеобщее сочувствие, и уже совсем покоряет рассказ Кироса о двух изобретенных им приборах. Один должен помочь в исчислении отклонений магнитной иглы, что, в свою очередь, облегчит вычисление долготы — проблема, которой будут заниматься вплоть до XIX века. А второй поможет исчислять высоту звезд и, соответственно, точнее находить широты.

Такому знающему и толковому человеку, к тому же опытному и неукротимому мореплавателю можно поверить. И доверить. Таков вывод Сесы. И совершенно логически напрашивается решение: да, надо помочь Киросу попасть к папе.

Очевидно, даже Сесе это было не так просто. Или мешало что-то. Но около года должен был терпеливо ждать Кирос. И он ждал — в настойчивости,

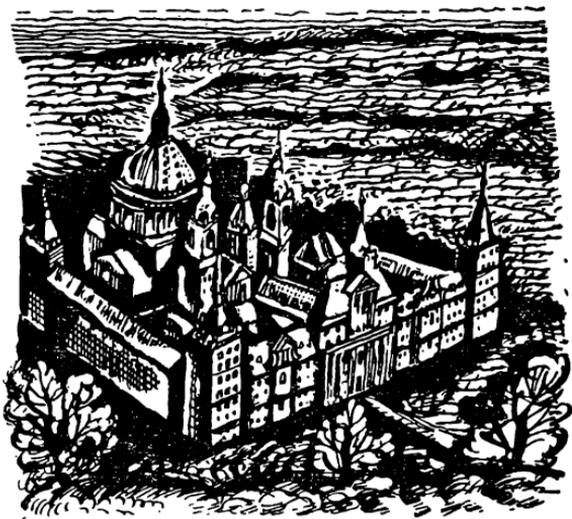
целеустремленности мало кто мог с ним соперничать. Ждал, твердо веря в успех, ждал, понимая, что приехать с письмами папы к королю означает почти наверняка выиграть дело. И еще потому терпеливо ждал благословения папы неистовый мечтатель, что были у него особые, тайные планы, о коих он никому ничего не говорил: они относились к системе управления будущими колониями, и ему казалось, что папское благословение поможет ему и в этом.

28 августа 1601 года Кирос, наконец, получает долгожданную аудиенцию.

Теплый осенний день. В одном из приемных залов Ватикана два человека — папа Климент VIII, худощавый профессор канонического права, выходец из знатного итальянского рода Альдобрандини и капитан Педро Кирос.

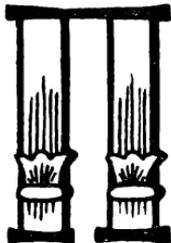
Папа внимательно слушает. В принципе этот прием своего рода формальность. Климент VIII знаком в общих чертах с проектами мореплавателя и принимает он его скорее из любопытства: мнение уже составлено. Святой престол не имеет ничего против затеи Кироса и готов благословить его деяния. А посему папа охотно отдает распоряжение написать письмо королю Испании Филиппу III — в конце концов путешествие будет совершено не за его, Климента VIII, счет, подписывает письмо и даже вручает Киросу шесть бревен и — верх благоволения — щепку св. Креста. Рекомендательные письма Киросу дает и герцог Сеса.

Теперь, пожалуй, можно ехать в Испанию. Но снова какие-то дела задерживают Кироса. Лишь весной 1602 года отправляется он в обратный путь. Вновь весна, и вновь дальняя дорога. Римини, Феррара, Лоди, Милан, Падуя, Генуя. Здесь он садится на корабль, идущий в Барселону.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СВЕРШИЛОСЬ!

О меньшей мере два десятилетия воздвигали недалеко от Мадрида (таково было желание Филиппа II) не виданный нигде до этого замок. Недалеко от Мадрида, ибо этот невзрачный и ничем не примечатель-

ный городок, лежавший посреди бесплодной равнины, избрал король столицей. Здесь, неподалеку от чиновничьего царства, каким очень скоро стал Мадрид, должен был находиться и загородный королевский дворец. Место для него выбирали долго: король хотел, чтобы в округе был красивый пейзаж, хороший климат и летом не слишком жарко.

Без малого год искала такое место специальная комиссия — в нее, помимо придворных и чиновников, входили врач, архитекторы и каменщики. И нашли — возле одного из отрогов Гуадарамы, неподалеку от деревушки Эскориал, что означает «шлаковое поле», — некогда здесь рядом добывали железо. С севера и запада возвышались скалистые бастионы Сьерры. На востоке и юге открывался вдалеке красивый вид.

10 августа 1557 года — в ту пору испанские войска еще одерживали победы и Филипп II не поверил бы ни одному астрологу, который (если бы таковой нашелся) предсказал грядущий мятеж в Нидерландах и гибель испанского флота — пехотинцы и конница испанского владыки под командованием герцога Филиберта Савойского неподалеку от Сен-Кантена наголову разбили французов. Поскольку бой был выигран в тот день, который по христианскому календарю посвящался памяти мученика святого Лаврентия, Филипп решил: победой испанцы обязаны святому. Именно в его честь и следует возвести часовню или церковь.

Такова была первоначальная идея. Она приобрела несколько иные очертания, когда вскрыто было завещание скончавшегося в Юсте Карла I, отца Филиппа II. В завещании была просьба построить для него и всей его габсбургской королевской семьи, властвовавшей в Испании, подобающее общее захоронение, пантеон.

Так не превратить ли церковь также и в гробницу? Не воздвигнуть ли вместе с церковью и усыпальницу—мавзолей? Потом решили к задуманному комплексу добавить еще и дворец, где Филипп II, отрешенный от мира, мог бы чувствовать себя одновременно вершителем судеб этого мира; дворец, в котором нашла бы свое выражение обуревавшая короля идея вселенской церкви.

И таким всеобщим и вселенским центром и должен был стать Эскориал.

Итак, монастырь, церковь, дворец, богословский центр с громаднейшей библиотекой типа Ватиканской, с кунсткамерами и богословской школой, но одновременно и огромный склеп, в который начиная с 1573 года принялись отовсюду свозить останки родственников короля: сначала жены его Изабель де Валуа, потом умерщвленного им сына, дона Карлоса, затем — Карла I, отца. В 1586 году было закончено строительство большой базилики и находящегося под ней склепа — туда и стали переносить все эти доставленные из различных уголков Испании, Португалии, Франции, Венгрии, Нидерландов многочисленные гробы.

А строительство Эскориала все продолжалось.

Со всех концов колоссальной империи доставляли сюда все необходимое: канаты и тросы из Толедо и Мадрида, темную и зеленую яшму из Аранхуэса, белый мрамор из Филабреса и Эстремоса, светильники из Фландрии.

Флоренция присылает драгоценные брокаты, Гренада — бархат и дамаск. Из заморских стран доставляют столь любимое монархом черное дерево, привозят красное дерево.

20 лет трудятся архитекторы, каменщики, художники,

обойщики, столяры, мастера по отливке колоколов. Тысячи людей втянуты в работу. Дважды меняется план и, естественно, также и объем работ, вдвое по сравнению с первоначальным замыслом увеличивается число этажей: фундамент крепкий, выдержит.

...Его монументальность подавляла, его величественность, которая — так было задумано — символизировала величие короля и величие истинной веры, должна была наводить посетителя на мысль о своей греховности и ничтожности.

206 метров в длину, 161 в ширину имел дворец. По одной на каждом из четырех углов возвышались башни. В нем насчитывалось 1200 дверей, 86 лестниц.

А в целом этот огромный ансамбль напоминал своего рода колоссальную жаровню, ибо, как рассказывалось, великомученик Лаврентий удостоился поджаривания на жаровне.

Королевские апартаменты находились в ручке «жаровни».

Рабочий кабинет его величества короля издавна считался главной святыней дворца. Для того чтобы попасть туда, надо было миновать четыре зала. Сначала с главной лестницы посетитель должен был пройти в большую залу, оттуда в маленькую, как ее называли, залетту, затем он попадал в большую переднюю, антекамеру, и, наконец, в маленькую прихожую, или антекамарилью. К ней непосредственно примыкал кабинет короля, за кабинетом находились спальные покои, комната для одевания, вестуарий, потом промежуточная зала, камаран.

В зависимости от своего положения или придворного чина посетитель должен был ждать — так это было заведено еще при Карле I — в одном из залов или в пе-

редней. Около каждой из дверей в залу и в залетту стояли по два стражника, их именовали «портерос», и задача их заключалась в том, чтобы не пропускать никого не имевшего на то соответствующего разрешения. У входа в антекамеру и антекамарилю стояли еще по два часовых более высокого ранга.

Кирос миновал и этих стражников, следуя за своим провожатым, отвесил, как и полагалось — за этим следовали, — поклон трону, который стоял в антекамере, где нередко происходили аудиенции. Короля в комнате не было, но трон служил своего рода символом величия, он как бы представлял короля, и по сему трону надо было кланяться и возле него нельзя было находиться с покрытой головой.

Обо всем этом Кироса заранее предупредили. Равно как и о том, что по существующему придворному церемониалу обычные посетители, если их удостоивали аудиенции, а также посланники маленьких государств, офицеры армии и флота, чиновники средней руки, художники, ученые представляли пред очи монарха тут: дальше антекамеры их не пускали.

Провожатый, однако, спокойно прошел дальше, и это означало, что Кирос имеет право последовать за ним в антекамарилю, и это было большой честью, ибо здесь король обычно принимал лишь тех, кто пользовался правом кубриос, то есть правом пребывать в присутствии короля с покрытой головой — грандов, епископов, генералов, членов религиозных орденов, членов Государственного совета и Совета по делам Индий, кавалеров орденов Золотого Руна, Сантьяго, Алкантары и Калатравы.

Кирос не принадлежал ни к одному из этих орденов,

у него не было знатной родословной. И тем не менее его повели еще дальше — туда, куда доступ при Филиппе II имели лишь немногие, в рабочий кабинет. Нет, не в том было дело, что якобы, как уверяли придворные льстецы, порядки при дворе стали мягче. Они остались абсолютно такими же, как и при Филиппе II, не изменилось ничего. Все та же табель о рангах, все то же чиновничество, все тот же церемониал. Но и при прежнем монархе случалось, что тех или иных нужных монарху людей проводили по его приказанию к нему в кабинет. Особы, коих в обход установленного церемониала допускали в святая святых дворца, так и назывались: те, кого король удостоил приема.

На сей раз удостоили приема капитана, прибывшего с рекомендательными письмами самого папы. И дело было не только в письмах, хотя его королевское величество прочел их самолично. В кабинете еще со времен Филиппа II находился большой глобус, а без него в данном случае никак нельзя было обойтись.

Впрочем, король со вниманием выслушал Кироса. Интересные вещи рассказывал капитан! Филипп III не очень-то утруждал себя государственными делами и, так же как и господа члены Совета по делам Индий, в общем считал, что прежде всего следует укреплять позиции Испании в захваченных землях. Но он понимал: то, что задумал Кирос, несомненно, в интересах короны. Почему бы действительно не продолжить плавание в Южном море, не превратить Тихий океан в Испанский? Почему бы не постараться овладеть новыми землями? И потом, не так уж много, в сущности, просит Кирос: разрешения продолжить исследования, два-три корабля. А для себя лично вообще ничего.

Аудиенция длится не очень долго.

Король милостиво отпускает Кироса. Вопрос о новой

экспедиции решен. Подробности сеньор капитан обсудит в соответствующих ведомствах... —

17 июня 1602 года. Может быть, и в самом деле капитан Кирос вскоре сумеет продолжить свое путешествие?

Нет, все далеко не так просто. Даже кое-кто из членов Государственного совета не скрывает своих сомнений. Зачем, собственно говоря, нужны эти новые земли, рассуждают они, зачем нужен еще один материк, который собирается подарить испанской короне Педро Кирос? Зачем, если Испания и так не может освоить все захваченные ею территории?

Еще каких-нибудь лет пятьдесят назад такие соображения и не возникали бы. Теперь Кирос на собственном опыте испытывает, что значит родиться слишком поздно. В нем еще жив старый дух открытий, неумная страсть к познаниям, дерзкая смелость открывателя новых земель и впередсмотрящего. Но новые земли — во всяком случае, в бюрократическо-аристократической верхушке, которая и должна решить вопрос о снаряжении экспедиции — никого особенно не волнуют.

К этому добавляется еще и обычное ведомственное соперничество. Господа из Совета по делам Индий весьма и весьма недовольны тем обстоятельством, что король направил Кироса в Государственный совет, не согласовав сначала вопрос с ними. Правда, Киросу, догадавшемуся, в чем тут дело, удается частично исправить это — он наносит визит графу Лемосу, президенту совета, и подробно рассказывает о своем проекте. Но только частично. Ибо, хотя Кирос только и занят тем, что днем ходит по всяким инстанциям, а вечером и ночью пишет бесконечные объяснительные записки и жалобы, дело не движется с места. В чем ведении, черт возьми,

должны находиться земли, которые собирается открыть невесть откуда взявшийся капитан? По логике, в ведении Совета по делам Индий. Ежели их отнесли по ведомству Государственного совета, то почему тогда должен опекать эту экспедицию Совет по делам Индий?

— Помилуйте, — доказывают другие. — Отправляется-то экспедиция из Перу. Это домен Совета по делам Индий. А вот земли, которые собирается открыть Кирос, они далеко в океане, они не относятся к сфере деятельности этого совета.

Девять месяцев продолжается борьба, и все же 5 апреля 1603 года Киросу вручают три подписанных королем документа. Первые два адресованы вице-королю Перу, один — всем властям и чинам необъятной империи: просьба оказывать Киросу необходимую помощь.

И ему разрешалось главное: заняться поисками Южного континента.

Зная, как трудно вести соответствующие переговоры в Перу, Кирос просил позволения отправиться в плавание из испанского порта. Но в этом ему отказали.

И была в документах одна на первый взгляд не очень важная деталь: экспедицию предписывалось снарядить и отправить перуанским властям, и, следовательно, она, казалось бы, должна была подчиняться как высшей инстанции — мы уже говорили об этом — Совету по делам Индий. А ее все-таки подчинили Государственному совету! Практически сие означало, что «Австралийная Индия», как именовался еще не открытый материк, уже заранее отбиралась у Совета по делам Индий, что, естественно, в конечном итоге не могло не отразиться на делах Кироса. Ибо он волей-неволей оказался в сфере взаимных счетов и интриг двух могущественных ведомств.

Но Кирос еще не очень задумывается над этим. Слава богу, что вообще удалось добиться разрешения на экспедицию. Пусть не из Испании, пусть из Перу!

Для себя лично он по-прежнему ничего не просит. Никаких привилегий, никаких титулов. И зря. Ибо в основанной на чиновочитании Испанской империи излишняя скромность — во всяком случае в глазах имущих, чиновных и сановных — не украшает человека.

Но что Киросу до всей этой суеты сует. Ему бы скорее попасть в Перу.

Заполучив желанные бумаги, Кирос едет в Севилью, улаживает там последние дела и спешит к устью Гвадалквивира, дабы поспеть на уходящую в Америку флотилию.

И опаздывает. Едва он прибывает в Кадис, как армада выходит в море.

Неужто ждать следующую?

На его счастье, находится фрегат, который немного задержался в порту. Кирос знакомится с капитаном и 29 июня отправляется догонять флотилию. Это ему удается. 1 августа эскадра на Малых Антилах. И вдруг в тот момент, когда корабли отдают якоря в одной из бухт на Гваделупе, налетает сильнейший шторм. Несколько кораблей выбрасывает на берег, многие получают сильные повреждения. Корабль Кироса невредим. Но, едва выбравшись с остатками флота из Гваделупы, судно неделей позже, по дороге на Кюрасао, разбивается о прибрежные скалы маленького острова. В результате Кирос попадает в Венесуэлу и вынужден ждать здесь попутного фрегата.

Восемь месяцев проводит он в Каракасе. И надо же случиться такому! К своему великому изумлению, совершенно случайно находит он здесь семью своего

брата, пропавшего без вести много лет назад. Трое сирот — их мать тоже умерла — воспитываются у бабушки. Кирос хочет забрать с собой всех троих — обоих племянников и племянницу. Но бабушка отпускает только юношей. Девушку она оставляет при себе.

После долгих мытарств Кирос, наконец, попадает в Картахену. Денег у него почти нет, и он вынужден обратиться за помощью к губернатору. И получает отказ. На последние гроши Кирос добирается в Панаму. Через два дня отсюда пойдет корабль в Кальяо. Кирос пытается, предъявив свои документы, получить хоть какую-нибудь помощь. Ему смеются чуть ли не в лицо. Пусть покажет предписание, адресованное непосредственно панамским властям, предписание, в котором совершенно точно указано, какую именно сумму он должен получить в Панаме.

Но такого документа у него нет.

Несчастье, как известно, не приходит одно. Забравшись на плоскую крышу местной больницы, чтобы полюбоваться праздничной процессией, Кирос неожиданно-негаданно попадает в катастрофу. Ветхая кровля под тяжестью людей рушится, гибнет много больных, есть жертвы и среди тех, кто стоял на крыше. В их числе и Кирос.

Пять месяцев вынужден он проваляться на больничной койке, пять драгоценных месяцев: у него раздроблена нога, и с большим трудом врачам удается ее спасти.

Едва оправившись после болезни, Кирос отправляется в Перу и 6 марта 1605 года прибывает в Кальяо. Заплатить за проезд ему нечем, и он пишет очередную расписку. Деньги на покупку лошади ему дает один знакомый. Вперед, вперед!

Темной ночью въезжает он после семилетнего отсут-

ствия в Лиму. Семь вычеркнутых из жизни лет — только потому, что бывший вице-король Веласко, избегая ответственности, не пожелал помочь организовать новую экспедицию.

В Лиме ночь, и человеку, имеющему при себе указы за подписью короля, никто не хочет даже открыть двери. Напрасно в поисках крова стучится он в кабаки, напрасно пытается переночевать в кордегардии. Наконец какой-то горшечник, сжалившись над незнакомцем, разрешает ему устроиться в своей мастерской. Высвободив себе место, Кирос ложится спать посреди комьев глины и готовых кувшинов.

Два года понадобилось Киросу, два года, полных невзгод и страданий, чтобы добраться из Испании в Перу. И сейчас он спешит, он не хочет больше терять ни часа. В первое же утро он пытается попасть на прием к вице-королю. Это удастся не сразу. Все же на пятый день новый вице-король дон Гаспар де Суньига-и-Асеведо, граф Монтерей, принимает его. Читает письма от своей супруги, переданные ему Киросом, внимательно прочитывает подписанные королем документы. Ему не слишком по душе все эти предписания, но, вежливо улыбаясь, он говорит Киросу: «Хорошо, рассмотрим». И назначает день.

И снова, как у Сесы, в Риме, Кирос подвергается своего рода проверке. Снова должен он показывать карты и записи, рассказывать о своих планах. Его слушают внимательно, многие из присутствующих здесь знают его, он рассказывал им семь лет назад по возвращении из Манилы о том, как все было. Ему задают вопросы, он на них отвечает, и как будто ответы вполне удовлетворяют аудиторию. Все же чувство смутной тревоги не оставляет Кироса. Такое впечатление, что вице-король не

слишком доволен всем происходящим, что он в чем-то не согласен с тем, о чем здесь говорят.

Это ощущение соответствует истине. Все становится ясным, когда вице-король внезапно вносит еще одно предложение. Не считает ли Кирос, что было бы лучше избрать основной базой и исходной точкой для планируемой экспедиции не Перу, а Манилу? Она ведь ближе к цели?

Ход, уже хорошо знакомый Киросу. Но и он успел кое в чем поднатореть во время своих хождений по канцеляриям в Мадриде. И потому спокойно говорит: какая-то доля истины в словах его светлости есть, от Манилы действительно ближе к цели. Но в Маниле слишком мало людей, там не найдешь нужных кораблей. И он не может не обратить внимания высоких господ на то обстоятельство, что в предписании, а его подписал сам король, названы не Филиппины, а Перу. Хорошо ли будет, если нарушат волю короля?

Затем он спокойно вынимает из папки копию привезенного им указа (канцелярские крысы в Мадриде давно уже научили его этой нехитрой, но крайне необходимой тактике: иметь при себе копию документа!) и, вежливо испросив разрешения у несколько оторопевшего вице-короля, говорит:

— Господа, дабы не было недоразумений, разрешите еще раз ознакомить вас с указом.

Попробуй скажи-ка, «нет»! Монтерею не остается ничего другого, как согласиться. На минутку, прервав Кироса, он успевает только заметить, что, разумеется, ему и в голову не приходило нарушать приказ. Речь идет об интересах дела. И в этой связи следует сказать, что, по его мнению, не худо бы еще раз продумать весь план. Может быть, есть смысл внести в него кое-какие поправки.

— Вряд ли, — в тон ему отвечает Кирос, — можно что-либо возразить против тех или иных поправок, буде они появятся. Мне, однако, поскольку разговор зашел об общих принципах, хотелось бы напомнить, что в указе его величества сказано: «Капитану Киросу следует незамедлительно отправиться в путешествие, которое должно начаться в Перу, и я предписываю и приказываю вам по его прибытии в Лиму предоставить ему два очень хороших корабля, которые удовлетворяли бы его, с соответствующей командой, а также снабдить корабли необходимыми съестными припасами, оружием и боеприпасами в достаточном для столь далекого путешествия количестве... Имейте в виду, моя воля состоит в том, чтобы упомянутый капитан Кирос отправился в свое путешествие безотлагательно...» — Кирос останавливается. Он видит, как багровеет вице-король, и посему предпочитает — не надо дразнить гусей — опустить концовку.

Но вице-король ее читал и отлично знает: указ заканчивается так: «Я возлагаю на вас ответственность и приказываю вам со всей определенностью наибо́льшим образом исполнить приказание, не ссылаясь на трудности и не проявляя сомнения... И на то, что этот указ прислан не через Совет по делам Индий».

Король Филипп III, или, точнее, чиновник, составлявший указ, неплохо, очевидно, знал все хитрости, к которым прибегали всемо́гущие наместники, когда по той или иной причине хотели отложить в долгий ящик полученное предписание. Да и Кирос кое-чему научился за то время, что волею судьбы месяцами обивал пороги мадридских канцелярий: иногда необходимо и припугнуть противника, средство это сильное.

Но Кирос — всего лишь безвестный капитан. И вице-король — о, разумеется, воля короля для него закон! —

продолжает настаивать: в проекте есть неясные места, кое-что нуждается в уточнении.

Что сие означает, Киросу известно хорошо. На вооружение взята тактика проволочек. Худо будет, если не удастся преодолеть все препятствия до начала октября: дальше начнется не слишком подходящий для далеких путешествий сезон. И пока медленно и со скрипом вертятся колеса перуанской бюрократической машины, пока отдельные детали предстоящего плавания рассматривают большие и малые комиссии, время идет, неделя бежит за неделей.

Переговоры, переговоры, переговоры — на рынках, в чиновничьих апартаментах, в монастырях, в казармах. И везде нужен глаз да глаз.

Корабли уже грузят, когда Киросу внезапно наносит визит неожиданный гость — Фернандо де Кастро, муж Исабель.

— Чем обязан? — несколько недоуменно спрашивает Кирос.

— Не на Соломоновы острова собираетесь? — вежливо осведомляется Кастро. — Супруга просит напомнить: верховные права на острова по наследству от Мендании перешли к ней. И она категорически возражает против того, чтобы вы или кто-нибудь другой отравились к этим землям.

Приходится показать соответствующее место из предписания короля:

«Приказываю капитану Педро Фернандесу Киросу, португальцу, проследовать в город Лиму, в Перу и с двумя кораблями, обеспеченными людьми, продовольствием, снаряжением и боеприпасами, отправиться оттуда к Новой Гвинее, Большой Яве (под этим подразумевалась Южная земля. — А. В.) и другим южным землям и

островам и возвратиться в Испанию, дабы поведать мне о том, что было им увидено и открыто».

Едва заканчиваются переговоры с Кастро, как грядет очередная неприятность. Суть завязавшегося спора — в столкновении королевского ордонанса, в котором (настоял-то на этом сам Кирос!) устанавливалось, что на случай гибели или смерти начальника экспедиции должен быть официально назначен его преемник. Кирос считал, что он сам во время плавания сделает это. Вице-король требует, чтобы преемник был назначен сейчас. Иными словами, он хочет навязать человека, который может оказаться заинтересованным в смерти Кироса.

Спор, во всяком случае внешне, заканчивается победой Кироса. Но, как выясняется впоследствии, некоему капитану был тайно вручен перед отъездом запечатанный пакет. В пакете — и капитану сие известно — распоряжение: в случае смерти Кироса он назначается преемником командующего флотилией.

И опять-таки, вопреки желанию Кироса его заставляют взять главным кормчим некоего Хуана Очоа, ставленника вице-короля.

...Эскадра еще не вышла из Кальяо, а уже по всей Лиме ведутся разговоры: как это так, безродный моряк, к тому же португалец — и будет главенствовать над кастильскими идальго! Дело доходит до того, что Киросу запрещают в Кальяо поднять свой собственный флаг: это-де разрешается только флотоводцам в чине генерала.

Вот когда начинают сказываться результаты излишней скромности Кироса, его неумение добиваться чего-либо для себя лично.

И все же понемногу все сдвигается с мертвой точки. К назначенному сроку на кораблях собирается коман-

да — среди матросов немало таких, по которым плачет виселица, есть и такие, которые давно уже страдают от козней зеленого змия, есть должники, спасающиеся от кредиторов. Но немало и толковых людей. И несколько отличных офицеров: Леса, второй командир капитаны, Торрес, капитан альмиранты, которые становятся близкими друзьями Кироса; капитан морских пехотинцев Родриго Мехиа, а также Берналь Черменьо, капитан шлюпа (не два, а целых три корабля получает Кирос, правда, третий — совсем крошка). К верным Киросу людям следует отнести двух его племянников — тех самых, которых он взял с собой в Каракасе, и двадцатипятилетнего поэта, родом из Севильи, Луиса де Бельмонте. Он упросил Кироса взять его с собой в путешествие и стал секретарем главы экспедиции и ее главным летописцем.

Нельзя отказать в опыте и знаниях капитану капитаны Диего де Прадо. Но он высокомерен и груб с подчиненными. Он зол и завистлив, тщеславен и спесив, этот человек, который с самого начала резко неприязненно держится по отношению к Киросу. Это у него, ненавидевшего «выскачку», «португалишку», «счетовода», как именуется Прадо начальника экспедиции, у него, в чьих жилах течет голубая кровь потомственного родовитого испанского дворянина, хранится запечатанный пакет, о коем мы упомянули выше.

21 декабря 1605 года. Эскадра Кироса готова к отплытию.

Впереди капитана «Сан-Педро-и-Сан-Пабло», 50 тонн, 60 матросов. В составе экипажа — четыре брата милосердия и хирург. Продовольствие на год. И вполне приличный запас воды: 800 кувшинов, больших глиняных кувшинов, отлично сохраняющих драгоценную влагу.

Второй корабль, альмиранта «Сан-Педро», 40 тонн, 40 матросов.

Третий корабль, шлюп «Три волхва», совсем маленький, всего лишь 12 тонн.

Всего около 300 человек.

Найдет ли Кирос дорогу? На бумаге все выглядело просто: пройти такое-то количество лиг, разыскать Южный материк, основать там колонию, вернуться назад.

...И вот уже уходят вдаль белые дома Кальяо. Еле видны тяжелые силуэты соборов и церквей Лимы.

Тает в зыбком мареве седая гряда Кордильер. Впереди необъятное Южное море.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

**В ПОИСКАХ
ЮЖНОЙ
ЗЕМЛИ**

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КУРС НА ЮГО-ЗАПАД

Д

капитан Педро Фернандес Кирос, начальник экспедиции, состоящей из трех кораблей, даю следующее распоряжение Луису Ваэсу Торресу, адмиралу корабля «Сан-Педро».

...Корабль чуть покачивает, в небольшой каюте, что в верхней пристройке на носу корабля, горит свеча. Ночь. Тишина, любимое Киросом время.

Он перечитывает начало и продолжает:

«...Прежде всего я обращаю ваше внимание на необходимость поддержания христианского благолепия, правопорядка и строгой дисциплины и вменяю вам в обязанность следить за тем, чтобы никто не смел всеу поминать имя господа нашего или возводить на него хулу, не смел ни словом, ни действием оскорблять пресвятую деву Марию, а также ангелов и святых, либо оскорбительно отзываться о вещах священных и божественных».

Это преамбула. Кирос откладывает перо, встает, делает несколько шагов, потом снова садится. Голова у него кружится, ноги будто свинцовые.

...А писать надо. Он-то знает, что уже не единожды совсем худо чувствовал себя, так худо, что не приведи господь. Надо на тот случай, если он скончается, оставить Торресу четкую инструкцию. Надо, чтобы все — Кирос не делает из этого секрета — твердо знали, куда плывут и с какой целью. Надо, чтобы сумели доплыть, сумели поладить с обитателями Южной земли.

Он подправляет свечу, вновь усаживается, вновь берет перо.

«Я вменяю вам в обязанность запретить все азартные игры — в карты и кости, их следует выбрасывать за борт. И если какие-либо другие настольные игры вызывают споры и драки, их следует также выбросить за борт.

Вы обязаны также самым строгим образом следить за тем, чтобы каждый день после обеда все находящиеся на корабле преклоняли колена перед алтарем с изоб-

ражением Христа и девы Марии и молились бы заступнице из Лорето.

Вы обязаны бдительно следить за тем, чтобы никто не отзывался неуважительно о персоне короля...

Вы обязаны внимательно и заботливо относиться ко всем, кто находится под вашим началом и помнить о том, что хорош тот капитан, кто умеет спокойно командовать своими людьми, сохранять мир и согласие, не прибегая ни к ножу, ни к насилию».

На минуту он задумывается, потом продолжает:

«Каждодневный рацион, независимо от того, получает человек жалованье или нет, должен составлять: полтора фунта сухарей, фунт мяса, две унции бекона, одну унцию бобовых, литр воды и достаточное количество воды для варки. В постные дни вместо мяса следует давать по одной рыбине или (если она большая) часть рыбины, шесть унций бобов, меру масла, столько же уксуса, а сухарей и воды столько же, сколько в обычные дни. Если нет рыбы, ее можно заменить четырьмя унциями сыра».

Второй час ночи. Сменились вахтенные. А капитан все пишет и пишет.

«Вам надлежит быть внимательным, и днем и ночью следовать за капитаной, которая пойдет курсом запад-север-запад, пока не дойдет до 30-го градуса широты, и, если к тому времени не окажется земли, курс будет изменен на север-запад и корабли достигнут здесь 10 градусов 15 минут широты. Если снова не будет обнаружена земля, корабль возьмет курс на запад, по той же параллели, с тем чтобы отыскать острова Санта-Крус Там, в заливе Грасьосо, на широте 10 градусов и в 1850 лигах от Города Волхвов, следует отыскать известную уже якорную стоянку.

Тот капитан, который первым прибудет к месту стоянки, расположенной между родником и небольшо́й рекой, должен здесь бросить якорь и три месяца ожидать остальные два корабля. Если случа́ю будет угодно, что остальные корабли не придут, то, прежде чем отправиться дальше, капитан должен водрузить на берегу крест и у его основания или у ствола ближайшего дерева, сделав отметку, понятную для тех, кто прибудет после него, закопать банку, а в нее вложить описание всего того, что произошло, и изложить свои намерения. Банку необходимо засмолить.

После этого следует взять курс на юго-запад и держаться его вплоть до широты 20 градусов, а затем переменить курс на северо-запад и идти до 4 градусов. Свернув на этой параллели к западу и отыскав Новую Гвинею, пройти вдоль всего ее берега и направиться в Манилу, а оттуда через Восточные Индии в Испанию, с тем чтобы доложить его величеству обо всех открытиях».

...Но до этого еще далеко. Путешествие только начинается.

Весь следующий день Кирос проводит в постели, отдавая лишь самые необходимые приказания. Только через два дня, отлежавшись как следует, вновь принимается он за составление инструкции.

В полном соответствии с тем, что он говорил в Риме и при испанском дворе, Кирос обращает особое внимание на строжайшее наблюдение за компасной иглой. По его мнению, таким путем можно исчислять долготы. Кирос подробно описывает, как рассчитать отклонение иглы по солнцу; звездам, Южному Кресту. Большое внимание уделяет он и тому, что следует брать в расчет, дабы исчислить пройденный путь. Не забывает Кирос упомянуть и о том, что на карте необходимо пометать

все попадающиеся на пути острова, обитаемые и необитаемые, наносить их очертания, указывать широту и долготу, наносить якорные стоянки, мысы, отмечать, где имеются рифы, брать на заметку места, где можно получить продовольствие и воду.

И постепенно инструкция становится руководством в мореходном деле.

«Вы, — пишет Кирос, — должны также следить за тем, чтобы каждый день утром, когда солнце всходит, и вечером, когда оно садится, а иногда и чаще два матроса поднимались на топ-мачту и внимательно осматривали видимое пространство, вплоть до линии горизонта. А ночью пост следует удвоить, один пусть стоит на бушприте.

Обход и проверку вахтенных вы должны производить самолично, в том же случае, если вы не в состоянии это сделать, следует поручить это человеку, которому вы полностью доверяете. Пушечный выстрел ночью на капитане означает, что она меняет курс, два выстрела даются в том случае, если будет замечена земля или скалы...

Если связь необходима днем, следует поднять флаг таким образом, чтобы он был виден на остальных двух кораблях, и они обязаны приблизиться, чтобы выяснить, в чем дело. Ночью, помимо кормового фонаря, следует зажечь еще два.

Особые предосторожности должны быть предприняты для предотвращения пожаров. Не должно быть зажженных свечей, ни другого какого-либо источника огня в межпалубных помещениях. Исключение составляет тот случай, когда свечи находятся в фонарях, а возле фонарей дежурит вахтенный.

...Если небо чистое, а солнце, луна и звезды в небе над горизонтом — это верный признак того, что земля близка. Ночью в таком случае следует лечь в дрейф и измерить глубину, днем же быть начеку.

Если по курсу будет видна мгlistая дымка, или чистая полоса, или плотный туман, следует лечь в дрейф, промерить глубину и быть настороже — вероятнее всего, где-то поблизости находится земля. Если, помимо основного ветра, вдруг налетит шквал сухого воздуха с другой стороны, или нанесет дождевые тучи, или же пойдет град — это тоже может быть признаком близкой земли.

Если волны кажутся тяжелыми и на них видны листья, травы, кокосовые орехи и прочее, что сносит в море ветер или приносят в море реки, — это признак того, что где-то вблизи, с той стороны, откуда дует ветер, находится земля, или же того, что все это принесено течением.

...Если ты увидишь сильные течения, или большие косяки мелкой рыбешки, или скопление тюленей, морских черепах, или же стаи птиц, обитающих на земле, или покажется тебе, что вокруг много плохой воды, будь внимателен — земля где-то неподалеку.

Если на пути встречаются стаи морских птиц, глупыши и чайки, надо зорко проследить, в каком направлении они летят, и рано ли они поутру собираются, и улетают ли они поздно, ибо в этом случае земля далека. Если они собираются сравнительно поздно и улетают рано, земля близка.

Если по курсу встречаются чайки, утки, фламинго, знай — земля рядом.

Бурые пятна на воде свидетельствуют о том, что на дне — скалы. Белые же пятна — что дно песчаное,

а глубина небольшая. Черный цвет, что дно илистое, а зеленый, что все дно покрыто водорослями. Будь очень осторожен и внимателен и не выпускай из рук лота».

Значительное место в своей инструкции Кирос отводит и взаимоотношениям с жителями дальних островов. Здесь тоже взгляды его четки, убеждения определены. Пусть никто не заблуждается насчет способностей туземцев, они мастера на все руки, отличные пловцы и ныряльщики и они умеют использовать выгодные им обстоятельства. С ними нужно держать ухо востро: не разрешать, чтобы слишком много островитян собиралось на корабле. С ними нужно вообще вести себя осторожно: проверять, верны ли их советы, не давать вовлечь себя в ловушку или засаду, не давать им возможности окружать себя, следить за тем, чтобы не оказаться отрезанными от лодок. Но главное — не допускать по отношению к туземцам никакого насилия, именно этого следует опасаться больше всего.

Конечно, если предоставится возможность, нужно задержать на корабле вождей или других лиц, пользующихся влиянием соплеменников, в виде заложников, но с ними следует обращаться хорошо: делать им подарки, давать все, что им нравится..

Островитян не следует ни дразнить, ни обижать. Строжайше запрещается отбирать что-либо у них. «Наша алчность, — напишет Кирос, — им непонятна». Нельзя нарушать данное им слово, следует с ними обращаться обходительно и дружелюбно. Только в самом крайнем случае, если опасность чрезвычайна и нет никакого иного выхода, только в таком случае можно прибегнуть к огнестрельному оружию. Но даже в случае опасности надо сначала дать холостой выстрел.

Естественно, Кирос не забывает упомянуть и о том, что у туземцев необходимо узнавать, где в их стране находятся золотые россыпи, залежи серебра, есть ли драгоценные камни, жемчуга, пряности. Разумеется, он не забывает напомнить своему преемнику, что необходимо брать на заметку цвет кожи аборигенов, описывать их одежду, что они едят, какое у них оружие, какое управление, какая религия, спрашивать их о том, имеются ли поблизости земли и острова.

Но он не забывает подчеркнуть: нужно терпеливо завоевывать доверие островитян, помогать им, одаривать. Ни при каких обстоятельствах, требует Кирос, если есть хоть какая-либо возможность этого избежать, не следует причинять островитянам ни малейшего вреда.

Задумывается ли он над тем, что его слова не найдут отклика, что в какой-то мере из-за того, что будут — и неоднократно — нарушать и моряки и солдаты предписание своего капитана, экспедиция потерпит неудачу?

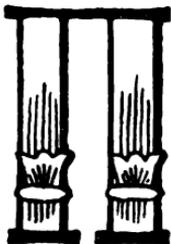
...Корабли идут на юго-запад. Рождество, Новый год, затем 26 января — день апостола Павла. И как полагаются — иллюминация, фейерверк. На ряях вымпелы, штандарты короля, флаг Кироса.

Сам он чувствует себя иногда немного лучше, иногда хуже, но никогда хорошо.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВПЕРЕДИ — ЗЕМЛЯ!

ока на борту все обстоит более или менее благополучно. Пока. Ибо весьма скоро явным становится то, о чем раньше можно было только догадываться. Поздновато собрались они в свое плавание. Гляди: на-

бегают тяжелые волны, все неистовее порывы ветра. Проходит день, другой, третий. Волнение усиливается. Как быть дальше? Кирос созывает на совещание кормчих, но море штормит, и им приходится, хотя корабли и подходят на максимально близкое расстояние, кричать, и сильно: буря гасит слова. Все же удается уяснить: большинство согласно с тем, что надо менять курс. Обидно, конечно, успели дойти только до 26-го градуса. Но ничего не поделаешь. Наступает зима, нужно уходить в более спокойные, в более теплые места. Дальше на юг — таково всеобщее мнение — продвигаться опасно.

Бывает же так! Если бы корабли — теперь-то нам это ясно — не изменили маршрут, они, вероятнее всего, пришли к Новой Зеландии, которую Тасман, идя с запада, откроет 36 лет спустя. А возможно, и к берегам Австралии!

Но Кирос всего этого не знает. Поскольку погода крайне неблагоприятна, то следует, так считает он, повернуть на северо-запад. Здесь наверняка найдутся какие-нибудь острова. Самое разумное — переждать там зиму, а потом снова лечь на юго-западный курс.

Корабли разворачиваются, и, словно для того, чтобы оправдать перемену курса, прямо по борту показывается маленький зеленый островок. Не исключено, что это был знаменитый впоследствии Питкерн, на котором обосновались в 1789 году матросы мятежного корабля «Баунти».

Проходит несколько дней, и перед моряками целая островная цепочка, которая тянется с юго-востока на северо-запад! Они красивы, эти островки, с зелеными лагунами. Красивы, но, увы, бесполезны: все попытки раздобыть здесь хорошую воду оканчивается неудачей — ее просто нет. Корабли идут дальше.

По распоряжению Кироса питьевую воду пытаются добыть из морской. Мы лишь примерно осведомлены о том, как это делалось. Бельмонте свидетельствует: подогревая морскую воду в медных сосудах, за пятнадцать часов удалось получить десять кувшинов пресной воды, а всего пятьдесят кувшинов. Добыли бы, возможно, и больше, да дров много ушло, сухих, хороших дров, что ценились на кораблях почти так же дорого, как вода. Насколько хороша была полученная вода, судить трудно. Сам Кирос (а это он прихватил с собой «аппаратуру») в одной из памятных записок в 1610 году напишет, к сожалению, лаконично: «Нужны четыре медных сосуда и соответствующие инструменты и железные печи». Было ли это тоже его собственным изобретением? Возможно. Твердой уверенности, однако, нет.

Десятое февраля. С кораблей замечают остров. На сей раз не атолл, а настоящий остров! Виден дым, а где дым — там огонь, где огонь — там скорее всего люди, где люди — там наверняка вода.

И в самом деле, впервые за все время впередсмотрящий торжественно провозглашает:

— Вижу людей.

Матросы садятся в лодки. Но, увы, подойти к берегу не могут — мешают рифы. Островитяне машут руками, показывают, где расположен проход. Четверо моряков раздеваются и на свой страх — была не была — ныряют в море.

Едва они показываются на берегу, как происходит нечто странное. Воины бросают оружие или отдают его женам и, скрестивши руки на груди, трижды низко кланяются пришельцам. Матросы не успевают прийти в се-

бя от удивления, а их уже целуют в обе щеки. К ним приближается вождь, протягивает пальмовую ветвь, приглашает разделить трапезу.

Удивительно? В какой-то степени конечно. Но ведь почти так же встретили в Мексике Кортеса. Нечто подобное — в предыдущее плавание Кирос был тому свидетелем — происходило и на некоторых полинезийских и меланезийских островах. Ларчик открывается просто: в белых пришельцах местные жители видят то ли духов, то ли богов, коих надлежит умиловить, с коими надлежит установить хорошие отношения.

«Боги», памятуя инструкцию своего капитана, тоже ведут себя вполне пристойно: одевают островитян сухарями (правда, намокшими), сыром, дарят им ножи. Завязывается дружеское общение. К берегу подходит шлюпка с моряками. Вождь побывал на корабле и был наделен дарами и отпущен.

Впоследствии один из участников событий напишет: «Генерал желал, чтобы местным жителям не причинили никакого вреда, чтобы добрыми делами мы завоевали любовь островитян».

Все было бы недурно, но на острове не оказалось пристойной гавани. Ничего не поделаешь, надо идти дальше.

То же самое происходит и на других островах.

А с водой по-прежнему плохо. Загадка!

Везде масса зелени, а где ни начни копать — плохая вода. Это не улучшает настроения. К тому же островки островками, а где же большая земля?

Корабли идут и идут. Большой же земли все не видно.

Киросу нелегко. Большой — его день и ночь трясет лихорадка, — он ворочается на койке, зачастую не имея

сил подняться и выйти на палубу, а он отнюдь не убежден, что все его приказания исполняются, не знает, верным ли курсом идет флотилия. Вся ответственность на нем. Ответственность за судьбу экспедиции, за избранный курс, за общее дело.

На свои корабли он не взял ни цепей, ни орудий пыток, как это нередко делалось в те далекие времена. Кирос считает, что нужно действовать добром, пробуждая человеческое в человеке, показывая своим поведением пример другим. В этом его сила, но в этом и его слабость. Ибо он болен и его противники этим пользуются.

Следует приказ: строжайше штрафовать тех, кто, несмотря на запрет, играет в азартные игры. Если кому-либо скучно, то, пожалуйста, обратитесь к начальнику экспедиции, у него найдется книга. И почему те, кто не умеет подписать свое имя, не учатся писать? Почему не учатся считать? На кораблях достаточно людей, которые могли бы учить всех желающих и морской науке, и науке фортификации, и искусству владеть шпагой.

По сути, речь идет ни больше ни меньше, как о регулярной учебе! А почему бы нет. Разве сам Кирос не учился именно таким образом, выкраивая каждую свободную минуту?

...Он мечтатель, Кирос, и никак не возьмет в толк, что почти всем этим набранным в Лиме и других местах искателям приключений грамота совершенно ни к чему.

Снова впереди остров. Люди Кироса видят здесь старый челнок островитян, пальмы, великое множество кокосовых пальм, убеждаются, что в лагуне сколько

угодно рыбы, лангустов, крабов. Единственно, чего они не находят, это хорошей пресной воды. Зато, к своему удовольствию, встречают смешных, рослых, неуклюжих птиц с темным оперением и белой грудью — до этого им неведомых пингвинов. Да, да, пингвинов — они ведь, теперь это известно, совершают тысячемильные паломничества в теплые края.

...Сколько можно бродить наугад в поисках пригодного для длительной стоянки острова? И почему до сих пор — а времени прошло немало, и островов на своем пути они встретили добрую дюжину — нет материка? Более того, острова-то теперь встречаются реже. Не пора ли снова переменить курс и пойти напрямик в Санта-Крус? Там можно передохнуть, пополнить запасы продовольствия, воды, сделать необходимый ремонт.

Вновь по условленному сигналу суда подходят к капитану. Вновь созывается совещание капитанов и кормчих. На сей раз нет обычных споров: и Прадо и Очоа тоже согласны идти на Санта-Крус.

Итак, курс строго на запад.

И вдруг, когда решение уже принято, когда, казалось бы, случайностям не должно быть места, экспедиции попадает еще один остров. Лучше бы он им не попался.

Сначала все шло хорошо. Красивые, рослые люди рады морякам, как вдруг один из островитян неосторожно хватается за обнаженную кем-то из испанцев шпагу. Течет кровь. Со всех сторон сбегаются возмущенные соплеменники. Морякам приходится ретироваться. Но испанцам нужна вода, она нужна позарез, и Торрес во главе отряда солдат едет на берег. Впереди воинственно настроенные, вооруженные луками и копья-

ми островитяне. И они вполне определенно дают понять, что не желают пускать испанцев.

Торрес — впервые за все время плавания — приказывает дать холостой залп. Берег мгновенно пустеет. На нем остаются лишь незваные пришельцы и трое островитян, которые зажигают костер. Что это значит — непонятно. То ли знак мира, то ли заклинание ружейного огня огнем.

Так или иначе, но на короткий срок воцаряется мир. Вскоре, однако, один из солдат крадет из хижины туземца циновку, и снова льется кровь. Хозяин защищает свое добро, испанец убивает несчастного. Свистят стрелы. Двое испанцев ранены.

...Выясняется, что и этот остров живет за счет дождей. И за счет щедрого дерева, кокосовой пальмы, которое дает островитянам все, в чем они нуждаются: пищу, питье, дом, крышу, одежду, лодки, оружие и даже масло, необходимое для ухода за ранеными.

Медленно возвращается отряд на борт корабля. Воды раздобыть не удалось.

Месяц проходит с того времени, а Санта-Круса все нет. Усиливается жара, усиливается и напряжение: по всем расчетам пора бы уже быть острову. Вновь и вновь подсчитывает все зигзаги пути Кирос, совещается с кормчими. Курс правильный. Не исключено, однако, что выкладки пройденного пути неверны, они у всех разные. И поэтому надо набраться терпения. Еще несколько дней — и будет остров.

Проходит, однако, не несколько дней, а несколько недель, пять долгих, томительных недель, и команды ропщут открыто, когда 7 апреля раздается крик:

— Земля, высокая темная земля!

И в самом деле земля. Местные жители — темнокожие. Знают лук и стрелы. Но вот какая незадача: едва корабли стали приближаться в поисках удобной бухты к берегу, как островитяне обратились в бегство. Видимо, они уже встречались с белыми богами? Или слышаны о них? Может быть, Санта-Крус где-то неподалеку, и местные жители хорошо знают, что добра от бородатых белых пришельцев, которые поджигают деревни и убивают людей из длинных извергающих пламя трубок, ждать нечего?

Испанцев и впрямь никто не принимает за богов. Но вождь, некто Тупаи, достаточно благоразумен, чтобы постараться наладить с ними, коль они уж оказались на его острове, мало-мальски приемлемые отношения. Он действительно знает о том, что произошло на Санта-Крусе, ибо последний и в самом деле недалеко. Знает и оружие белых, знает, что ищут бородачи, без конца задавая одни и те же вопросы. Главное — не злить их.

Пришельцы голодны и хотят пить? Кивок, и вот уже испанцам несут все, чем богат остров. Нужна бухта? Пожалуйста, здесь есть одна очень хорошая.

Кирос не сомневается: долгожданный архипелаг Санта-Крус все же найден. Может быть, взять лоцмана, отправиться на тот остров, где они были с Менданьей? Но, собственно, к чему? Разве здесь нет в изобилии всего того, что им надо? И потом, если о зверствах белых помнят даже здесь, то на том острове и подавно. Воспоминания гнетут Кироса, и он снова требует от своих солдат и моряков, чтобы местных жителей не обижали.

И действительно, целых десять дней, с 7 по 18 апреля все идет очень хорошо. Испанцы одаривают туземцев

зеркальцами, получая взамен еду. Особым успехом пользуются колокольчики. Но и испанцам есть на что поглядеть у островитян. Вовсе они не дикари! Они строят крепкие, на сваях, закрытые дома с седловидными крышами. У них большие, выдолбленные из мощных стволов лодки со специальными ящиками для съестных припасов, приспособленные для дальних переходов. На что ни посмотришь, везде стремление сделать вещь добротной, разукрасить ее — раковинами, причудливыми разноцветными узорами.

Они изобретательны и умны, эти, с точки зрения испанцев, заблудшие души. И прекрасно понимают, о чем с помощью знаков и рисунков их спрашивает Кирос. Он рисует на песке кружочки — острова. Острова? Да, поблизости немало островов, отвечают туземцы. Большие и малые, хорошие и плохие. И лежат они там-то и там-то. Кирос аккуратно записывает их ответы, потом читает вслух, исправляя произношения незнакомых слов.

А как далеко до такого-то острова, а до такого? Вождь на минуту задумывается, потом показывает на солнце, показывает, что, мол, вот оно ложится, склоняет голову, подкладывает под нее сложенные руки. Закрывает глаза: два, три, пять, шесть раз... Итак, до одного острова две ночи, до другого три, до третьего пять. А нет ли где-нибудь поблизости большой земли? Кирос пытается, разведя руки, объяснить, что он имеет в виду. И снова выступает вперед вождь. Большая земля? Он показывает на юго-запад — там. И тоже широко разводит руки, словно желая показать, какая она большая.

Имел ли он в виду какой-то большой остров в архипелаге Новых Гебрид или, быть может, что тоже не так уж невероятно, Австралию?

Жители «Монтерея», как называет Кирос этот остров, или «Острова помощи», ныне Таумако, говорили правду. Через три дня показывается один остров, за ним другой, не заставляя себя ждать и третий. Островам дают возвышенные и красивые названия: Двери Вифлеема, Слезы св. Петра, остров Райские кущи...

К этому времени, а если быть совершенно точным, еще тогда, когда корабли никак не могли разыскать пропавший архипелаг Санта-Крус, был, наконец, смещен Очоа. Трудно совершенно достоверно сказать, за какую именно проделку (Кирос в своем дневнике напишет, как обычно, кратко — «Он мешал»). Скорее всего за то, что сильно напутал в исчислении пройденного пути, а также за то, что, пользуясь болезнью Кироса, не всегда достаточно точно выдерживал заданный курс, во всяком случае, именно в этом обвиняли его, и, вероятно, не без основания.

Очоа перевели на альмиранту, и должность он там получил второстепенную.

Туда же с понижением в должности попал в конце концов и Прадо, который, по собственному признанию, возглавлял заговор против Кироса и уж, во всяком случае, был в центре всех мятежных страстей, подспудно тлевших на капитане, чуть не во всеуслышание заявляя, будто Кирос ведет флотилию к гибели.

Проходит день, другой — и вот наконец долгожданный возглас: «Большая земля!» Весть поднимает на ноги всех. Неужели повезло, неужели действительно та самая Южная земля, которая вызывала столько споров, к которой шли сквозь тысячу препятствий! Вот она, перед нами, — отвечают скептикам, — смотрите, ей нет конца, она тянется вдаль! И Кирос и Торрес тоже считают, что это земля их мечты.

Виной тут причудливые очертания острова и то обстоятельство, что к нему вплотную примыкают несколько мелких островов, как бы удлиняющих линию берега. Так и кажется, будто впереди по курсу не остров, а большая суша. Она высока и гориста. Прибрежная полоса узка, и издали создается впечатление, что во многих местах холмы поднимаются прямо из моря.

Леса, многоголосый хор птиц, яркое солнце и огромная бухта, такая большая, что в ней — так впоследствии напишет Кирос — могут найти себе пристанище все флоты мира. Бухта получает название в честь обоих святых, значащихся в календаре 1 мая, в день ее открытия: Сан-Фелиппе и Сантьяго. Место якорной стоянки получает название Вера-Крус.

Роскошный край! Неподалеку впадает в море река, журчат ручейки с чистой, сладкой водой. За бухтой холмы и саванна, затем равнина, за ней вдалеке горы. Место словно предназначено для того, чтобы основать здесь город.

Надо как-то договориться с местными жителями. В отличие от многих других, они не вышли навстречу испанцам в лодках. Следовательно, приходится вести переговоры на берегу. И вначале как будто все удастся. Взвиваются вверх белые платки и зеленые ветви.

Но когда Торрес, возглавлявший высадившийся отряд, пытается пройти дальше, его окружают островитяне, проводят на песке линию и знаками объясняют: дальше нельзя.

И тут Торрес — он сам это очень быстро поймет — делает непоправимую ошибку. Вместо того чтобы остановиться и постараться уладить дело миром, капитан

альмиранты теряет над собою контроль, приказывает солдатам дать залп и переступает запретную черту.

Конечно, он имел в виду залп в воздух. Но кто-то из солдат — такие, увы, почти всегда находятся — ранит одного из туземцев. А другой чуть не в упор стреляет в вождя.

Кирос с корабля видит всю эту сцену, видит, что моряков и солдат начинают окружать пылающие жаждой мщениия воины. И он отдает приказ — ведь другого выхода нет — произвести холостой выстрел из пушки.

Бамм! Эхо гулко разносит звук. Берег мгновенно пустеет.

Теперь испанцы будут иметь дело с восставшим народом. Бельмонте, который тоже видел всю эту сцену, с горечью напишет: «Таков был конец тропы мира, за которую ратовал капитан».

Несколько дней спустя на острове начинается невиданное дотоле торжество: памятуя о том, что на Санта-Крусе чуть было не начался мятеж из-за того, что солдатам показалось, будто их собираются обделить добычей, Кирос громогласно наделяет угодами и «правами» всех участников похода. А 12 мая вновь собирает всех своих людей и держит перед ними речь.

Суть ее вкратце такова. Экспедиция приступает к великим свершениям. Пока это только начало. Бухта, богатая земля вокруг — лишь первоначальный плацдарм. Отсюда начнется исследование, и продолжится оно до тех пор, пока вся земля — Кирос свято верит, что он открыл Южный материк, — не будет нанесена на карту и здесь не будут установлены новые

и справедливые порядки. Для того же, чтобы успешно совершить подобное деяние, для того, чтобы крепка была дисциплина и чисты помыслы, нужно, по мнению Кироса, учредить орден рыцарей Святого Духа. Девиз ордена: исследовать, умиротворять, населять, удерживать.

...Ночью на кораблях веселье. Везде яркие огни, ракеты взмывают ввысь, прочерчивая разноцветными огнями бухту, гремит салют, всю ночь дробно стучат каблуки, звенят колокола.

Потом пехота под командованием Торреса высаживается на берег, занимает все дороги, опоясывая значительный участок земли. Под охраной солдат на берегу возводят хижину, церковь, посвященную мадонне из Лорето. Под зеленым куполом банановых ветвей и листьев устанавливают алтарь. Все три экипажа построены, каждый со своим знаменем. К месту торжества прибывает капитан. Слева от него — Торрес с большим крестом в руках, справа племянники несут штандарт короля. Звучит команда, гремят барабаны, раздается залп. Кирос опускается на одно колено.

— Слава и хвала всевышнему! — провозглашает он. Потом касается земли рукой и восклицает: — О земля, которую я так долго искал, о которой я так страстно мечтал, благословенна будь!

Шесть монахов несут крест. Его принимает Кирос и водружает у алтаря.

Но церемония еще не окончена. Вперед выступает писарь, разворачивает свиток и медленно и торжественно читает, что во имя Иисуса Христа и святой девы Марии капитан Педро Фернандес Кирос в этих дотоле неизвестных широтах установил знак святого креста.

Город, который будет возведен, получает имя Нового Иерусалима. А весь материк Terra Australis del Espirito Santo, Южная земля Святого Духа.

Столь причудливое название обязано своим происхождением тому обстоятельству, что Кирос хотел, чтобы в нем была упомянута также исконная земля правящих в Испании Габсбургов: Austria (нынешняя Австрия).

Заканчивается все чтением еще одного документа. В нем говорится о том, что данный материк становится навечно и навсегда достоянием испанской короны.

Документ подписывают. Раздаются выкрики: «Виват». Следует всеобщая месса. Потом начинается пир.

После снесты Кирос объявляет о назначении 14 советников, начальника полиции и других должностных лиц из членов экспедиции. Все они клянутся в верности, положив руку на библию, в том числе и Прадо, которого Кирос не обходит вниманием. Единственный человек, который остается без чина и земли, — Очоа. Ибо Кирос считает, что он злоумышлял не против него лично — такое он бы простил, а против короля. Впрочем, и Очоа, если испулит свою вину, будет прощен.

Отменяются телесные наказания. Посланный в глубь острова патруль возвращается с целым стадом свиней. И с двумя мальчиками. Кирос хочет из них сделать переводчиков и миссионеров.

...Кирос был сыном своего века. И как отметит впоследствии один из его биографов: «Педро хотел одарить открытую им землю не только новыми растениями и злаками — хлопком, маисом, луком, горохом, фасолью, дынями, не только новыми видами животных, не только новым государственным устройством, но и истинной верой».

После праздников начинается работа.

Ничто не ускользает от внимательных взоров, все изучается, и исследуется, и заносится в дневники: привычки и образ жизни населения, их ремесла, орудия труда, структура их общества, расовые различия, или, точнее, все, что свидетельствует о смешении различных рас и, следовательно, о наличии различных миграционных волн. И тут же размышления о великих возможностях, которые представляют новооткрытые земли, обширные планы освоения идеальной гавани с прилегающими к ней землями, описания богатства, ласкающего взгляд, сверкающего всеми красками, благоуханного тропического леса, так щедро снабжающего местных жителей своими дарами, точное перечисление всей утвари местных жителей, перечень всего того, что они употребляют в пищу. С восхищением смотрит Кирос на прялки туземцев, с восхищением отмечает, с какой ловкостью здешние горшечники лепят из черной глины кувшины, чашки, миски.

«Их оружие, — запишет он, — луки и стрелы, дубинки и копья из тростинок, наконечники — заостренные, из дерева и кости. Многие островитяне носят чуть выше локтя браслеты из нитей или волокон; браслеты усеяны раковинами и довольно широки. Носят островитяне на запястьях и кольца, сделанные из крупных раковин. У женщин лица и плечи раскрашены, мужчины и женщины носят серьги.

Здесь дивный воздух, пряный, душистый, и каких только тут нет птиц! Едва восходит солнце, как они начинают свой концерт, и это великое наслаждение — слышать столь дивный хор. Здесь много бананов, кокосовые орехи висят буквально над головами, есть дикие фиги, сахарный тростник, есть хлебное дерево, на острове немало свиней, видели мы и корни ямса (хлеб-

ный знак), короче, здесь ничуть не меньшее разнообразие деревьев и растений, чем на многих других островах, которые я посетил во время своих плаваний».

Но вот беда: пройти в глубь территории Кирос не может: в сущности, испанцы осаждены. Туземцы отчаянно защищают свои земли и не хотят иметь никаких дел с белыми пришельцами.

Итак, всего лишь небольшой плацдарм на узком, примыкающем к заливу берегу. И до самой линии горизонта — холмы, долины, горы. Киросу не суждено было узнать, что если бы он проник в глубь острова, то через каких-нибудь десять-двенадцать часов, коль идти по прямой, он бы вновь увидел море!

События тем временем продолжают развиваться. Кирос решает поосновательнее исследовать побережье. В каботажном плавании примет участие вся эскадра: быть может, ему удастся в другом месте то, чего он не сумел из-за сопротивления туземцев осуществить здесь: пройти в глубь найденной земли.

Был назначен день, но Торрес обращается к Киросу с просьбой отложить выход в море на сутки. Матросам очень хочется половить рыбу.

Начальник экспедиции дает свое согласие. Сутки не бог весть какой срок, и у него у самого есть еще кое-какие дела, которые он хотел бы завершить перед отъездом. Рыбы вылавливают много и делят ее на три части: две трети отвозят на капитану (там ведь больше народу), одну треть получают адмиральский корабль и шлюп. Среди улова значительную часть составляла рыба паргус, красноватая, величиной с леща. Напрасно

один из матросов предупреждает, что ее не следует есть. Его не слушают. Едва кончается трапеза, как нескольким членам экипажа становится плохо. Головная боль, на руках появляются нарывы, людей треплет как в лихорадке. Проходит еще час-полтора, и полсотни матросов и солдат выходят из строя.

Все же Кирос решил, что не стоит задерживаться: авось пройдет болезнь. Корабли выходят из бухты — и новое несчастье: ветер в лицо, порывы его становятся все сильнее. К тому же выясняется, что болезнь прогрессирует, почти никто не может работать. Волей-неволей приходится возвратиться назад.

В течение недели жесточайшим образом болеет экипаж.

Восьмого июня эскадра пробует выйти в море: матросы немного пришли в себя, пора отправляться в путь. Медленно, но упорно продвигаются парусники к выходу из бухты, и, когда они выходят в открытое море, выясняется, что на море большое волнение, того и гляди суда выбросит на берег. Ничего не поделаешь, приходится снова возвращаться восвояси.

Пройдет еще несколько дней, и положение только ухудшится.

До сих пор нет никакой ясности, что же именно произошло в воскресенье 11 июня 1606 года в далекой бухте никому ранее не ведомого острова Святого Духа. Существует несколько версий. Разобраться в них трудно: они противоречат одна другой.

Кто кого потерял? Кирос оба других корабля? Капитаны этих судов — корабль Кироса? И в силу каких причин? Виновата ли была ночь? Виноват ли шторм? Мы этого не знаем.

Одно остается несомненным: корабль Кироса оказался в одиночестве. А сам он в своей каюте, не имея возможности подняться, полуживой, не знал даже толком, что происходит. Правда впоследствии будет уверять, что на «Сан-Педро-и-Сан-Пабло» вспыхнул мятеж. Вероятней всего, мятежа в полном смысле этого слова не было. Но сказались самовольные действия кормчих и то немаловажное обстоятельство, что Киросу докладывали не все. Сам же он не мог проверить, как выполняются его приказы.

...По-прежнему бушует ветер. В каюте едва мерцает свеча.

— Где мы, что с кораблем? — спрашивает Кирос.

Капитан Леса должен признать, что в кромешной тьме корабль вышел из бухты, Кирос приказывает повернуть назад. Приказание выполняется, но так медленно, так боязливо, что бухта остается недосыгаемой. Три дня маневрирует корабль перед бухтой, не имея возможности туда войти, — ветер переменялся, волны гонят из бухты в море. Кирос все надеется, что альмиранта и шлюп наконец-то покажутся.

Потом капитана «Сан-Херонимо» берет курс в открытое море.

Из «Путевых записок» Кироса

«Наступила очень темная ночь. Альмиранта и шлюп, вероятно, уже бросили якорь. Видны были мигающие огни, показывающие капитане, куда ей следует идти. На судне измерили глубину, она оказалась более 30 морских саженей (примерно 65 метров. — А. В.).

Налетел шквальный ветер, пришлось убрать паруса, и, подгоняемый течением, корабль плыл, слегка отклоняясь от курса. Главный кормчий, несколько преувеличивая трудности, доложил, что войти в бухту невозможно, ибо нельзя с точностью определить глубину. К тому же кругом крошечная темнота, дует порывистый ветер, в бухте мелькают многочисленные огни (островитяне жгли костры на берегу. — А. В.), и немисливо определить, какие из огней корабельные.

Утром капитан попросил кормчего сказать, где находится корабль.

— С подветренной стороны мыса, — ответил тот.

И капитан велел ему проследить за тем, чтобы судно не вынесло в открытое море.

— Это нелегкая задача, — ответил кормчий, — волны против нас, но я приложу все усилия.

На протяжении этого и последующих двух дней неоднократно были предприняты попытки войти в бухту. Оставшиеся в бухте корабли не выходили из нее; ветер не утихал. Мы потеряли управление кораблем, и нас отнесло на 20 лиг. С огромным сожалением смотрели все мы на высокие горы на берегу, которые все больше от нас отдалялись.

Нас относило на север и северо-восток, и Кирос принял решение добраться до широты, на которой расположен остров Санта-Крус...»

Когда Торрес утром увидел, что флагманский корабль исчез, он принялся искать его следы: быть может, капитана потерпела крушение? Нет, ничего не видно: ни досок, ни скарба, ни людей.

15 суток ждет Торрес. Затем созывает офицеров, открывает при них запечатанный пакет. В нем приказ:

дойти до 20 градусов южной широты, а далее через Манилу, Индийский океан и мыс Доброй Надежды возвратиться в Испанию.

Корабль ложится на предписанный курс и где-то на 20-м градусе поворачивает на северо-запад. На широте 11,5 градуса Торрес видит какой-то берег.

Письмо Луиса Ваэса Торреса его величеству (отправлено из Манилы 12 июля 1607 года, получено 22 июня 1608 года).

«...Плывя на юг по направлению к суше, мы увидели очень большую бухту. Берега ее были населены, земля тут была плодородна; на ней произрастали рис и фрукты, здесь было много дичи и свиней. Местные жители все ходят обнаженными. Цвет кожи у них черный. Оружием им служат лук и стрелы, а также дубинки... Бухта очень красивая, в нее впадает несколько рек, в том числе одна большая. Бухте мы дали имя Сан-Фелиппе-и-Сантьяго, а землю назвали Эспириту Санто. Там мы пробыли пятьдесят дней, объявив всю территорию владением вашего величества... Из этой бухты, из самой ее внутренней части, однажды ночью через час после полуночи, без какого-либо предупреждения и не подав никаких сигналов, ушла капитана. Это произошло 11 июня. И хотя на следующее утро мы занялись поисками, сделал все, что только было в наших силах, мы не сумели разыскать ее...

Мы ждали в бухте еще 15 дней. К концу этого срока мы выполнили приказ вашего величества и созвали совещание с участием офицеров маленького корабля. На совещании, хотя многие и высказались против, было принято решение руководствоваться инструкцией, ибо у меня несколько иной характер, чем у Педро Фернан-

деса Кираса. В конце концов в полном соответствии с инструкцией мы покинули бухту, намереваясь тем не менее обойти этот остров вокруг. Из-за непогоды и мешавшего нам течения мы не смогли полностью осуществить наши намерения, хотя значительную часть пути я и проделал. Я видел несколько высоких гор, здесь есть несколько удобных для причала мест, но в большинстве своем они небольшие, и повсюду в них впадают довольно полноводные реки.

...У нас к этому времени остались только хлеб и вода: зима была в самом разгаре. Море, ветер... все было против нас. Это не помешало мне, однако, достичь нужной широты, которую я и пересек и пошел бы дальше, если бы не погода, ведь корабль у меня очень хороший...

Отсюда я повернул назад на северо-запад (11,5 градуса южной широты); здесь мы обнаружили начало Новой Гвинеи, берег которой тянется с запада на север и с востока на юг. Я не смог пройти с востока и поэтому пошел в западном направлении, вдоль южного берега...»

Вот оно! Повторим: «Я не смог пройти с востока и поэтому пошел в западном направлении, вдоль южного берега». Значит, он проследовал мимо южной оконечности Новой Гвинеи, значит, Новая Гвинея была островом. И еще одно: здесь оказались еще несколько других островов. Во всяком случае, Торрес, как он сам отметит, видел 3 октября 1606 года «очень большие острова, и к югу от них показались новые». Правда впоследствии скажет: «Среди этих островов был один значительно больший, чем другие». Переведем эти записи на современный язык. Большинство исследователей схо-

дятся на том, что Торрес и Прадо совершили открытие чрезвычайного значения. Насколько можно судить, они видели берега полуострова Кейп-Йорк, то есть самую северную оконечность Австралии. Даже если, как уточняют некоторые исследователи, речь идет об острове Принца Уэльского, находящемся в непосредственной близости от Кейп-Йорка, суть не меняется: они шли мимо пятого континента, сами, однако, об этом не подозревая.

Бывает же так: Кирос открывает остров и принимает его за материк. Торрес находится в двух шагах от материка и решает, что это остров.

...Он проходит проливом между Новой Гвинеей и полуостровом Кейп-Йорк, поворачивает на северо-запад и снова идет вдоль новогвинейских берегов.

22 мая 1607 года после длительного плавания Торрес прибывает в Манилу.

Корабль не посылают на родину, его используют для местных нужд. Вероятно, Торрес умирает на Филиппинах, так и не узнав, что на пути в Манилу прошел совсем рядом с Австралией.

А донесение его окажется похороненным в секретных испанских архивах. Еще во времена Кука будут спорить о том, существует ли проход между Австралией и Новой Гвинеей. Известному французскому мореплавателю XVIII века Бугенвиллю, во всяком случае, не удалось обнаружить этот проход. А о том, что Торрес сумел такой проход найти, англичане ко времени первого путешествия Кука в конце 60-х годов XVIII века знали: при налете в 1762 году на Манилу они захватили хранившуюся там копию донесения Торреса. После вторичного «открытия» этого пролива ему и было присвоено имя Торреса.

...Недругу же Кироса, Прадо, очевидно, после смерти Торреса удалось добраться в Индию, а оттуда в Мадрид. И он еще напомним о себе Киросу.

В свое время в инструкции на имя Торреса на тот случай, если эскадра разъединится, Кирос назначил местом встречи остров Санта-Крус. Здесь три месяца должен был ожидать остальных тот корабль, который прибудет первым на этот остров.

Кирос не пошел на Санта-Крус.

Почему?

Во-первых, потому, что, составляя инструкцию, он вовсе не имел в виду, что на Санта-Крус корабли попадут на обратном пути. Обратный путь был определен: именно этой дорогой, исполняя предписание, и пошел Торрес. И таким образом, хотя эскадра и разъединилась, первоначальный замысел был, собственно говоря, выполнен. Недаром впоследствии Кирос так обрадуется письму Торреса, в котором последний вкратце опишет свои приключения.

А во-вторых, как Кирос сам об этом потом напишет, когда 21 июня корабль достиг широты Санта-Круса, острова не было видно — погода была плохая, дул сильный юго-восточный ветер, и капитан побоялся — так он, во всяком случае, утверждает — плыть в поисках этого острова на запад, опасаясь, и не без основания, что проследует мимо и тем самым еще больше осложнит свое положение.

...На широте Гуама новая трудность. Куда идти — в Манилу или Мексику? Экипаж требует — в Манилу. Такое решение в какой-то степени выгодно и Киросу: он сумел бы там подлечиться; путь более безопасный, чем в Мексику. Не очень хорошо с продовольствием.

Как всегда, плохо с водой. И все-таки Кирос выбирает Мексику. Он еще раз нарушает собственное предписание? Да, конечно. Но следует учесть: необходимо, чтобы в Мексике знали об открытии. Нельзя откладывать это сообщение, оно слишком важно. Команда недовольна, многие ворчат, но корабль все-таки берет курс на Акапулько.

28 июля принимает Кирос свое решение. Двумя днями позже, к всеобщему облегчению, начинается сильный дождь. Моряки набирают 350 кувшинов воды. Удаётся наловить рыбы. Корабль поднимается до 33-го градуса северной широты. Кругом безбрежное море, накат волны широк, корабль один-одинешенек, и небыстро пробирается он вперед. Иногда ему приходится взбираться на отвесно громождающиеся волны, и, словно с горы, падает он вниз, прямо в морскую пучину. Иногда покорно топчется на месте — матросы заделывают течь. И все-таки, преодолевая все препятствия, корабль упорно продолжает свой путь.

Неделя тянется за неделей. Погода становится все хуже.

11 октября налетает невиданный ураган. Ветер ломает фок-мачту, руль выскакивает из цапфы, ударяется о борт, влево, вправо. Накатывают три огромные волны, они чуть не потопили корабль. Балласт, значительная часть груза — все летит за борт, работают все помпы, работают все, кто способен держаться на ногах. Беда, да и только. Уже хотят рубить главную мачту, даже кормчие считают, что иного выхода нет, но Кирос запрещает. И его слушают, прикованного к постели, беспомощного, но чуть ли не единственного, кто в этой грозной обстановке не теряет присутствия духа.

Едва моряки успевают немного прийти в себя, едва успевают они откачать воду и залатать паруса, заделать пробоины, починить руль, как наступает штиль. Израненное, избитое судно еле живо, терпенье моряков на пределе.

Всему бывает конец. 21 октября 1601 года, через десять дней после шторма, судно, покинувшее Эспириту Санто четыре с половиной месяца назад, входит в бухту Навидад на мексиканском берегу.

Самое время. Еще немного, и эта уединенная бухта могла бы стать последним пристанищем корабля.

...Кироса сносят на берег почти без пульса. Жизнь едва теплится в нем. Но медикаменты, хороший уход делают свое. Постепенно ему становится немного лучше. Он даже находит в себе силы написать письма вице-королю Мексики. Повеселевшая команда — еды вдоволь, свежей вкусной еды, хлеба, фруктов, яиц, мяса, рыбы — на любой вкус, чуть ли не вся команда изъявляет согласие отвезти письма. Каждый понимает, что его ждет слава и награда. Это не мешает, однако, вскоре четырнадцати морякам дезертировать. Почему — мы этого не знаем точно. Многие могло быть тому причиной.

16 ноября судно отправляется в дальнейший путь и через неделю входит в порт Акапулько.

Круг снова замкнулся. За десять лет до этого, в декабре 1597 года, Кирос впервые попал в каменную ограду этой бухты. Тогда он привел остатки экспедиции Менданы. Сейчас не легче. Из трех кораблей пришел один, и то в каком виде! Но зато он привез радостную весть: Южный материк существует, известно где он находится!

Корабль по приказанию вице-короля передают в распоряжение властей в Акапулько, экипаж получает расчет. С Кирсом остаются только два вывезенных им «живых доказательств» — жители Эспириту Санто, те двое мальчиков, из которых он хотел сделать толмачей и коих после торжественного крещения нарекли христианскими именами Педро и Пабло. Вместе с ними он отправляется дальше, через Чильпансинго, Таксо, через перевал Куернаваку За ним, расположенным на высоте три тысячи метров, возвышаются два гиганта — Попокатепетль и Икстакихуатль.

Дорога уходит вниз, петляет и приводит путников к лежащей в равнине зеленой столице Мексики. Сегодня на весь этот путь нужен один день. Кирсу понадобилось семнадцать.

Никто не встречает его в мексиканской столице, никому нет до него дела.

И все же его удостаивает аудиенцией новый вице-король (они все меняются и меняются) дон Хуан де Мендоса-и-Луна, маркиз де Монтес. Надо отдать ему справедливость, он беседует с Кирсом весьма милостиво: как же, вместе ведь, спасшись во время кораблекрушения в Карибском море, бегали по берегу, согревая застывшую кровь.

Так же милостиво беседует с Кирсом и отдыхающий от служебных передрыг старый знакомец Луис Веласко, бывший вице-король Перу.

Да, вначале и Мендоса и Веласко не без интереса выслушивают Кирса. Впрочем, на этом все и заканчивается.

На прямой вопрос Кирса — как ему быть? — Веласко — он формально не у дел, и его совет носит приватный характер — отвечает:

— Езжайте в Европу.

Один раз он уже спровадил туда Кироса на целых семь лет!

Что же все-таки делать? Кирос не сомневается: вице-король Перу скажет ему то же самое. Без благословенья центральных властей не дадут ему возможность организовать новую экспедицию. Значит, его первоначальный план — доложить о своем открытии в Мадриде — правилен. И нечего ему ехать в Лиму, тратить попусту время: реакция Мендосы и Веласко достаточно красноречива.

А тем временем климат становится все более прохладным, и, весьма возможно, не без прямого участия врагов Кироса, которые распространяют о нем всякого рода неблагоприятные слухи. Прадо, который в своей реляции напишет, будто в бухте Сан-Фелиппе-и-Сантьяго на капитане произошел мятеж, и напишет много другой всякой всячины, стремясь опорочить Кироса, сошлется на свидетельства дезертировавших в Акапулько матросов. И действительно, кое-кто из них, завербовавшись на корабль, шедший на Филиппины, побывал в Маниле.

Один за другим умирают подопечные Кироса: восьмилетний Пабло, затем Педро; Кирос очень горюет об этих ребятах.

...Время идет, и ничто не движется с места. Хорошо, что находится некий Гаспар Мендес де Вера, почитатель Кироса, который ссужает его малой толикой денег. Это дает возможность Киросу совершить поездку к побережью. И там его, флотоводца, открывателя новых земель, берет с собой в качестве гостя капитан уходящего в Европу корабля.

Как обычно, переход продолжается примерно месяц и на сей раз обходится без особых приключений. В июне или в июле 1607 года Кирос в Кадисе. Денег нет. Чтобы попасть из Кадиса в Сан-Лукар, а оттуда знакомой дорогой в Севилью, он продает свою постель и часть гардероба. В Севилье в Торговой палате ему дают пятьсот реалов. Сумма невелика, но он хоть может расплатиться с самыми неотложными долгами.

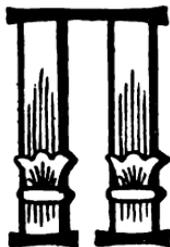
Девятого октября 1607 года он входит через Толедские ворота в Мадрид. Он входит в город, не зная, где приклонить голову.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

**ЧУЖОЙ
СРЕДИ
ЧУЖИХ**

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ТОЛЬКО СПРАВЕДЛИВОСТИ!

рошли те времена, когда в Испании да и в принадлежавшей ей теперь Португалии открывателей новых земель встречали торжественно и радостно. Это когда-то, сто с лишним лет тому назад, возле Таррагонских во-

рот Барселоны встречать вернувшегося с победой адмирала моря-океана собрались по приказанию короля и королевы едва ли не все гранды Кастилии и Арагона. Королю тогда хотелось лишний раз показать сеньорам, что его слово закон:

Это была все-таки удивительная процессия: словно венценосец, сопровождаемый принцами, графами, маркизами, баронами, въехал однажды Колумб в Барселону.

А шестью годами позже португальский король Мануэл, узнав о том, что Васко да Гама вернулся домой, немедленно послал к нему графа Порту Алегри и еще нескольких царедворцев, а затем со всевозможной пышностью в присутствии всего двора принял мореплавателя.

Теперь человека, побывавшего там, где до него не был ни один европеец, дважды проделавшего немислимо огромный путь в плохо изученном, бескрайнем океане, сделавшего, быть может, величайшее открытие века, не встречает никто. Он даже не может отчитаться перед пославшим его королем.

...Всего лишь несколько лет назад он все-таки сумел — не без помощи герцога Сесы, конечно, — и имея на руках рекомендации папы — получить аудиенцию у Филиппа III. Сейчас это ему никак не удастся: король то в одном замке, то в другом, он выехал в Барселону, он отдыхает, он занят. «Подождите немного, сеньор Кирос, наведайтесь».

Примерно те же самые слова, с той только разницей, что говорят не «его величество», а «его сиятельство» (речь идет о герцоге Лерме, председателе Государственного совета) или «его светлость» (речь идет о графе Лемосе — председателе Совета по делам Индий), слышит Кирос и в тех двух ведомствах, которые имеют непосредственное отношение к его путешествиям.

Чужой среди чужих — так можно было бы охарактеризовать положение Кироса.

С трудом находит он прибежище у бедной вдовы на улице, что выходила на знаменитую Пуэрта-дель-Соль, нынешнюю Центральную площадь Мадрида. В ту пору это была окраина. И Кирос был человек с окраины. Что, собственно, нужно этому неизвестному капитану, вернувшемуся из дальних морей, не имеющему ни денег, ни связей, и чье путешествие не принесло пока никаких ощутимых результатов?

Он слишком поздно родился. Испания одряхла. Со времен Фернанда и Изабеллы прошел век! Положение было таково, что, если бы этот безвестный моряк открыл еще одну Америку (новость, которая в свое время поставила бы на ноги всю Испанию), отклика не было бы никакого.

Да, собственно говоря, он и привез такую весть. Ведь Кирос совершенно чистосердечно считает, что открыл новую часть света. И вот с таким сообщением он не может никуда пробиться!

Парадоксально? Но так оно было.

Как доказать свою правоту? Как добиться, чтобы послали экспедицию к открытой им земле?

У Педро Кироса в руках лишь одно оружие: оружие слова.

Из «Памятной записки» Кироса

«Четырнадцать месяцев нахожусь я при дворе, и вот уже четырнадцать лет минуло с той поры, как я целиком посвятил себя делу, в коем не ищу для себя ни малейшей выгоды, лишь успеха самому предприятию. Преодо-

левая бесчисленные препятствия, я прошел на суше и на море более 20 тысяч лиг, затратив все свои средства, подвергая себя лишениям и тяготам, претерпев так много страшного, что самому не верится, и все это ради того, чтобы не заглохло благочестивое и нужное дело...

Все земли, которые мы видели, находятся в жаркой зоне, кое-где доходят до экватора, а от экватора тянутся к югу, а где чуть поближе, и если они действительно окажутся таковыми, какими представляются, то эти земли — антиподы по отношению к большей части Африки, ко всей Европе и значительной части Азии.

Население там многочисленное, цвет кожи самый различный; встречаются белые, коричневые, встречаются мулаты различных оттенков, есть индейцы и люди, родившиеся в смешанных браках. Кое у кого из аборигенов волосы черные, густые и прямые, у других же короткие, завитые спиралью; встречаются и такие, у которых волосы мягкие и с рыжеватым оттенком; эти отличия свидетельствуют об активном общении и не менее активных торговых связях. В силу вышеуказанного, а также поскольку земли здесь плодородные и богатые и население не имеет огнестрельного оружия, наносящего, как известно, огромный урон, а также и потому, что тамошние жители не работают в серебряных и тому подобных рудниках, равно как и в силу целого ряда других причин, население тут довольно многочисленное. Но местные жители понятия не имеют об искусстве, у них нет армии, нет крепости, нет законов, нет короля. Это лишь язычники, живущие племенами, не слишком дружелюбно относящиеся друг к другу. Обычно их оружие — луки и стрелы (причем стрелы обычно без яда), дубинки, палки, копья и дротики. Люди они пристойные, опрятные, разумные, благорасположенные и отзывчивые.

Живут они в деревянных домах, крыши покрывают пальмовыми листьями. Они изготавливают глиняные горшки, плетут камыш, употребляя его для одежды и для выделки циновок. Они обрабатывают камень и мрамор, изготавливают флейты, барабаны и ложки из полированного дерева. У них есть места, отведенные для молебствий и специальные места для погребений. Обработанные участки, на которых произрастают овощи, фрукты и злаки, они ограждают палисадами и рвами. У островитян есть лодки весьма неплохие и вполне пригодные для путешествий с одного острова на другой.

Следует заметить, что существуют некоторые признаки, свидетельствующие о том, что эти племена где-то соседствуют с более цивилизованным народом. Подтверждением этому, в частности, служит тот факт, что они кастрируют свиней и домашнюю птицу...

К богатствам найденной земли следует причислить серебро и жемчуг, которые я сам видел, и золото, которое видел другой капитан, как он об этом сообщает в своей докладной записке. А также специи, орехи, перец, имбирь и сырье, необходимое для производства шелка. Произрастает здесь также алоэ, сахарный тростник и индиго. Много эбеновых деревьев и великое множество деревьев, пригодных для постройки судов, в том числе превосходный мачтовый лес.

...Земля эта настолько богата, что она одна может снабдить всем необходимым Америку и обогатить Испанию. И это я смогу доказать, если мне помогут. Следует также подчеркнуть, что все то, о чем я пишу, я видел на побережье или с моря, и есть надежда, что в глубине страны будут найдены такие богатства, которые превзойдут все то, что мы видели до сих пор. Необходимо отметить также, что основная моя задача заключалась в том, чтобы разыскать Большую землю, что и

было осуществлено, но из-за моей болезни и ряда других причин, о которых мне не хочется распространяться, я не смог увидеть всего того, что мне хотелось бы...

Бухта Сан-Фелиппе-и-Сантьяго тянется на двадцать лиг. Она свободна от рифов, и в нее можно войти днем и ночью. На берегу разбросано много деревень, и в них, а также за ними мы видели множество столбов дыма, а ночью огней. Порт Вера-Крус такой огромный, что здесь хватит места для тысячи кораблей... И здесь можно воздвигнуть большой и населенный город, и жители его будут пользоваться всеми местными благами и удобствами. Они сумеют наладить связь с Чили, Перу, Панамой, Никарагуа, Гватемалой, Новой Испанией и Филиппинами. Найденная земля — своего рода ключ к ним и в своем этом качестве может стать торговым центром, приносящим большой доход. Я не преувеличиваю, утверждая, что здесь могут поселиться и жить в довольстве по меньшей мере 200 тысяч испанцев.

...Я не видел здесь ни песчаных пустынь, ни каких-либо колючих растений или деревьев с шипами, ни деревьев с торчащими в воздухе корнями, ни мест, которым угрожало бы наводнение, ни болот, ни горных вершин, покрытых снегом. В реках там, слава богу, не водятся крокодилы, в лесах нет ядовитых змей, не видно и муравьев, которые так неприятны в домах. Это весьма важное преимущество, и его стоит оценить, ибо, как известно, в Индиях немало пришлось забросить земель именно из-за всего этого.

Из всего вышеуказанного следует, что существуют две части света, отделенные от Европы, Африки и Азии. Первая — Америка, которую открыл Христофор Колумб, вторая и последняя — та, которую довелось увидеть мне. Я открыл ее во славу вашего величества».

День за днем пишет он прошения, письма, предлагает планы. Кормчий снова становится писцом.

Беда в том, что этому писцу нечего есть! У него всего две рубашки, латаный-перелатаный камзол да выдавший виды, с чужого плеча плащ.

— Ах, сеньор Кирос, — говорит ему, блестя лукавыми глазами, миловидная хозяйка, — неужели вам не надоели все эти неведомые моря? Ведь в Испании тоже можно жить. И привыкнуть ко всему можно. Привыкла же я к Мадриду, хотя родом из Севильи. Конечно, женщине одной трудно приходится, но, — тут она чуть краснеет, — вы простите, что я вмешиваюсь в ваши дела, мне, однако, кажется, что если бы вы немного по-иному взглянули на вещи, у вас, наверное, все бы наладилось».

Что сказать ей? Может, и в самом деле бросить все, поступить на службу — с его знаниями это не так сложно, — позабыть о дальних странах и мирно дожить свой век, рассказывая внукам о том, что довелось ему увидеть, испытать, узнать во время своих путешествий?

Увы, это не для него. Тут ничего не поделаешь, он человек другого склада. Астрологи, наверное, правы: у каждого своя звезда.

...Иногда на него находят настоящие приступы бешенства: неужели он не сумеет доказать, какое значение имеют его путешествия, не сумеет продолжить свои исследования и осуществить то, чему он посвятил всю жизнь?

Государственный совет и его президент герцог Лерма и Совет по делам Индий во главе с графом Лемосом —

вот те два полюса, между которыми проходит теперь жизнь Кироса.

Самое любопытное, что Лерма, так же как Лемос, вовсе не отказывают ему в аудиенции. В конце концов его принимают и его выслушивают и тот и другой. Более того, Лерма добивается для него приема у короля.

Что-нибудь существенное? О нет! Киросу — на сей раз в самом первом зале, в кабинет его не пускают — милостиво дают поцеловать руку. А дальше? Дальше ничего не происходит, ровным счетом ничего. Капитан продолжает сочинять свои меморандумы, тратит последние гроши на бумагу и чернила. Бумаги и чернил уходит много, ибо каждое прошение надо еще и переписать в нескольких экземплярах.

Ко всем его бедам прибавляется еще одна: соперничество между обоими ведомствами, от которых зависит решение его дела: оба совета давно и прочно враждуют между собой. Поскольку Кирос в свое время получил согласно повелению короля «добро» от Государственного совета, то Совет по делам Индий до сих пор чувствует себя уязвленным. И вымещает это, разумеется, прежде всего на Киросе.

Бумаги курсируют туда-сюда, и к марту 1608 года одна из них, посланная королевской канцелярией, попадает к Лерме, от Лермы в Государственный совет.

*Доклад Государственного совета
от 25 сентября 1608 года*

«Ваше величество!

Несколько дней назад, перед советом было зачитано письмо Луиса Ваэса Торреса, командира одного из двух кораблей, которые отправились из Перу исследовать неведомые части Южного моря. В этом письме вышеупо-

мянутый капитан рассказывает обо всем, что случилось с ним, и о совершенных открытиях; перед советом также были продемонстрированы пять посланных им карт нескольких бухт и островов, к которым он причаливал. Все это было вручено вашему величеству 2 августа сего года, дабы стало возможным передать данные документы Совету по делам Индий, и все в дальнейшем будет, к удовольствию вашего величества, представлено совету, с тем чтобы совет дал соответствующие указания по поводу действий, которые он считает желательными, а также всего того, что уже рассмотрено в совете в соответствии с указаниями вашего величества. В частности, доклада Совета по делам Индий, касающегося донесения Педро Фернандеса Кироза о том, что им сделано в ходе исследования, его соображений о том, что ему необходимо, дабы он смог продолжать свои поиски.

Совет, рассмотрев все со вниманием, которого достойно столь важное дело, считает, что Совет по делам Индий прав, ибо не подлежит сомнению то обстоятельство, что новые открытия в Индиях отвлекают из Испании население, а в ней и без того, как это всем известно, людей не хватает. Следует опасаться также того, что новые открытия только нанесут в этом плане еще больший ущерб и дадут возможность врагам вашего величества захватить вновь открытые страны — за недостатком людей, что, повторяем, имеет место в королевствах Нового Света, и невозможности их использования для новых завоеваний. Казна вашего величества настолько истощена, что только при крайнем напряжении возможно удержать то, что уже завоевано, и совет совсем не уверен, что можно с чистой совестью приступить к завоеванию земель, в которых проживают язычники, никогда не наносившие нам никакого вреда и не совершавшие набегов на наши территории. Хотя Педро Фернандес Ки-

рос и вообразил, будто он второй Колумб, не следует, исходя из вышеуказанного, потворствовать его планам. Нежелательно, однако, и довести его до отчаяния, учитывая сделанные им открытия и все то, что он видел, а также беря в расчет риск, связанный с тем, как бы он не обратился к врагам вашего величества с предложением занять открытые им земли.

Вследствие всего вышеизложенного, памятуя как само собой разумеющееся, что самое лучшее не входить в обсуждение нового открытия, совет считает, что этого человека с его богатейшим опытом следует удержать здесь через военный совет в качестве космографа, дабы он мог сослужить службу при составлении морских карт и глобусов, так как Совет по делам Индий не оказывает ему помощи, поскольку он совершил свое путешествие по указанию Государственного совета.

И таким образом все будет улажено: не станет достоянием гласности все то, что открыл этот человек, он не будет повержен в отчаяние, удастся избежать затруднений, связанных с возможностью передачи сведений врагам короны, можно будет удержать его и, принимая во внимание профессию Кироса, получить от него наивозможнейшую пользу».

Что ж, господам из Государственного совета никак нельзя отказать ни в наблюдательности, ни в откровенности.

...Оно еще стоит, гигантское здание, на чьем фасаде надпись: «Королевство Испании и Португалии». Но пора расцвета миновала. Идет 1609 год. И соглашение о прекращении огня, подписанное с Нидерландами — сие ни у кого не вызывает сомнения, — лишь временная передышка, которая в конечном итоге ничего не даст Испании.

О независимости и свободе говорят не только в Нидерландах. Даже в вице-королевстве Перу и в Мексике тоже раздаются — пока это еще единичные случаи — призывы к свободе и требования провозгласить независимость. И по-прежнему форменную охоту устраивают за испанскими судами разноплеменные пираты, основавшие целые республики возле Кубы, Гаити и других вест-индских островов.

Если бы только это! Еще в 1599 году голландцы основали факторию в Тернате, на Молукках, и никакими силами не удается заставить их оттуда уйти. Магелланов пролив лишь номинально в руках испанцев: попытка построить тут крепость, предпринятая по поручению Филиппа II неугомонным Сармьенто, закончилась провалом, и не единожды проходили сквозь пролив вражеские корабли.

Ко всему этому в первые четыре года нового века в Англии, Голландии и Франции были созданы мощные торговые компании — в сферу их деятельности входят земли и острова, где еще совсем недавно полновластными хозяевами чувствовали себя испанцы и португальцы.

Более того! В Новый Свет проникают англичане и голландцы. Кто в Испании мог бы себе представить подобную дерзость еще каких-нибудь 20 лет назад!

...Ему стать рисовальщиком карт! Третьестепенным чиновником, выполняющим чужие предначертания, рабски наносящим маршруты других путешественников? И это предлагают человеку, который проплыл 60 тысяч морских миль, на 16 тысяч больше, чем Колумб, Магеллан и Васко да Гама, вместе взятые! Человеку, который по меньшей мере 20 раз был на краю гибели и

вот уже 16 лет делает все, что в его силах, дабы осуществить свою великую мечту!

...В одном из писем Кирос с горечью заметит: «Я один».

Прошения, докладные записки, заявления.

В январе 1609 года Педро удается получить еще одну аудиенцию у короля: помог обер-гофмаршал монарха, маркиз де Велада. Вновь Кирос показывает карты, говорит о своих планах. Убеденность капитана производит впечатление. Месяц спустя Государственный совет получает королевский указ: совету предписывается серьезно заняться Киросом. Кажется, что-то налаживается.

Но это только кажется.

Указ короля от 7 февраля 1609 года

«Король — графу Монтез Кларосу, моему кузену, вице-королю, губернатору и генерал-капитану провинций Перу или же лицу или лицам, его замещающим. Капитан Педро Фернандес Кирос, который, как вам известно, совершил путешествие в поисках неведомой Южной земли, обратился ко мне с прошением. В нем он пишет, что по моему повелению, адресованному Государственному совету, он, Кирос, был уполномочен совершить указанное путешествие и что вице-королю, вашему предшественнику, было предписано снабдить его всем необходимым, и для этой цели Кирос из порта Кальяо, держа курс на северо-запад, отправился 21 декабря 1605 года с двумя кораблями и одним шлюпом, имея на борту соответствующий экипаж и все необходимое, и дошел до 26-го градуса южной широты, открыв на этом пути и далее 20 островов, из них 12 населенных

различными племенами, и три части какой-то земли, составляющей, по его мнению, единое целое и, как он считает, являющейся материком. Там он также обнаружил большую бухту с удобной гаванью, куда он и зашел со своими тремя кораблями. Но случилось так, что капитана, на которой находился сам Кирос, не смогла осуществить задуманное — ее вынесло из бухты. Вследствие этого, а также в силу целого ряда других причин он был вынужден идти в порт Акапулько, откуда он направился в Испанию с тем, чтобы представить мне этот отчет о своем путешествии.

Он доложил, что открытая им земля ласкает глаз; что там произрастает великое множество всяческих плодов, что люди там ведут оседлый образ жизни и готовы принять нашу веру... Поелику его намерения заключаются в том, чтобы нести службу во имя господ бога и продолжить то, чем он занимался так много лет, преодолевая лишения и трудности, приказываю снабдить его всем необходимым, дабы он мог совершить еще одно плавание и основать поселение, а для этого надобно, чтобы в Перу ему были предоставлены корабли, пушки, мушкеты, аркебузы и другое оружие и припасы, а также товары для обмена, листовое железо и железные орудия для обработки земли и работы в шахтах...

Я приказал вышеупомянутому капитану Педро Фернандесу Киросу возвратиться в Перу при первой же оказии и приказываю и вменяю вам в обязанность, что, как только он прибудет, вы должны приступить к необходимым приготовлениям, дабы его отправить, снабдив всем необходимым для плавания. Расходы следует отнести на счет моей казны, и все должно быть сделано с надлежащей быстротой. Не чините никаких препятствий, проследите за тем, чтобы все те, кто отправляется с ним и под его командой, беспрекословно подчиня-

лись ему. И да будет сделано все, что полагается в тех случаях, когда предпринимаются подобные путешествия...»

Но Кирос не удовлетворен. Причина? Он назовет ее, и достаточно определено. «Указ оставлял ряд вопросов открытым. Я не был облечен необходимыми полномочиями, чтобы требовать все, что считал бы необходимым для моего путешествия. К тому же решение вопроса, из какого порта в Перу я должен отправиться в путь, представлялось не мне, а вице-королю».

Все это Кирос со свойственной ему прямоотой излагает в очередном меморандуме. Положение, как всегда, щекотливое. Конечно, не очень удобно писать королю, что подписанный им документ оставляет возможность для злоупотреблений и что он, Кирос, это прекрасно видит. Выбирать, однако, не приходится: такая уж у него судьба — он вечно между Сциллой и Харибдой.

..Наверное, в конечном итоге всё же лучше рискнуть навлечь на себя недовольство короля, еще раз попробовать добиться совершенно четких формулировок, относящихся к правам и обязанностям начальника экспедиции, нежели оказаться за тридевять земель от Мадрида, в полной зависимости от вице-короля в жизненно важных для экспедиции вопросах!

Кирос продолжает придерживаться свое прежней тактики: он пишет и в своих письмах, адресованных королю, настаивает на том, чтобы ордонанс был соответствующим образом переделан. Это не прихоть. У него просто нет другого выхода. Ему уже 45 лет. Он не может, не имеет права рисковать.

1 ноября 1610 года Кирос получает новый ордонанс.

Собственно говоря, новый он только по названию. Это все тот же, нам уже известный, а нового в нем только добавление о том, что Киросу на расходы в пути предоставляются 6 тысяч дукатов. И указывается точное количество листового железа, которое ему вменяется в обязанность закупить в Севилье.

Только и всего? Волей-неволей Киросу придется снова браться за перо. Ведь в новом ордонансе опять ни слова о его полномочиях. Не может он ехать, имея на руках такой зыбкий документ.

Проходит еще какое-то время. Его запрашивают — какой бы он хотел получить титул? Педро отвечает: полагалось бы назначить его губернатором и генерал-капитаном. Но если это слишком много, то он не настаивает. Необходимо лишь, чтобы он был облечен достаточной властью, дабы ему повиновались.

Все тот же 1610 год. Кирос получает вспомоществование — 3 тысячи дукатов. Сумма немалая, но Кирос столько задолжал, что ее не хватает на покрытие долгов.

...То, что ему не удастся осуществить, он по-прежнему поверяет бумаге.

Две Индии были известны до сих пор, Восточная и Западная. Теперь им открыта третья, самая значительная, «земной рай», Австральская Индия. Кирос пишет о том, что эта земля занимает значительную часть земной поверхности и в основном расположена возле Южного полюса, хотя и заходит «языками» далеко в Тихий океан. Один из «пиков» этой земли он и нашел. Здесь непочатый край работы.

Она богата, эта страна! Здесь все быстро созревает: хлебные злаки, хлопок, сахарный тростник, корнеплоды, овощи, фрукты. Тот, кто заложит тут большие планта-

ции, не ошибется: земля плодородна, солнца много. Материк расположен очень выгодно — посреди огромного моря, которое, несомненно, станет морем будущего.

Торговой империей, в чьих руках окажутся ключевые позиции в Тихом океане, колоссальным перевалочным пунктом на пути из Азии в Америку, страной, снабжающей Испанию сырьем и ввозящей ее товары, — такой видится Киросу земля его мечты.

Тысячи колонистов нужны этому новому миру. И новые порядки. Не как захватчики должны себя вести во вновь открытых землях испанские поселенцы, а как друзья, как защитники чернокожих и прочих цветных братьев.

Думы о будущем не дают покоя Киросу. В ночной тиши в деталях обдумывает он строй своего государства, его хозяйственное и социальное устройство. И мысли Кироса во многом необычны для «золотого века» истории Испании. Лучших людей, считает он, нужно отправлять в колонии, таких людей, у которых гармонично сосуществуют три добродетели: знание, совесть и опыт.

Ядро поселенцев должны составить квалифицированные кузнецы, каменщики, маляры, архитекторы, инженеры, врачи, ученые. И конечно, монахи и священнослужители. Кирос — человек своего времени. Без религии, по его мнению, общество существовать не может. Но в этом обществе должны быть справедливые порядки. Это основа основ. За открытием земли должно последовать открытие человека. Ни происхождение, ни положение не должны давать никаких особых преимуществ. Лучший путь к лучшим порядкам — образование.

В его стране не будет *indios aperreados* — «затрав-

ленных собаками индейцев». И не будет такого бедственного положения, как в Перу или Мексике, где 10 или 12 тысяч испанцев властвуют над находящимися в нищете миллионами индейцев.

...Да, уж что-то, а положение дел в Новом Свете Кирос знал не с чужих слов. И не строил себе на сей счет никаких иллюзий. Когда читаешь написанное им — а написано все это с великой страстью, с горячей убежденностью в правоте своих идей, — видишь, как тонко и умно понимал он суть того, что происходило в испанских вице-королевствах.

Неизвестно, был ли он знаком с сочинениями знаменитого епископа Лас-Кассаса, заклеившего колониальную политику испанцев. Весьма вероятно, что был. Но и сам Кирос в своих писаниях поднимается до тех же высот.

Живой голос правды слышится в его докладных записках. И так же как Лас-Кассас, он с гневом и возмущением говорит об ужасающих преступлениях, совершенных испанскими захватчиками в завоеванных областях, о разбое, кражах, издевательствах, насилиях. «Сами они (новоявленные господа. — А. В.), — восклицает Кирос, — боятся работы, как чумы. Но горе тому индейцу, который не захочет на них трудиться! Да и кто такие эти выскочки, грабители, насильники, которые требуют, чтобы их называли сеньорами и которых после смерти возводят чуть ли не в ранг святых? Чем, собственно, заслужили они такую честь? Тем, что разрушали хозяйство, умерщвляли коренное население, фальсифицировали права, обманывали королевскую администрацию и даже саму корону?». «Нарушены были христианские добродетели, — пишет Кирос, — произошло растление душ под прикрытием громких слов о торжестве христианских принципов».

Кирос во многом идеалист. И он считает: одна из главных его задач — установить на тех землях, что он открыл, истинно христианские порядки, так, как он их понимает, конечно.

...В бессонные ночи Кирос чертит карты, проводит маршруты, набрасывает план своего будущего города — там, у вод реки Иордан, в бухте Вера-Крус.

Он делает запись в своем дневнике:

«Насилие и принуждение еще никогда не создали ничего прочного».

ОДИН

ткуда берутся силы у этого немолодого уже человека? С упорством фанатика вновь и вновь обращается он к королю, и порой его слова звучат дерзко. Разве не может он перейти на службу к другому монарху? Разве

терпение его безгранично? Разве не о благе Испании думает он, прозябая в нищете? И разве для того он приехал в Мадрид, чтобы здесь, на суше, потерпеть крушение?

Да и не в нем в конечном итоге дело. Пусть во главе экспедиции станет другой человек — была бы она организована. «Я раб этой идеи», — пишет Кирос.

И он прав!

Единственное, чего он хочет, — это чтобы вопрос был решен. С горечью и отчаянием пишет Кирос королю: «Если меня никуда не хотят посылать, то пусть назовут причину. И если ваше величество не хочет добиться, чтобы ваше приказание выполнялось, то я умоляю вас сорвать повязку с моих глаз. Сорвать, ибо я больше не могу».

А король молчит, молчат и его высокие учреждения.

В довершение всех бед в 1611 году президентом Совета по делам Индий становится Луис Веласко. «Это он, — напишет Кирос, — оказывал мне самое сильное сопротивление».

1612 год. Пять неммыслимо тяжелых лет, пять лет в беготне, пять лет противоборства с находящимися во взаимной вражде правительственными инстанциями, пять лет надежд и отчаяния. «Прошу приговора, честного и мудрого... Пропавшие годы жгут меня».

Знал бы Кирос о том, что еще в 1609 году коннетабль Кастилии, дон Хуан Фернандес Веласко, родственник Луиса Веласко, предложил — с тем чтобы раз и навсегда отвязаться от назойливого просителя — откомандировать Кироса в Перу, снабдив его от имени Совета по делам Индий соответствующей бумагой. В этой бумаге следовало, по мнению Веласко, в довольно твердых тонах предложить вице-королю помощь мо-

реплавателю, впрочем, оставляя право решения за сановником.

Но одновременно, и в этом была вся соль, вице-королю должны были вручить еще одно — сверхсекретное — послание, прямо противоположного толка: «Капитана Кироса задержать, никакой лицензии ему не давать, вообще не принимать никаких решений без соответствующего предписания короля».

Лишь несколько человек знали о плане Веласко, самые высшие сановники: кардинал Толедо, герцог Альба, а также президент Совета по делам Индий, и соответствующие документы проследовали из Государственного совета в канцелярию короля.

Так дело Кироса было возведено в ранг государственной важности, и королевский указ все того же 1609 года был, по сути, плодом этого заговора.

И остальные указы тоже были плодом двойной игры. Не исключается, что об этой игре члены Совета по делам Индий не знали. Но им введома была общая ситуация, и они спокойно занимались оттяжками и проволочками. А дабы Кирос, который — вот незадача — упрямится и никак не желает отправляться в Перу, не вздумал и в самом деле выехать, скажем, в Англию, в нем поддерживают надежду, что постепенно, мол, все наладится. И даже обращаются к королю с просьбой объявить Киросу через какого-нибудь министра, что его величество к нему (к Киросу. — *А. В.*) чрезвычайно благоволит, очень ценит его и хочет сохранить для соответствующего предприятия. Надо лишь потерпеть еще два-три года! Вот так!

Следует еще одно решение: Киросу запрещают печатать его меморандумы и статьи.

...Ни в коем случае не допустить, чтобы его проекты

были преданы широкой огласке! И в какой-то мере это удается: путевые записки капитана, карты — последние так и не найдены до сих пор — попадают в тайное хранилище, и лишь 360 лет спустя был извлечен его дневник из архива в Севилье.

Тем не менее сведения об экспедиции и о планах Кироса — в общих чертах, разумеется, — становятся известными, и тут власти были бессильны. О них говорит кое-кто из моряков, участников экспедиции. Ходят слухи, что далеко-далеко в океане, если плыть из Перу на юго-запад, разбросаны островки и острова, населенные людьми, и дойти до этих островов можно. И не только до островов. Ибо Кирос утверждает, что он открыл там целый материк.

Каким-то образом, и, вероятно, отнюдь не бескорыстно, кто-то умудряется переправить за границу копии нескольких докладных записок Кироса.

...Запретить идеи в темницу — дело сложное. Испанские власти могли в этом убедиться не единожды, а если говорить о Киросе, то вот какая любопытная история произошла в 1615 году в Голландии. Там организовали компанию, которая так и называлась — Австральская, и ее стараниями была послана экспедиция под командованием Ле Мера и Схаутена. В открытом море морякам рассказали о цели экспедиции и зачитали, дабы воодушевить людей, одну из памятных записок Кироса.

Рассказ о путешествиях и приключениях некоего Кира появляется в Германии. Опубликованы были некоторые сведения о свершениях Кироса в сочинениях испанских историков Торквемады, Морги и других.

И эти публикации сыграют свою роль.

Если бы Киросу (а ведь, собственно, об этом шла речь) разрешили, как он этого просил, возвратиться на

Эспириту Санто, он, конечно, понял бы, что открыл не материк, а всего лишь архипелаг. И вероятней всего, разыскал бы Австралию, тем более что известен был ему путь Торреса, да и не он ли сам предначертал Торресу его маршрут?

Но не суждено было Киросу отправиться в третье плавание. И все-таки, несмотря на все допущенные им ошибки, на преследовавшие его неудачи, именно Кирос предвосхитил открытие пятого материка. И в этом смысле он был прав, когда писал, что, подобно Колумбу, проложил путь к новому материку.

Сейчас мы знаем: вместо одного огромного материка, который, как думал Кирос, простирается от Новой Гвинеи до самого Южного полюса, оказалось два, разделенных к тому же широкими морями.

Южного материка в том виде, в каком его себе представляла наука XVI — начала XVII века, в том виде, в котором его себе представлял и Кирос, не было. Но существуют все-таки на свете Австралия и Антарктида!

Идут годы. С упорством отчаяния защищает свое дело Кирос. Он все еще верит, что ему удастся получить разрешение на новую экспедицию. Худой, безмерно уставший, навевается он то в Государственный совет, то в Совет по делам Индий, пишет, потеряв им счет, докладные записки, прошения.

Никто ничего не хочет решать. Одна инстанция ссылается на другую, и даже совещания с участием математиков и моряков, о котором давно молит Кирос, даже этого ему не позволяют.

...Он слишком честен. Именно это помогает его врагам, в том числе и Веласко, который ведет себя по отно-

шению к Киросу примерно так же, как в свое время всемогущий вице-король Толедо по отношению к Менданье.

Кирос ждет. Кирос все еще на что-то надеется.

А на другом конце света вдруг заявляет о себе Прадо. Добравшись в 1613 году в Гоа, он посылает оттуда два письма — королю и его секретарю.

Представляясь как непосредственный начальник Торреса, он спешит уведомить Филиппа III, чтобы тот не принимал всерьез «низкого и лживого человека». Так он отзывается о Киросе.

Письмо не очень длинное. Чего, однако, тут не наговорил Прадо! Послушать его, так именно Кирос главный виновник смерти Менданьи. Прекрасно зная, что в наветах лучше всего хотя бы местами соблюдать видимость правды, или, на худой конец, говорить полуправду, придавая ей соответствующую окраску, Прадо именно в этом письме сообщает, что Кирос провел юность на Rua Nova, в Лиссабоне. И тут же презрительно добавляет: «Ну что можно ожидать от такого человека!» «Я не знаю, — пишет он, — о каком уважении со стороны испанцев в Перу может идти речь по отношению к человеку, который только вчера был писарем на купеческом корабле, и к тому же еще на португальском».

Каждая строчка Прадо дышит ненавистью к Киросу. Основная мысль такова: ни в коем случае не следует давать согласие на испрашиваемую Киросом экспедицию.

...И Итурбе, инспектор и счетовод экспедиции, не устоял перед соблазном навредить Киросу. Возможно, он это сделал не без влияния Прадо. Тон его письма более спокойный, чем у Прадо, да и прямых ругательств по адресу Кироса поменьше. Итурбе даже считает, что

само по себе задуманное предприятие не так уже плохо. Но ставить Кироса во главе экспедиции не следует. Причины? Слабые способности, высокомерие, стремление к возвеличиванию собственной персоны.

Не сидится спокойно и Кастро. Впрочем, скорей всего тут снова выпускает коготки Исабель Баретто, которая никак не хочет примириться с тем, что Кирос так успешно продолжил дело ее первого мужа. А уж если быть совершенно точным, то, вероятнее всего, ее вновь обуяло беспокойство по поводу Соломоновых островов. И вот Кастро, недолго думая, пишет к мадридскому двору. В своем послании он, ссылаясь на «монахов, которые были с указанным Педро Фернандесом Киросом» (кстати, не совсем понятно, почему «монахов», когда с Киросом в Акапулько прибыл всего лишь один монах. — А. В.), сообщает, что земля, которую открыл Кирос, — часть Новой Гвинеи, и, следовательно, Кирос вообще не сделал никакого открытия.

И уж конечно, в письме, между строк, еще одно обвинение, отнюдь не новое: Кирос оставил на произвол судьбы адмиральский корабль.

...Стекаются, стекаются в Мадрид ядовитые послания.

В начале 1614 года Кироса вызывает новый секретарь Государственного совета. Молча смотрит он на Кироса, молча протягивает ему декрет. «Его величество, вникнув в дело Кироса, считает, что в таком значительном предприятии следует действовать наверняка. Посему пусть Кирос возвратится в Перу и действует согласно приказу, который он получит».

Таков был результат семилетней борьбы!

Надо подчиняться. Что еще остается делать?

...После долгих лет пребывания в мрачном и пустынном Мадриде весенняя Севилья 1615 года, в гомоне

птиц, в цветении садов, шумная, в ветрах дальних странствий, показалась прекрасной. С Кирсом вместе его семья — когда, при каких обстоятельствах она прибыла в Испанию, это мы не знаем. Дети уже взрослые — и сын и дочь.

...Где-то в начале мая Кирс вступает на борт корабля, направляющегося в Новый Свет.

Через океан он переправился благополучно, хотя и чувствовал себя прескверно. Умер он, так и не добравшись до Лимы, в Панаме, в конце лета 1615 года.

Трагически сложилась жизнь Кирса. Но в памяти будущих поколений этот неистовый подвижник, этот великий мореплаватель остался как один из самых проницательных первооткрывателей и исследователей новых земель.

По меньшей мере еще два века будет будоражить умы людей гипотеза, которую так рьяно защищал Кирс. Пусть Южный материк, открытый Кирсом в его втором плавании, оказался на поверку сравнительно небольшим островом. Но это идеи Кирса вдохновили Тасмана и других путешественников, открывших Австралию. Это в поисках Южного материка избороздил во время своего второго путешествия южную часть Тихого океана Кук, дойдя до границ Антарктиды.

У порога своей главной цели, в каких-нибудь ста милях от Австралии, остановился Кирс. Но другие мореплаватели доказали, что в основном, в главном он был прав: ведь, повторяем, есть на свете и Австралия и Антарктида. Догадки Кирса подтвердились.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. Соломоновы острова	
Глава первая. Менданья	6
Глава вторая. Кирос	27
Глава третья. В путь	45
Глава четвертая. Дорога домой идет через Филиппины	75
Часть вторая. В Европе	
Глава пятая. Терпение, еще раз терпение	94
Глава шестая. Свершилось!	108
Часть третья. В поисках Южной земли	
Глава седьмая. Курс на юго-запад . . .	126
Глава восьмая. Впереди — земля! . . .	135
Часть четвертая. Чужой среди чужих	
Глава девятая. Только справедливости! . .	164
Глава десятая. Один	183

Варшавский Анатолий Семенович.

КОЛУМБ АВСТРАЛИИ. (Докум. повесть о Педро Киресе). М., «Молодая гвардия», 1971.
192 с. с илл. («Бригантина»)

91(09)

Редактор *С. Митрохина*

Художественный редактор *Б. Федотов*

Технический редактор *И. Соленов*

Корректоры *Т. Пескова, К. Пипикова, А. Стрелихеева*

Подписано к печати с матриц 7/IV 1971 г. А01175.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 3. Печ. л. 6 (усл. 8,4).
Уч.-изд. л. 7,7. Тираж 100 000 экз. Зак. 883. Цена 25 коп.
Т. П. 1970 г., № 235.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сушчевская, 21.

25 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ